Г. КАРТЕР и А. МЕЙС

ТУТАНХАМОН

ГРОБНИЦА ЕГИПЕТСКОГО ФАРАОНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г. КАРТЕР И А. МЕЙС

ТУТАНХАМОН

ГРОБНИЦА ЕГИПЕТСКОГО ФАРАОНА, ОТКРЫТАЯ КАРНАРВОНОМ И КАРТЕРОМ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ СТАТЕЙ ПРОФЕССОРОВ
Н. Д. ФЛИТТНЕР и Г. ШТЕЙНДОРФА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
А. Г. ГОРНФЕЛЬДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 19729/л.
Ленинградский Гублит № 46335.
$8^{3}/_{4}$ л. Тираж 3.000.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Счастливое открытие Говардом Картером гробницы одного из египетских фараонов — Тутанхамона вызвало глубокий интерес к древнему Египту. Если о личности фараона Тутанхамона лучше всех сказал сам Картер: «мы можем с уверенностью сказать, что единственно замечательным в его жизни было то, что он умер и был погребен», то значение найденных в гробнице вещей огромно. В сокровищницу человеческого знания о древнем Востоке внесены новые, значительной ценности вклады, вскрывающие культуру и искусство одной из наиболее интересных и наименее известных страниц истории Египта. Поэтому, хотя сами авторы, в предисловии к 1-му тому, расценивают свою работу лишь как предварительное сообщение об открытии, Государственное Издательство считает весьма полезным познакомить с ней советского читателя, интересующегося вопросами истории культуры. Книга представляет несколько измененный перевод I тома; II том вышел из печати, когда настоящая книга была уже в наборе. Не желая задерживать выхода книги, Издательство выпускает перевод I тома, внеся в него, — как указано выше, — некоторые изменения. Несколько сокращен и переделан вступительный очерк проф. Штейндорфа «Египет до Тутанхамона»; из текста Картера выпущены главы: «Царь и царица» и «Посетители и пресса», не связанные непосредственно с общей нитью изложения, а также биография Карнарвона. Зато прибавлен очерк проф. Н. Флиттнер «Дальнейшее обследование гробницы»; при составлении этого очерка использован новый материал, содержащийся во II томе. Часть рисунков оригинала сокращена, и прибавлено несколько новых к очерку проф. Н. Флиттнер. Все эти изменения сделали книгу доступнее и современнее, не нарушив цельности изложения.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мы даем здесь лишь предварительное сообщение об открытии гробницы Тутанхамона; законченный труд чисто научного характера потребует еще известного времени и лишь тогда может получить должную обработку, когда будет завершено исследование гробницы и ее сокровищ. Тем не менее мы нашли, что в виду всеобщего интереса, возбуждаемого нашим открытием, не следует терять времени, и отчет, хотя бы самый краткий, должен быть предан гласности. Такова причина появления этой книги.

Впервые пред нами раскрылась гробница фараона, которая, несмотря на поспешный разгром, произведенный грабителями еще в древности, приведена лишь в некоторый беспорядок, и в которой, по моему предположению, * в саркофаге погребального покоя лежит еще фараон во всей неприкосновенности.

Некоторые египтологи высказывали требование, чтобы мы в течение лета излагали на бумаге все, что сделали в течение зимы, и немедленно предавали эти сообщения гласности. Не говоря уж о трудности такой работы и лежащих на нас обязанностях, против этого говорит одно веское соображение. Наше дело требует еще в течение очень долгого времени напряженной работы над нашей находкой — гробницей, содержимое которой мы заносим в возможно более точные инвентарные списки. Если бы мы, следуя совету наших критиков, начали сообщать о ходе нашей работы по частям, прежде чем она сможет быть подвергнута проверке в целом, в ней неизбежно оказались бы ошибки, которые, раз вкравшись, лишь с трудом могут быть устранены. Поэтому мы позволяем себе надеяться, что избранный нами путь больше соответствует интересам научной точности и дает меньше повода к неправильному истолкованию. Есть случаи, за-

---

* В настоящее время раскопки продвинулись значительно дальше, и мумия фараона была действительно найдена. См. дополнение Н. Д. Флиттнер. *Прим. ред.*

ставляющие опасаться чрезмерной поспешности. Так, например, мы вспоминаем о найденной в Долине царей гробнице, служившей тайным хранилищем погребального убранства Эхнатона. Сообщение об этом важном, интересном открытии было предано гласности с чрезвычайной поспешностью, и тайник был объявлен гробницей царицы Тии. Однако, после более тщательного обследования оказалось, что лишь один предмет из всего великолепного клада может притязать на принадлежность этой царице — так называемый балдахин, очевидно, оказавший на суждение лиц, его открывших и описавших, необычайное воздействие. Мы хотели бы избегнуть таких ошибок. Так как к тому же мы до сих пор ознакомились лишь с четвертой частью гробницы, * то мы просим читателя отнестись со снисхождением к этому предварительному сообщению. Они поймут, что оно впоследствии легко может подвергнуться поправкам, в зависимости от фактов, которые откроются при дальнейшем ходе нашей работы.

Когда мы при бледном свете свечи подвергли первому поверхностному обследованию переднюю комнату, мы решили, что в одном из сундуков (№ 101) содержатся свитки папируса. При свете сильной электрической лампы они оказались впоследствии свертками полотна, которые, однако, все еще сохраняли известное сходство со свитками папируса. Это вызвало естественное разочарование и привело к предположению, что чисто историческое значение нашего открытия в сравнении с его значением в области истории искусств окажется незначительным, ибо здесь не оказалось сведений о царе Тутанхамоне и политическом брожении его времени.

Было сделано также указание, что открытые покои представляют собой не подлинную гробницу Тутанхамона, но что Харемхеб, его второй преемник, очевидно, овладел его могилой и наскоро перенес свое погребальное убранство в покои этой гробницы. Мало того: было высказано даже утверждение, что это только тайник; было даже предположено еще менее вероятное: а именно, что найденные предметы представляют собой лишь часть дворцовой обстановки, принадлежавшей династии и спрятанной здесь, так как Тутанхамон был последним представителем этой линии, а также, что здесь многое — месопотамского происхождения. Я имею право сказать, что эти критические замечания принад-

---

* См. примечание выше.

лежат людям, никогда не видевшим гробницы, не говоря уже о ее содержании.

В ответ на все эти упреки я должен заявить, что до сих пор мы не нашли ничего, что не относилось бы к погребальному убранству фараона. Все предметы находятся в полном согласии с тем, что мы узнали из открытых доныне царских гробниц Нового царства, и все эти предметы относятся к концу восемнадцатой династии.

То, что нами открыта подлинная могила Тутанхамона, не подлежит на мой взгляд ни малейшему сомнению. Не надо, однако, забывать, что, подобно гробнице его непосредственного преемника Эйе, она запечатлена наполовину царским, наполовину частным характером. По существу она больше напоминает могилу регента, чем царя.

Это, надеюсь, будет подтверждено сравнением плана гробницы с планами могил царских жен и детей в «Долине цариц» и с могилами предшественников и преемников Тутанхамона в той же долине.

Судя по стилю работы и по известным особенностям, замеченным нами, представляется возможным, что гробница сооружена той же рукою, что и соседний склеп, заключавший перевезенное сюда погребальное убранство Эхнатона. План этого склепа в точности соответствует гробнице Тутанхамона, и обе они близки в своем устройстве к гробницам фиванских царей Нового царства. Видимое исключение в плане склепа Эхнатона — в нем имеется лишь одна готовая комната — происходит, по всей вероятности, от того, что оно должно было служить тайником только для мумии и для немногих необходимых при ее погребении принадлежностей. Это было, вероятно, также причиной, по которой мы там нашли лишь одну комнату, — переднюю, — подготовленную и обставленную для принятия праха. Должно равным образом заметить, что у второй стены этой передней комнаты древний египетский строитель приступил к сооружению второй комнаты, которая, однако, не была закончена и теперь напоминает нишу. Но сравнение с гробницей Тутанхамона позволяет угадать мысль и намерение — сделать эту комнату погребальным покоем. Другими словами, проект указывает на известное сходство между могилой Эхнатона в Эль-Амарне и подземельем, служившим тайником в Долине царей для так называемого «царя-еретика», а также с могилами Тутанхамона и Эйе: черта характерная для

Эль-Амарнской ветви династии. К ее эпохе относятся и высший расцвет искусства нового египетского царства и вместе с тем зародыш его падения, становящийся очевидным в эпоху следующей 19 династии.

Похоронил Тутанхамона его преемник фараон Эйе; это явствует из того, что здесь на внутренней стене погребальной комнаты Тутанхамона Эйе изобразил себя на религиозных рисунках в виде царя, совершающего пред Тутанхамоном свои обряды: изображение, более не встречающееся нам в царских гробницах этого некрополя.

Здесь, быть может, уместно сказать несколько слов о мировоззрении древних египтян, как оно проявляется в искусстве, столь тесно связанном с их религией. Египетское искусство находит выражение своим замыслам в традиционном соединении пышности и простоты; присущее ему своеобразное спокойствие сообщает ему достоинство, и благоговением неизменно сопровождается его созерцание.

Конечно, в отсутствии перспективы лежит известное ограничение египетского искусства, но, несмотря на традицию, в лучших своих образцах оно является воплощением нежности, любви к простоте, тщательности в исполнении и никогда не спускается до безъидейного подражания природе. Простота есть признак величия в искусстве: никогда египтянин не стремился быть во что бы то ни стало оригинальным или крикливым. В тисках своей традиции, он смотрел на природу собственными глазами и, сообразно религиозной или эстетической точке зрения, он запечатлевал на ней черты своей собственной личности. По этой причине непривычному глазу египетские портреты кажутся в известном смысле сходными между собою и даже однообразными. Но в действительности это впечатление вызывается художественными приемами эпохи, которая, сообразно требованиям египетской традиции, ослабляла значение индивидуальности. Предметы, найденные в могиле Тутанхамона, подтверждают эти данные. Выразившаяся в них необычайная плодовитость этой художественной эпохи приводит нас в изумление. Но при более пристальном их рассмотрении пред нами раскрываются совершенно неожиданные черты в характере и личном вкусе царя Тутанхамона. Ему как-будто присущ был больше вкус знатного неслужилого человека, чем иной, обычно связанный с религиозным и придворным искусством, господствовавшим в этом фиванском царском кладбище.

Преобладающей мыслью в искусстве его гробницы являются не столько строго-религиозная традиция, характерная для других царских гробниц этой долины, сколько любовь к домашнему уюту и склонность к почитанию солнца. В чрезвычайно многочисленных предметах из могилы Тутанхамона, равно как в прекрасных, также относящихся к его царствованию, барельефах из большой колонной залы в Луксоре, мы находим соединение величайшей нежности стиля с чрезвычайной утонченностью. Когда речь идет о картине, вазе или статуе, мы естественно ожидаем встретить в них произведение искусства, но в предметах повседневного обихода, каковы трость, палка или винная цедилка, как мы слишком хорошо это знаем, в наши дни искусство не является необходимостью. Между тем, в этой гробнице, кажется, прежде всего и неизменно мысль была направлена на художественность исполнения.

Здесь не место распространяться о древне-египетском искусстве вообще, так как эта книга посвящена, главным образом, открытой нами гробнице. Но необходимо сказать несколько слов о «Долине царей». Для этой цели полезно предпослать несколько общих сведений, касающихся ее беспокойной истории, и рассказать о некоторых неожиданных явлениях, бывших следствием открытия.

После стольких лет бесплодной работы мы стоим неподготовленные пред внезапным открытием столь обширного значения. Встает вопрос о содействии подходящих специалистов. Так, к этой помощи в данном случае относились крайне важные работы по описанию, фотографированию, снятию планов и консервированию предметов — последнее предполагало химические познания. Но первой и настоятельнейшей необходимостью было фотографирование и зарисовка. Нельзя было ничего предпринять, прежде чем будет сделана полная фотографическая съемка всего содержимого передней комнаты. Эта фотографическая съемка должна была охватить все содержащиеся в передней комнате предметы, согласно их общему расположению и порядку; но этого мало: за ней должны были следовать схематические чертежи, изображающие относительное положение предметов и их расположение с птичьего полета: — задачи, требовавшие не только особой сноровки в области фотографии, но также опытного специалиста по снятию планов. Затем следовали консервирование, разборка и описание — работы, для которых требовались химик, человек

опытный в обращении с древностями и, наконец, археолог. Все эти вопросы были быстро решены, благодаря великодушию наших товарищей, входящих в состав американской экспедиции нью-иоркского художественного музея Метрополитэн.

Август, 1923 г.

Говард Картер

ВВЕДЕНИЕ

ЕГИПЕТ ДО ТУТАНХАМОНА

(Вступительный очерк проф. *Г. Штейндорфа*)

Мощным политически и культурно государством Египет выступает в начале третьего тысячелетия (около 2900 — 2500 гг. до нашей эры), в эпоху так называемого Древнего царства. Регулирование разлива Нила, питавшего многочисленное население Египта, выдвинуло и укрепило централизованную монархию и усилило значение жрецов, игравших в качестве астрономов, вычислявших периоды разлива Нила, роль руководителей сельского хозяйства страны.

Располагая огромными земельными владениями и даровым трудом крепостных крестьян, царская династия выступает в качестве строителей грандиозных усыпальниц — пирамид, памятников этой эпохи. Являясь крупнейшим землевладельцем, фараон поощряет развитие крупной землевладельческой знати и земельных богатств храмов. Рост значения жрецов и землевладельческой знати приводит к постепенному разложению Древнего царства. Центробежные устремления окрепшей землевладельческой знати приводят к распаду монархии.

Единство Египта восстанавливается лишь после столетий борьбы между отдельными государствами, образовавшимися после распада Древнего царства. В борьбе против отдельных местных княжеств около 2150 г. до нашей эры фивским князьям (номархам) удалось вновь подчинить себе отдельные мелкие государства. Новая эпоха в развитии Египта, носящая название Среднего царства, отличается «сохранением значительной политической независимости крупных землевладельцев, но тем не менее между ними установилась действительно реальная власть в лице фивских фараонов» (Хвостов). Создаются государственные формы, во многом напоминающие феодализм и дающие проф. Хвостову основание называть весь период «феодальной империей».

Самостоятельность землевладельческой знати, ее богатство и политическое значение создают условия для расцвета культуры и искусства в стране. Активная внешняя политика, столкнувшая Египет с окружающими странами, также оказала значительное влияние на рост культуры страны. Рост производительных сил выразился в значительном росте числа ремесленников и купцов.

«Египет вторично достиг своего могущества, — говорит проф. Штейндорф, — быть может, высшего, которого он достигал в течение всей своей многотысячелетней истории. В течение обоих столетий существования этого Среднего царства достигли своего высшего расцвета также искусство и литература, так что и для позднейших поколений эта эпоха являлась классическим периодом. Походы Сезостриса, о которых еще греки повествовали в легендарных рассказах, ведут египетское оружие на восток, запад и юг: войска египетские — правда, временно — ступили на почву Палестины. Сезострис III, как известно из донесения одного из его полководцев, проник даже до хорошо известного из Ветхого Завета Сихема (Сехмиш). Были предприняты грабительские набеги на Ливию и вверх по Нилу, были завоеваны Нубийская долина и расположенные в пустыне на восток от нее по направлению к Красному морю золотые россыпи. Еще в наши дни остатки египетских укреплений выше порогов Вади-Хальфа свидетельствуют о том, как оборонялись военной рукой эти завоеванные области от нападений соседних племен пустыни. В самом Египте особенно благодатную память о себе оставил мирными сооружениями Аменемхат III, превративший сильно заболоченную область Фаюма посредством громадных плотин и шлюзов в одну из плодороднейших местностей страны... В эпоху Среднего царства Египет вошел также в более тесные сношения с миром Средиземного моря, с богатой культурой греческих островов и побережья, особенно с их средоточием — Критом. Сношения происходили на египетских и критских кораблях, привозивших в торговые порты продукты различных стран. Во многих местностях Египта, в развалинах городов и в гробницах, найдены целые и разбитые критские глиняные сосуды, вероятно, содержавшие некогда столь высоко ценимые масла; и наоборот, создания египетского искусства были привозимы в области Средиземного моря».

Продержавшееся более 300 лет Среднее царство было значительно ослаблено рядом дворцовых переворотов. Недостаток памятников не дает возможности отчетливо представить характер

и сущность социальной борьбы, приведшей к разложению столь прочного государства. Можно лишь предполагать, что здесь имела место реакция, шедшая от землевладельческой знати. Ослабленное царство не сумело противостоять вторгшимся из Азии гиксосам. Утвердив свое господство над Египтом, гиксосы основали в восточной части Дельты свою столицу Аварис. Летопись, дошедшая до нас в греческом тексте, но несомненно опирающаяся на старые источники, сохранила известие об этом периоде: «В это время,— писал летописец, — не знаю почему, божество было нам враждебно. И вот внезапно люди низкого происхождения из стран восточных осмелились пойти походом на нашу страну и подчинили ее силой легко, без единой битвы. И победив наших царей, они, как дикари, предали наши города огню, разрушили храмы богов и злодействовали над населением самым враждебным образом: одних перебили, у других увели жен и детей в рабство. Наконец, они выбрали себе одного из своей среды по имени Салитис в цари; он жил в Мемфисе, взимая дань с Верхнего и Нижнего Египта, и поставил гарнизоны в местах, представлявшихся ему подходящими для этого. Прежде всего, однако, он позаботился об обороне восточных областей; там, в округе Сетрой, на восток от Бубастийского рукава Нила, он отыскал место, показавшееся ему очень удобным для его целей и называвшееся, согласно старому мифу, Аварис; он населил его и укрепил посредством крепостных стен и гарнизона в 240 000 человек». Господство гиксосов в стране длилось около ста лет. Фивские владыки совместно с другими князьями Юга около 1580 года до нашей эры изгнали гиксосов из Египта и утвердились на престоле фараонов. Эпоха последующих царствований носит название Нового царства и выступает со следующими чертами своей социальной и политической организации.

Господство гиксосов сломило силу отдельных князьков, чем значительно подорвало возможность феодальной реставрации. Новое царство характеризуется значительно усилившейся ролью средних классов. Из среды ремесленников, купцов и т. п. набираются многочисленные чиновники, игравшие крупную роль в стране. Усиливается значение жрецов и храмов, вновь восстанавливаемых по всей стране. Постоянное войско дает возможность вести наступательную политику по отношению к близлежащим странам. Походы в Нубию и Сирию укрепили могущество фараонов. Значительно развиваются торговые связи с другими странами,

о чем свидетельствует торговая экспедиция в страну благоуханий Пунт, на африканском Сомалийском берегу, из которой в столицу царства Фивы были привезены на кораблях благоуханное дерево, слоновые клыки, шкуры пантер и другие товары. Великие богатства притекали из порабощенных стран в Египет, золото из Нубии и сокровища из Азии. Торговые сношения с Критом, Кипром и островами Эгейского моря приводили к берегам Нила многочисленные товары. Египет достиг невиданной доселе высоты материальной культуры. В кругах знати широко распространяются привычки к роскоши, вызывающие широкое развитие художественной промышленности. Связь Египта со всем восточным миром, мировое значение Египта, усилившееся значение торговой и землевладельческой знати приводят к столкновению с жречеством, опиравшимся па местные нужды крестьянского населения, на основной источник благосостояния Египта — Нил. Борьба развертывается вокруг попытки одного из фараонов, Аменофиса IV, ввести новую религию.

Сложной религии позднейшего времени, с которой знакомят нас египетские тексты, в эти далекие времена еще не существовало совсем. Египет распадался на ряд городских и сельских областей, из которых каждая имела своего собственного бога-покровителя, своего «городского бога». На ряду с этими местными божествами, которые воплощались в видимых предметах и существах, главным образом в виде зверей (лев, шакал, собака, корова, сокол, ибис, крокодил и т. д.), и действенная сила которых ограничивалась определенным кругом, уже в древнейшие времена существовали и великие космические божества: солнце и луна, земля и небо, Нил. Не было никакой определенной формы поклонения им и никаких определенных мест их культа. Лишь когда в доисторические времена город Гелиополь, вблизи нынешнего Каира, сделался религиозным центром, мировые божества получили здесь земное убежище. Первым из этих мировых божеств был бог солнца Ра. Рядом с ним в качестве высшего земного бога стоял Гор, покровитель царей, смотревших на себя во все времена как па его воплощение. Гор, являвшийся в виде сокола и изображаемый также в виде человека с соколиной головой, исстари уже принял роль связанного с солнцем бога неба, и таким образом было естественно, что он легко слился с настоящим богом солнца Ра. Таким образом возник «Ра-Гор горизонта», Ра-Гарахте, перенявший от Гор образ человека с соколиной головой.

Это представление гелиопольского жречества не замедлило встретить одобрение в прочих жреческих коллегиях страны. И другие выдающиеся божества, не имевшие собственно ничего общего с богом солнца, были поставлены с ним в связь и рассматривались лишь как другие образы, другие «имена» бога Ра. Так (ограничиваемся немногими примерами), бог воды Себек, почитаемый в области Фаюма, в верхне-египетском Омбосе и других местах, сделался богом солнца под именем Себек-Ра, а элефантинский бог Хнум с головой овна стал Хнум-Ра. Таким же образом и женские божества сделались особыми формами проявления богини неба. Все больше и больше исчезали различия между местными божествами, и многие из них слились друг с другом. Ясно, что в результате этих нивеллирующих учений уменьшилось большое число старых местных божеств, и понемногу в египетской религии и мифологии воцарился великий беспорядок. Простейшим следствием этого должно было быть полное уничтожение местных культов и введение общего почитания космических божеств.

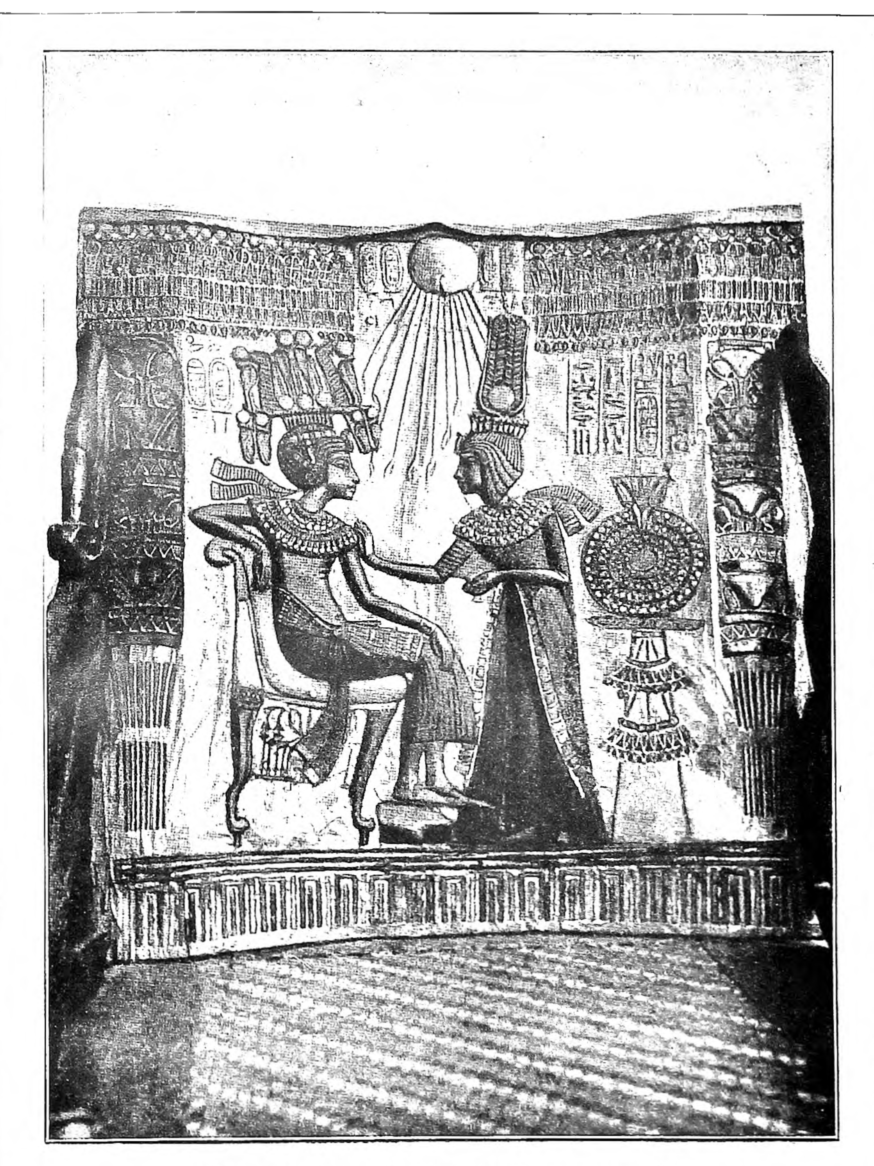
К тому же культ Ра уже в Древнем царстве получил особую поддержку благодаря царям пятой династии, которые, как повествует о том древний сборник сказаний, смотрели на себя как на непосредственных потомков бога солнца. Если уже раньше отдельные цари (например Хафра, то-есть Хефрен, строитель второй гизехской пирамиды) носили имена, в которые входило имя Ра, то с этих пор это обыкновение стало всеобщим: цари именовались отныне в своих официальных титулах «сын Ра» и при вступлении на престол принимали на ряду со своим собственным именем, данным им от рождения, особое царское имя, в которое входило и имя Ра.

В течение столетий слившийся с Ра гелиопольский сокологобразный Гор был главным богом Египта, настоящим государственным богом. Все это сразу изменилось, когда в начале Нового царства Фивы сделались столицей Египта. С этих пор предпочитается всем другим богам и становится во главе египетской группы богов местный фивский бог Амон, который уже в Среднем царстве выдвигался на первый план и, уравненный с богом солнца, стал Амон-Ра. Во имя его вели Тутмос и Аменофис большие войны против Нубии и Азии, ему были сооружены в завоеванных землях святилища, и его храмам в Фивах досталась львиная доля добычи. Амон-Ра стал национальным

богом нового царства, счастливым соперником старого Ра-Гарахте.

Конечно, гелиопольские жрецы беспокойно смотрели на ослабление своего религиозного, а также политического влияния и нетерпеливо ждали возможности вызвать падение Амона и вернуть старому гелиопольскому государственному богу его потерянное положение. Такая возможность представилась с вступлением на престол Аменофиса IV.

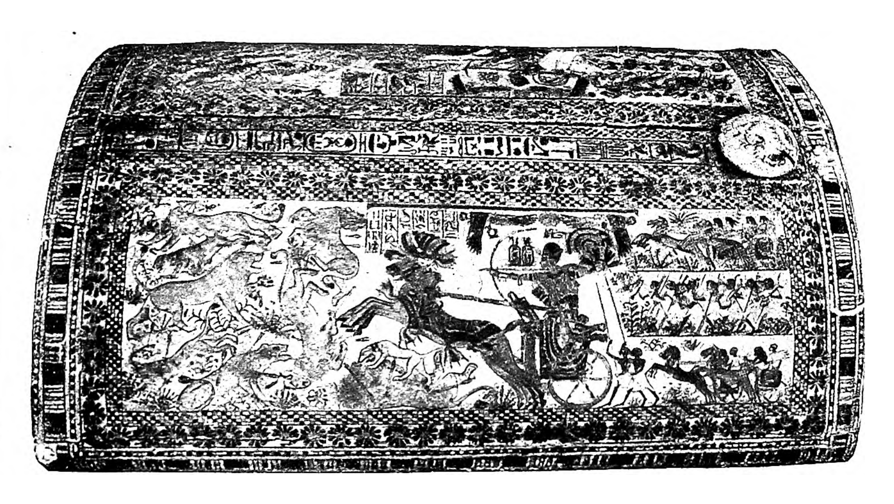
Вполне возможно, что Аменофис IV, еще будучи наследником престола, состоял в сношениях с гелиопольскими жрецами и принял учение о единстве богов и о первенстве бога солнца Ра-Гарахте. Тотчас по вступлении на престол он объявил себя, подобно царям пятой династии, приверженцем гелиопольского бога солнца; он сделал даже еще шаг дальше: солнце было объявлено главным божеством, и в качестве такового ему присвоено особое имя: «живет Ра-Гарахте, который ликует в горизонте в имени Шу, который есть Атон». Для объяснения этого своеобразного обозначения должно заметить, что Шу есть имя старого бога солнца и что Атон означает «солнечный диск», — слово, употреблявшееся особенно часто с начала Нового царства и служившее также для обозначения бога солнца. Таким образом Ра-Гарахте, Шу и Атон являются богами солнца, и посредством этого замечательного божеского имени обозначаются как единые по существу. Вместо длинного, подробного и, конечно, нелегко понятного даже египтянам названия новый бог обыкновенно называется просто А т о н. Порвое время на ряду с Атоном были сохранены еще культы старых богов, но затем, на шестом году правления Аменофиса IV, по пути к новой религии был сделан последний решительный шаг. Атон был объявлен единственным богом, старые боги отменены, и во всей стране их храмы закрыты. Их изваяния были разбиты, и так как, согласно египетским верованиям, бытие известного существа прекращается вместе с исчезновением его имени, то был издан приказ истребить также на всех памятниках все имена богов. Прежде всего это преследование обратилось на Амона и все стоявшее с ним в связи. При этом, по своеобразной игре судьбы, оказалось, что фанатический преобразователь религии носит от рождения имя, в котором заключается ненавистное слово «Амон». Аменофис есть греческая форма египетского Амен-хотеп, т.-е. «Амон доволен». Таким образом царю не оставалось ничего иного, как переименоваться и

Царь и царица (спинка тронного кресла).

а

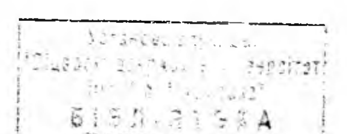
б

Крышка ларца с изображением царской охоты.

принять новое имя. Отныне он назывался Эхнатон («дух Атона» или «он благоугоден Атону»).

И в формах богопочитания был также сделан резкий разрыв с традицией. Если вначале нового бога изображали по образцу старого Ра-Гарахте, в виде человека с соколиной головой и с солнечным диском на голове, то в монотеистической государственной религии было отвергнуто всякое личное изображение и всякое изваяние божества. Поклонение относилось лишь к видимому сияющему солнечному светилу: оно изображалось как диск, рассылающий свои длинные, переходящие на конце в руки, лучи, дарующие человечеству, особенно же царю и его семье, жизнь, символизуемую крестообразным знаком «АНХ» (см. табл. I).

Для того, чтобы с полным пылом служить новому божеству, старая столица Фивы, где все исстари было тесно связано с Амоном, и где, быть может, также новое учение вопреки всем усилиям царя наталкивалось на сопротивление, оказалось неподходящим местом. Поэтому фараон принял решение покинуть Фивы со всем своим двором. В 450 километрах на север, между нынешними городами Миниэ и Асиутом, в области, называемой теперь Эль-Амарна, была основана новая резиденция—«горизонт солнца» и в качестве священной земли посвящена Атону. Сам Атон, — так сообщает царь,— выразил желание, чтобы здесь был ему воздвигнут памятник: «он сам меня привел к горизонту солнца. Никакой знатный человек, вообще никто во всей стране не сказал мне, что здесь должен быть создан горизонт солнца, нет, сам Атон, мой отец, приказал мне сделать это место для него солнечным горизонтом». В великолепной колеснице проехал царь, «сияя, как солнце, когда оно поднимается над горизонтом и наполняет мир своей любовью», по новой области с севера на юг, с востока на запад и пред лицом солнца торжественной присягой установил его границы, обозначенные громадными, высеченными на скалах надписями. Все было отдано в собственность Атону; плодоносная земля, горы и пустыня, все люди и все животные, словом—все, созданное солнцем. План новой резиденции был великолепен. По крайней мере пять храмов должны были быть воздвигнуты для Атона, затем роскошный дворец для царя и его супруги. В «Горе солнечного горизонта», то-есть в горе, замыкающей равнину на востоке, были устроены гробницы для высших сановников и жрецов Атона, а для царской семьи были предположены боль-

шие гробницы в скалах восточной пустыни по образцу царских гробниц в Фивах.

Вместе с новой религией в Эль-Амарне водворилось новое искусство, духовным основоположником и покровителем которого может считаться фараон. Не без основания было высказано предположение, что сам Эхнатон обладал тонким художественным вкусом и вскоре после своего вступления на престол привлек ко двору кого-то из более молодых или менее известных художников, ему духовно особенно близкого. Это сообщило силу и размах художественному направлению, остававшемуся до тех пор в тени. Как новая религия никогда не представляет собой чего-то совершенно нового, но создается на почве старой, так и изобразительное искусство Эль-Амарны связано с тонкими жизненными рисунками эпохи, предшествовавшей Аменофису IV, находящимися в фивских гробницах; оно проникнуто теми же принципами; с своей стороны скульптура также не освободилась от старых форм художественного восприятия. И все же во всем этом искусстве веет новый дух — стремление к естественности и правде. Если художники прежней эпохи могли проявлять свое искусство рисунка лишь при передаче мира животных и людей из низших сословий, то теперь пали эти сословные перегородки. Свободно от всякой традиции могли теперь знатные лица и прежде всего сам царь с семьей предстать на изображении такими, какими видел их художник своими собственными глазами. Теперь изображается уже не тот идеализованный, оторванный от действительности бесплотный полубог, каким еще является царь на своих изображениях, сделанных до переселения в Эль-Амарну; мы видим перед собой Эхнатона изображенным точно, со всеми особенностями его некрасивого тела. Превосходный пример амарнского искусства представляет изображение на спинке трона Тутанхамона (табл. I), показывающее нам этого фараона не в божеском величии и сосредоточенности, но в виде человека из плоти и крови, сидящего в благородно-непринужденной позе. Должно отметить еще утонченность рисунка в положении руки — прекрасная особенность всех произведений нового стиля. Образцом настоящего амарнского искусства является охотничья сцена на ларце (табл. II); здесь явственно чувствуется влияние критско-микенского искусства, из живых форм которого египетское искусство уже с начала Нового царства заимствовало кое-что, например стремительный бег животных.

Мы знаем мало о том, что произошло в Эль-Амарне и в Египте после переселения фараона. Несомненно, Эхнатон углублялся все больше и больше в свою религию, учение которой он проповедывал с воодушевлением. При этом оно было подвергнуто еще разным изменениям и очищено от старых наслоений. Так, было изменено имя Атона; чтобы истребить всякую связь со старой верой, были уничтожены божеские имена Ра-Гарахте и Шу. Новая, несколько таинственная формула гласила: «Живет Ра, властелин обоих горизонтов, ликующий в горизонте, в имени своем, как отец Ра, вновь возродившийся, как Атон».

Об управлении государством Эхнатон заботился мало. Предоставленные сами себе чиновники предались вымогательствам, и народная масса, которой мало было дела до новой, почитаемой двором веры и которая втихомолку оставалась верной старым богам, тяжко страдала от произвола властей. В Азии египетское господство становилось все менее и менее устойчивым, и вассалы фараона лишь с величайшим трудом отбивались от нападавших на египетские области врагов. «От посылок воинов в Финикию не получилось ничего».

Эхнатон оставался на престоле не долее шестнадцати лет. От его брака с Нофертити родилось шесть дочерей, но не было сына. Старшая из царевен была замужем за некиим Сакара. Вторая, Анхес-эн-патон (она живет благодаря Атону) сочеталась браком с другим царским любимцем, по имени Тутанхатон (живой образ Атона). Еще в последние годы своего правления фараон сделал своего старшего зятя соправителем, и когда он скончался, то последний явился его преемником.

Наши источники молчат относительно конца великого еретика. Мы не знаем, умер ли он естественной смертью или был устранен насильственно. Но едва он закрыл глаза, как разразилось бурное возмущение против дела его жизни, против основанной им религии Атона. Приверженцы старой веры, с фивскими жрецами Амона во главе, напрягли все свои силы, чтобы возвратить изгнанных богов, вновь открытые храмы народу и получить обратно их конфискованные богатства. Сакара, пытавшийся противостать поборникам старой религии, был немедленно свергнут с престола. Его преемник и шурин Тутанхатон (табл. III) вначале оставался в Эль-Амарне и пытался сохранить верность религии Атона. К этим первым годам его правления относится не раз уже упомянутый трон, на котором царственная чета изображена под

охраной солнечного светила, ниспосылающего свои лучи. Но вскоре фараон и его партия увидели, что новая религия бессильна сопротивляться, и что поэтому сохранить власть можно, лишь заключив мир со староверами. И вот царь вновь объявил свободным культ старых богов и официально объявил себя и свою супругу приверженцами недавно еще преследуемого Амона. Как некогда Аменофис IV изменил свое имя, потому что в нем содержалось запретное слово «Амон», так теперь царская чета изменила свое имя на новое, связанное с Амоном. Отныне царь назывался Тутанхамон (живой образ Амона) царица — Анхес-эн-Амон (она живет благодаря Амону). Уступая давлению сторонников прежней религии, фараон вынужден был покинуть резиденцию в Эль-Амарне и перенести свое пребывание обратно в южную столицу Фивы. Этим была решена судьба «горизонта солнца». Вместе с фараоном покинули город и возвратились в Фивы также все знатные особы и сановники, воины и ремесленники, состоявшие на службе у владыки. Тот же фанатизм, с каким некогда Эхнатон преследовал старых богов, свирепствовал теперь против него. Его гробница была взломана, его прах выброшен, вероятно, в Нил; лишь немногие предметы его погребального убранства, среди них великолепный саркофаг, в который положили другой труп, были вместе с частью погребального убранства его матери Тии ночью тайком перенесены в Фивы и зарыты в небольшой могиле в «Долине царей». С памятников было стерто имя царя-еретика. Победил Амон; «тот, кто коснулся его, низвергнут». Потомству Аменофис IV был представлен как гнусный святотатец Эль-Амарны.

Отрекаясь от своего прошлого, Тутанхамон похваляется тем, что он «вновь населил Фивы, ввел хорошие законы и вновь укрепил право, что он возлюбленный Амона-Ра, царя всех богов». Но при всей благосклонности и при всей уступчивости, которые он выказывает открыто приверженцам старой религии, внутренно он оставался им чужд: он никогда не мог стереть клейма, тяготевшего на нем вследствие близости его к Эхнатону.

Шесть лет сидел он на престоле, и о том, с какой пышностью его похоронил в «Долине царей» его преемник Эйе, чудесно свидетельствует открытая ныне его гробница.

Конечно, ни Тутанхамон ни Эйе, который тоже, ведь, был некогда любимцем Аменофиса IV и приверженцем религии солнца, не могли вернуть взбудораженной стране полного спокойствия.

Лишь когда у кормила правления стал и принял от Амона царское достоинство Харемхеб, старый полководец царя-еретика, открыто державшийся в стороне от религиозного движения, мир вновь водворился в стране. «Вся страна была полна радости и прославляла небо. Большие и малые были охвачены радостью, и весь мир ликовал». К власти пришла новая династия — девятнадцатая — царский род, к которому принадлежит также известный и прославленный Рамсес, и который смог еще на непродолжительное время обновить блеск своих великих предшественников, Тутмосов и Аменофисов.

ГЛАВА I

«ДОЛИНА ЦАРЕЙ» И ГРОБНИЦА

«Долина царских гробниц»! — Самое имя исполнено романтики, и конечно, среди всех чудес Египта нет ни одного, более возбуждающего фантазию. Здесь, в этой пустынной, безмолвной долине, где, словно естественная пирамида, царит «Рог», главная вершина фивских холмов, было погребено около тридцати фараонов, и среди них виднейшие в истории Египта. Тридцать из них нашли здесь могилу. Теперь здесь из них лежат лишь два: Аменхотеп II, мумию которого любопытные могут видеть в его гробу, и Тутанхамон, еще покоящийся в неприкосновенности в своем золотом саркофаге. Здесь мы надеемся оставить его, когда будут удовлетворены требования науки.

Я не предполагаю останавливаться на описании самой долины: за последние месяцы это делалось слишком часто. Но я хотел бы посвятить несколько строк ее прошлому, так как это необходимо для правильного представления о нашей гробнице.

В самой глубине «Долины», притаившись в уголку, скрытый нависшей скалой, расположен вход в совершенно незаметную гробницу. Она легко остается незамеченной и редко удостоивается посещения, но представляет особенный интерес, так как это первая гробница, построенная в «Долине». Кроме того она интересна как первый опыт нового способа устраивать гробницы. Для египтянина было делом чрезвычайной важности предоставить своему праху возможность покоиться в неприкосновенности в воздвигнутом для сего сооружении, и прежние цари считали, что достигают этой цели, воздвигая над гробницами подлинные горы из камней. Для благополучия мумии было равным образом небходимо, чтобы она была в изобилии обеспечена всем нужным для удовлетворения всяческих потребностей; если речь шла о любящем пышность и расточительном восточном владыке, то в этом случае естественно было самое широкое применение золота и

прочих драгоценностей. Увы, из этого проистекало прямо противоположное царским намерениям. Именно в пышности гробницы заключалась ее погибель, и едва сменялось, в лучшем случае, несколько поколений, как покой мумии неизменно оказывался нарушенным, а сокровища ее разграбленными. Были испытаны различные средства борьбы: вход — конечно, слабейшее место пирамиды — закладывали гранитными глыбами весом во много тонн; устраивали ложные входы, измышляли тайные двери, применялось все, что могла выдумать изобретательность или купить богатство. И все это были тщетные усилия, ибо при терпении и настойчивости вор всякий раз неизменно преодолевал все трудности, которые должны были устрашить его. Кроме того успех всех этих способов, а с ним и неприкосновенность гробницы, в значительной степени зависели от доброй воли каменщика, строившего здание, и от архитектора, его проектировавшего. Неряшливое исполнение сводило к нулю остроумнейшие защитительные средства, а что касается частных гробниц, нам известно, что люди, строившие гробницу, нередко сами устраивали лазейку для грабителей.

Попытки охранить царские гробницы посредством стражи также оставались бесплодными. Конечно, царь мог завещать колоссальные суммы на содержание целых толп смотрителей и сторожей пирамиды, — да это и делал каждый царь, — однако, спустя непродолжительное время, именно эти сторожа начинали смотреть сквозь пальцы на расхищение гробниц, за охрану которых они получали жалованье, а завещанные на их содержание суммы, самое позднее к концу соответственной династии, получали, по приказу следующего царя, новое назначение. В начале восемнадцатой династии во всем Египте едва ли была хоть одна неразграбленная гробница: довольно устрашительная мысль для властелина, заботящегося о месте для своего вечного упокоения. Такой она во всяком случае была для Тутмоса I, ибо он напряженно размышлял над этой задачей, и в результате его раздумья мы находим маленькую одинокую гробницу в глубине долины. Решением задачи представлялась ему — тайна.

Уже его предшественник Аменхотеп I сделал первый шаг в этом направлении: он построил себе гробницу в некотором отдалении от своего поминального храма, скрыв ее под скалою, на вершине одного из холмистых отрогов Дра-аб'ул-нага; но Тутмос I пошел значительно дальше. Это был резкий разрыв

с традицией, и, конечно, властелин не скоро пришел к этому решению. Это прежде всего оскорбляло его гордость, ибо любовь к пышности глубоко коренилась в каждом властелине Египта, и он привык более чем где-либо проявлять ее в устройстве своей гробницы. Затем новое расположение могло нанести известный ущерб его мумии. В непосредственной близости от прежних царских могил всегда находился храм, в котором в различные праздничные дни года происходили соответственные торжества и ежедневно приносились жертвы. Теперь же над самой могилой не мог выситься памятник, и храм, где совершались жертвоприношения, мог быть воздвигнут лишь в $1^1/_2$ километрах от гробницы, па противоположном склоне холма. Такое расположение было, конечно, менее благоприятно, но оно было неизбежно, раз ясна была необходимость держать в тайне самое местоположение гробницы, а в тайне — в этом убедился Тутмос I — было единственное спасение от участи, постигшей его предшественников.

Устройство этой тайной гробницы Тутмос поручил своему старшему архитектору Инени, который в своем жизнеописании, начертанном на стенах его гробницы, подробно рассказал о тайне, сопровождавшей производство работ. «Я один наблюдал за высечением могилы его величества в скале, — рассказывает он нам,— никто этого не видел, никто не слышал».

К сожалению, он упустил сообщить что-либо о рабочих, трудом которых пользовался. Понятно, что сотни или больше рабочих, знавших о заветнейшей тайне царя, не могли оставаться на свободе, и конечно, Инени располагал действительно надежными средствами привести их к молчанию. Возможно, что все было сделано руками военнопленных, которых по окончании работ перебили.

В течение какого времени оставалась в сохранности тайна, мы не знаем. Вероятно недолго, ибо что̀ в Египте оставалось когда-либо в тайне? Ко времени открытия гробницы (в 1899 году) в ней, кроме массивного каменного саркофага, не было почти ничего; сам царь, как известно, сперва был перенесен в могилу своей дочери Хатшепсут, а затем вместе с прочими царскими мумиями — в Дер-эль-Бахри. Оказалось ли такое утаение могилы успешным хоть на некоторое время или нет, — так или иначе новое обыкновение вошло в обиход, и позднейшие цари этой, равно как девятнадцатой и двадцатой династий, были погребены в этой местности.

Мысль охранить могилы посредством тайны их местоположения не могла применяться долго. Это лежало в самой природе вещей, и позднейшие цари, очевидно, отказались от нее и перешли к старой системе строить свои гробницы на виду у всех. Теперь вошло в нерушимый обычай сооружать все царские гробницы в пределах очень небольшого участка. Это представлялось лучшей порукой сохранности могилы, тем более, что каждый правящий царь был заинтересован в охране царского кладбища. Но здесь пришлось претерпеть чрезвычайное разочарование. Мы знаем по следам в гробнице Тутанхамона, что через десять или, самое большое, через пятнадцать лет после его смерти в гробницу пробрались грабители. Мы знаем также из надписей на стене (graffiti) в гробнице Тутмоса IV, что этот фараон также через несколько лет после своего погребения пострадал от грабителей. Здесь мы узнаем, что фараон Харемхеб на восьмом году своего царствования повелел одному сановнику, по имени Маи, «восстановить гробницу покойного царя Тутмоса IV в западных Фивах в ее драгоценной неприкосновенности». Эти грабители были, должно быть, смелые люди; они, очевидно, очень спешили, и у нас есть основания полагать, что их захватили не месте преступления. Если это так, то мы можем быть убеждены, что они умерли от длительной и мучительной казни.

Необычайные вещи видела вероятно «Долина», и отчаянные были приключения, происходившие здесь. Можно представить себе, как в продолжение многих дней обдумываются планы, как обсуждаются они в тайных ночных совещаниях на скале, как подкупают или напаивают стражу, как затем напряженно роются в темноте, с каким трудом пролезают сквозь узкий подкоп вплоть до покоев с гробницей, как лихорадочно при слабом свете ищут сокровищ, которые возможно было бы унести, и как возвращаются в сумерках рассвета с добычей.

Все это можем мы себе представить и в то же время понять, как это было неизбежно. Заботясь о пышном и тщательном погребении своей мумии, достойном его сана, каждый фараон сам способствовал ее уничтожению. Слишком велик был соблазн. Богатство, превосходившее самые корыстные мечтания, лежало здесь для того, кто находил пути и средства овладеть им, и рано или поздно могильные грабители должны были достигнуть своей цели.

В течение ряда поколений при могущественных царях восемнадцатой и девятнадцатой династий «Долина» вероятно была

в относительной безопасности. Крупные грабежи были бы невозможны без согласия соответствующих должностных лиц. При двадцатой династии все стало иначе. Престол занимали люди слабые, — обстоятельство, как всегда бывает, быстро использованное чиновничьим классом. Могильная стража стала нерадивой и подкупной, и, очевидно, началось поистине безобразное разграбление гробниц. Об этом мы имеем непосредственные свидетельства, ибо от времени царствования Рамсеса IX до нас дошел ряд папирусов, сообщающих именно об этом предмете, содержащих отчеты о расследованиях по жалобам на разграбление могил и о суде над обвиняемыми. Эти документы представляют чрезвычайный интерес. Кроме в высшей степени ценных сообщений о гробницах мы получаем в них то, что обыкновенно, к нашему удивлению, отсутствует в египетских документах, а именно историю чисто человеческого свойства, и нам удается заглянуть в помышления некоторых должностных лиц, проживавших более 3000 лет тому назад в Фивах.

Три человека играют главные роли: Хамуас, наместник или начальник всей области Фив, Песер, начальник части города, расположенной на восточном берегу, и Певеро, начальник западных Фив, на котором лежала охрана некрополя. Очевидно, оба последние, можно сказать — естественно, были в дурных отношениях друг с другом: один завидовал другому. Таким образом Песеру могло быть только приятно, когда он однажды получил донесение о том, что на западном берегу происходит в обширных размерах разграбление гробниц. Здесь представлялась возможность поставить противника в неприятное положение, и Песер не замедлил сообщить обо всем наместнику. При этом он по глупости указал точное число гробниц, в которые проникли злоумышленники: десять царских гробниц, четыре гробницы жриц Амона и длинный ряд частных могил.

На другой день Хамуас отправил за реку несколько чиновников переговорить с Певеро и проверить обвинения. Результат их расследования был следующий: из десяти царских гробниц нашли лишь одну, в которой действительно хозяйничали грабители; в две другие они лишь пытались пробраться. Из гробниц жриц разграблены две, а две не тронуты. Частные могилы разграблены все. Этот отчет был встречен Певеро с радостью, как полное оправдание его управления, — воззрение, кажется, разделявшееся и наместником. Разграбление частных могил цинично

допускалось. Но что из этого? Какое дело людям нашего класса до гробниц частных людей? Из четырех гробниц, принадлежавших жрицам, две разграблены, а две целы. Сопоставив одно с другим, — чего тут еще жаловаться? Из десяти указанных Песером царских гробниц в действительности оказалась вскрытой лишь одна. Одна из десяти! Следовательно, совершенно ясно, что вся история покоится на враках. И Певеро был признан невиновным, — очевидно, согласно принципу, что незапятнанным уходит из суда человек, которого обвиняли в десяти убийствах и признали виновным лишь в одном.

Чтобы отпраздновать свою победу, Певеро собрал на следующий день «надсмотрщиков, управляющих некрополем, ремесленников, стражу и всех рабочих некрополя» и послал их толпой на восточную сторону с приказом устроить по городу торжественное шествие, особенно поближе к участку Песера. Мы можем быть уверены, что последняя часть приказа была ими выполнена точнейшим образом. Песер терпел сколько мог, но в конце концов потерял терпение и в препирательстве с одним из служащих западной части города при свидетелях высказал свое намерение донести обо всем деле царю. Это была роковая ошибка, которую не замедлил воспользоваться его враг. В письме к наместнику он обвинил несчастного Песера, во-первых, в том, что тот заподозрел честность комиссии, назначенной его непосредственным начальником, и, во-вторых, что он, минуя этого начальника, донес о происшествии непосредственно царю: прием, по поводу которого добродетельный Певеро потрясал от негодования руками, ибо это опрокидывало всякую традицию и всякую субординацию. Это было концом Песера. Оскорбленный наместник созвал суд, в котором несчастный должен был заседать сам в качестве судьи: здесь он был обвинен в предательстве и признан виновным.

Такова вкратце эта история. Подробно она рассказана у Брэстеда в «Ancient Records of Egypt» (т. IV, § 499). Из этого явствует, что в указанных грабежах принимали участие как начальник, так и наместник. Наряженное им следствие было, очевидно, надувательством. Ибо два или три года спустя после этой истории в судебных документах вновь всплывают случаи ограбления гробниц, и по крайней мере одна из упоминаемых здесь гробниц указана также в первом списке Песера.

Главными участниками в этой разбойничьей шайке была кучка из восьми человек, из коих нам известны имена пятерых:

каменщик Хепи, художественный ремесленник Ирамун, крестьянин Аменемхеб, водонос Кемвесе и негр-невольник Хенуфер. Вероятно, они были взяты под стражу по обвинению в святотатственном ограблении царской гробницы, бывшему предметом следствия. Мы располагаем полным отчетом о процессе. Как полагается, он начался с укрощения узников: «Двойным прутом били их по рукам и по ногам», чтобы помочь их памяти. Это побудило их признаться во всем.

Первые слова этого признания изуродованы в тексте; вероятно в них описывается, как воры пробирались сквозь скалу к гробнице и как они нашли царя и царицу в их гробах: «Мы прошли во все комнаты, мы нашли также ее (царицу) покоящейся». Далее следует: «Мы открыли их гробы и покровы, в которых они лежали. Мы нашли священную мумию этого царя... На его шее было много амулетов и золотых украшений; его голова была покрыта золотой маской; священная мумия этого царя была вся покрыта золотом. Ее покровы были внутри и снаружи вызолочены и высеребрены, выложены всякими драгоценными камнями. Мы сорвали золото, которое нашли на священной мумии этого бога, и амулеты и драгоценности, бывшие на ее шее, и покровы, в которых она покоилась. Таким же образом мы нашли супругу царя; таким же образом мы сорвали все, что нашли на ней. Мы сожгли покровы. Мы унесли найденную подле них утварь, среди которой были сосуды из золота, серебра и бронзы. Мы поделились и разделили на восемь частей золото, которое мы нашли на мумиях этих обоих богов, и амулеты, драгоценности и покровы». [1]

После этого признания они были признаны виновными и переведены в тюрьму в ожидании наказания, которое определит им сам фараон.

Несмотря на этот процесс и ряд других подобных случаев, положение в «Долине» явно ухудшалось. Гробницы Аменхотепа III, Сети I и Рамсеса II упоминаются в судебных актах как вскрытые, и при следующей династии все попытки оградить могилы от грабежа, кажется, были оставлены. Мы видим, как в безнадежном стремлении охранить царские мумии их перетаскивают из могилы в могилу. Так, например, Рамсес III в эпоху этой династии был по крайней мере трижды потревожен в своем по-

---

[1] Брэстед. Ancient records of Egypt, т. IV, § 538.

кое и вновь погребен. К царям, переменившим свою гробницу, принадлежат Яхмос, Аменхотеп I, Тутмос II и даже Рамсес Великий. О нем перечень говорит: «В четырнадцатом году, третьего месяца второго времени года, на шестой день был принесен Осирис, царь Усермара (Рамсес II) для нового его погребения в гробнице Осириса, царя Менмара Сети (I), что совершил верховный жрец Амона Пинутем».

Одно или два царствования спустя Сети I и Рамсес II опять были вынесены из этой могилы и погребены в могиле царицы Инхапи.

Ко времени того же царствования относится замечание о гробнице, которою мы при нашем нынешнем открытии пользуемся как лабораторией: «День, в который царь Менпехтира (Рамсес I) вынесен из могилы царя Менмара Сети II, чтобы похоронить его в могиле Инхапи, лежащей на великом месте, где покоится царь Аменхотеп».

Не менее тринадцати царских мумий были в различные времена перенесены в гробницу Аменхотепа II и здесь нашли покой. Другие цари были взяты из их различных тайников, вообще унесены из «Долины царей» и сложены в потайной гробнице, высеченной в скалах Дер-эль-Бахри. Это было последнее переселение, ибо указания на точное расположение гробницы были случайно утеряны, и в продолжение почти трех тысяч лет мумии мирно покоились здесь.

В течение продолжительного периода смут при двадцатой и двадцать первой династиях мы не встречаем упоминаний о Тутанхамоне и его гробнице. Она не оставалась неприкосновенной: как мы уже сказали, немного лет спустя после его смерти в его гробнице побывали воры; но ему посчастливилось избежать позднейших беспощадных грабежей. По какой-то причине на его могилу не обратили внимания. Она была расположена в очень низменной части «Долины», и сильный ливень мог легко смыть всякие следы входа в нее. А может быть своей неприкосновенностью она обязана тому обстоятельству, что непосредственно на ней были выстроены хижины для рабочих, занятых рытьем следующей могилы.

С исчезновением мумий кончается известная нам из египетских источников история «Долины». Пятьсот лет прошло с тех пор, как Тутмос I устроил здесь свою скромную маленькую могилу, и, конечно, во всей всемирной истории нет такого же маленького

кусочка земли, который в течение пятисот лет имел столь сказочную историю. С этих пор мы должны себе представлять покинутую «Долину» несомненно полною для египтянина привидениями, ее пещерообразные галлереи — разграбленными и пустыми, вход к некоторым из них — открытым: это — убежище лисиц, сов пустыни и стай летучих мышей. И однако, хотя гробницы ее были разграблены, покинуты и разрушены, ее волшебная сила не исчезла вполне. Она оставалась священной «Долиной царей», и целые толпы мечтателей и любопытных, вероятно, еще посещали ее. Некоторые из ее гробниц, в самом деле, были использованы в царствование Осоркона I (приблизительно 900 год до нашей эры) в качестве могил для жриц.

У классических писателей часто упоминаются ее каменные галлереи, и в том, что многие из них были еще доступны для тогдашних посетителей, убеждает нас их скверное обыкновение вырезывать на стенах свои имена, в роде, например, «Джон Смит, 1848». Некий Филетайрос, сын Аммония, начертавший свое имя в различных местах на стенах гробницы, в которой мы завтракали, немало раздражал меня в течение зимы. В конце концов лучше было бы совсем не упоминать об этом, так как может показаться, что я поощряю гнусные привычки Джонов Смитов.

Теперь, прежде чем мгла средневековья спустится над «Долиной» и скроет ее от наших взоров, еще одна заключительная картина.

В воздухе Египта лежит — и большинство побывавших там знают это, полагаю, по опыту — нечто располагающее душу к одиночеству, и это, очевидно, есть одна из причин, по которым по обращении страны в христианство столь многие ее обитатели с таким воодушевлением предались отшельнической жизни. Своим ровным климатом, своими узкими полосами плодоносной земли, своими пустынными холмами, которые с обеих сторон пронизаны естественными и искусственными пещерами, эта местность очень подходила для такой цели. Здесь легко было найти безопасность и уединенное место в непосредственной близости от внешнего мира и от всего необходимого для повседневной жизни. В первое столетие христианской эры тысячи людей отрекались от мира, чтобы предаться созерцательной жизни: повсюду в каменных пещерах, на пустынных холмах мы находим их следы. Столь идеальный клочок земли, как «Долина», никак не мог остаться незамеченным. В II—VII веках нашей эры она была всецело

занята поселком отшельников, пользовавшихся открытыми гробницами как кельями и превратившими одну из них в церковь. Таков последний наш взгляд на «Долину» в древности; она представляет своеобразную картину, полную противоположностей. Блеск и царская пышность сменились смиренной бедностью. «Драгоценная усыпальница» фараона сделалась тесной кельей отшельника.

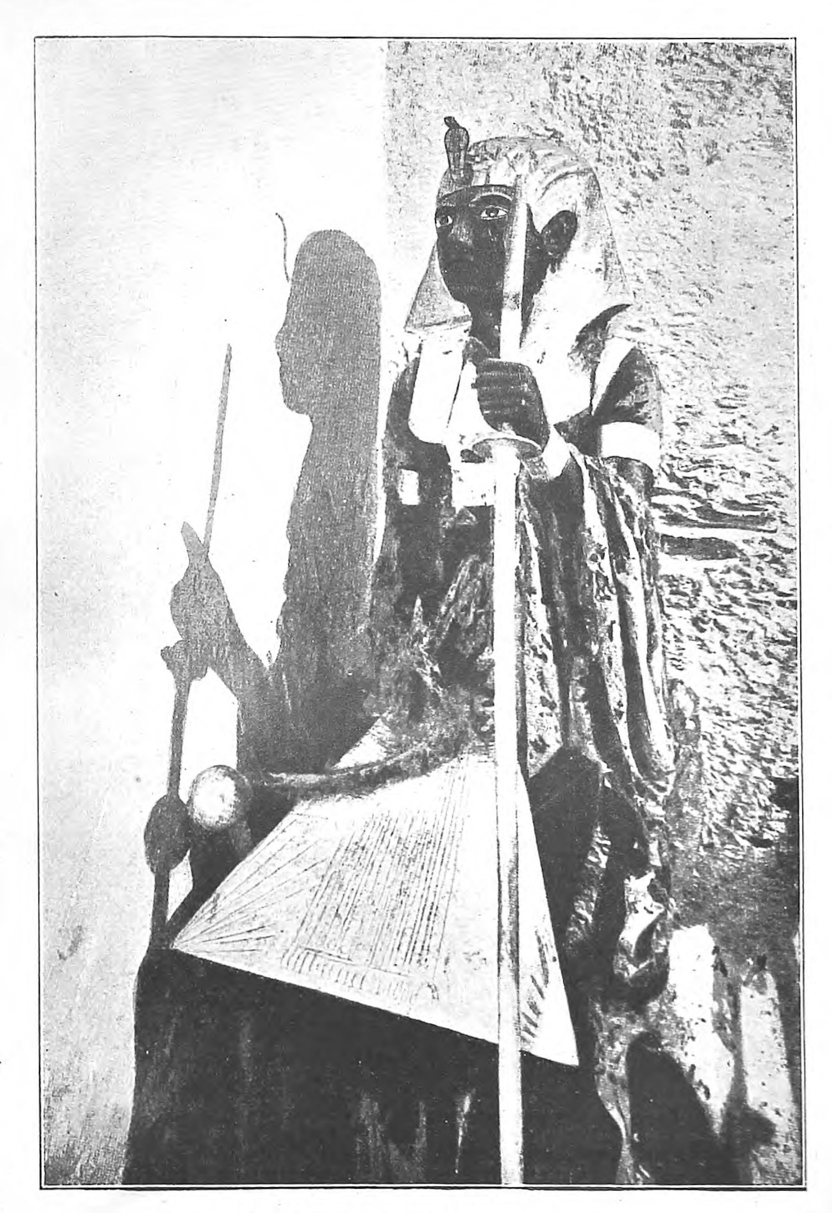
ГЛАВА II

«ДОЛИНА» В НОВОЕ ВРЕМЯ

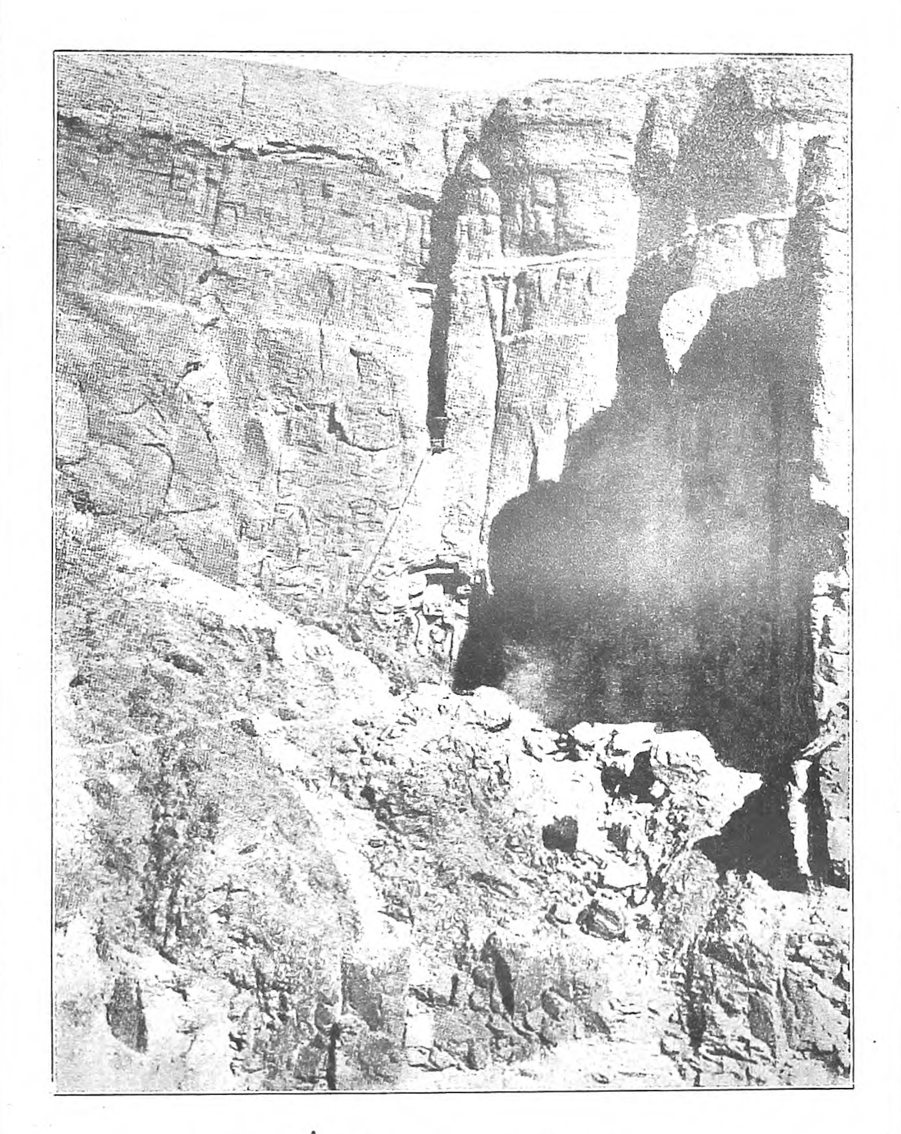
Первое описание «Долины» в новое время дано Ричардом Пококом, английским путешественником, опубликовавшим в 1743 году «Описание Востока» во многих томах. Его рассказ в высшей степени интересен и, принимая во внимание непродолжительность его пребывания здесь, чрезвычайно точен. Он рассказывает, как приближается к «Долине»: «Шейх дал мне лошадей. Мы отправились по дороге к Бибан-эль-Молуку и ехали приблизительно милю на север по дороге, с обеих сторон которой в скалах, приблизительно в десять футов высоты, высечены пещеры. Некоторые из них укреплены колоннами, и так как во всей равнине нет ни малейшего признака построек, то я предположил, что они в старые времена служили домами и представляют собой первое изобретение после шатров, выдуманное как лучшая защита от ветра и ночного холода. Это род крупнозернистой горной породы и все отверстия обращены к дороге.[1] Затем мы повернули к северо-западу, проехали между высоких скалистых холмов и въехали в очень узкую долину. Потом повернули к югу и потом к северо-западу. В общем мы проехали между гор $1—1^1/_2$ мили... Мы достигли места, где долина расширяется. Это широкая открытая площадка, подобная амфитеатру, и мы поднялись по узкой, приблизительно в 10 футов высоты, лестнице, выбитой в скале. Вероятно я вошел здесь с другой стороны в старый проход из Мемнония, ниже холмов и, быть может, также из пещер. Через этот проход мы прошли в Бибан-эль-Молук или Баб-эль-Молук, то-есть в Ворота или Двор царей, то-есть гробницы фараонов фивских».

Предание о тайном проходе в глубинах холмов, ведущем к противоположному склону скалы у Дер-эль-Бахри, мы встре-

[1] Они в самом деле имеют вид домов: в действительности, это — имеющие фасад гробницы Среднего царства.

Деревянная статуя Тутанхамона.

Гробница царицы Хатшепсут, высеченная в скалах.

чаем еще и теперь у туземцев, и до нынешнего дня есть археологи, уверенные в этом. Однако, оснований для такого предположения мало или совсем нет никаких, и, конечно, в нем нет намека на убедительность.

К этому Покок присоединяет описание гробниц, которые были еще доступны во время его посещения. Он перечисляет четырнадцать гробниц; большинство из них можно и теперь узнать по его описанию. Он дает точный план пяти из них: гробница Рамсеса IV, Рамсеса VI, Рамсеса XII, Сети II и одной начатой Тауосритом и законченной Сетнахтом гробницы. Для других четырех гробниц: Мерента, Рамсеса III, Аменемсеса и Рамсеса XI — он дает лишь рисунки внешних галлерей и комнат, так как внутренние комнаты были, очевидно, недоступны. Наконец, о пяти остальных он говорит как о «запертых». [1] Из рассказа Покока явствует, что он не мог потратить на свое пребывание здесь столько времени, сколько ему хотелось. «Долина» была недостаточно безопасным местом для продолжительного пребывания. Благочестивые отшельники, на которых остановился наш рассказ, уступили место разбойничьей шайке, жившей в холмах Курны и державшей всю округу в страхе. «Шейх тоже спешил убраться отсюда, — замечает Покок. — Я думаю, он опасался, как бы разбойники не воспользовались случаем и не собрались, если мы там останемся дольше».

Эти фивские шайки пользовались дурной известностью и часто упоминаются в рассказах путешественников XVIII века. Норден, посетивший Фивы в 1737 году, но проехавший по «Долине» лишь до Рамесеума, и, повидимому, считающий себя счастливым, что пробрался так далеко, — описывает их следующим образом:

«Эти люди гнездятся в пещерах, большое количество которых видно в соседних горах, и никому не повинуются. Они живут так высоко, что с далекого расстояния видят, если на них кто-нибудь собирается напасть. Если они чувствуют себя достаточно сильными, то они спускаются в равнину, чтобы защищать свою землю: если же нет, то они укрываются в своих пещерах или уходят глубже в горы, куда ни у кого нет охоты следовать за ними».

Джемс Брюс, посетивший долину в 1769 году, также претерпел от этих разбойников и рассказывает о несколько решительной,

[1] Как видно из надписей, нацарапанных на стенах, гробницы эти были в греко-римское время открыты.

но бесплодной попытке одного туземного начальника округа обуздать их предприимчивость.

«Много разбойников, очень напоминающих наших цыган, живет в расселинах возвышающихся над Фивами гор. Все они объявлены вне закона и подлежат смертной казни, когда их захватывают где-нибудь в другом месте. Осман-бей, прежний наместник Гирге, не желая дольше сносить безобразия, творимые этими людьми, приказал набрать сухого хворосту и со своими солдатами осадил часть горы, где держалось большое количество этих негодяев; затем он приказал завалить все их пещеры этими связками сухого хвороста и зажег его, так что большинство их погибло от дыма; но затем они опять умножились, не меняя своих привычек». [1]

При посещении гробницы Рамсеса III, еще и теперь носящей его имя, Брюс срисовал здесь фигуры арфистов, но все его работы были внезапно прерваны. Когда проводники заметили его намерение провести ночь в гробнице, чтобы наутро продолжать свои исследования, они были объяты страхом. «С великим шумом и знаками недовольства они побросали свои факелы в большую арфу и выбрались, как могли, из пещеры, оставив меня и моих спутников в темноте, и, уходя, они всю дорогу посылали мне страшные пророчества о том великом несчастьи, которое разразится тотчас же после их ухода из пещеры». Брюсу пришлось вскоре испытать, что их страх имел основание, ибо, когда он в сумерках ехал верхом вниз по «Долине», на него напала шайка разбойников, подстерегавших его и бросавших в него камни со скалы. При помощи своего ружья и мушкета своего служителя ему удалось отбить нападение, но когда он добрался до своей лодки, он счел более уместным поскорее оттолкнуть ее от берега и больше уже не делал попыток возобновить свои посещения.

Даже волшебной силы, связанной с именем Наполеона, было недостаточно для обуздания наглости этих фивских разбойников: члены его научной экспедиции, посетившие Фивы в последние дни XVIII столетия, подверглись нападению и даже обстрелу. Тем не менее им удалось произвести точный обмер всех тогда открытых гробниц и небольшие раскопки.

Теперь мы переходим к 1815 году, чтобы познакомиться с одним из замечательнейших людей во всей истории египтологии. В начале XIX века в Англии проживал молодой итальянец-великан,

[1] Bruce, Travels to discover the source of the Nil, т. I, стр. 125.

по имени Бельцони, который зарабатывал нищенский хлеб, давая на ярмарках и в цирке представления, где показывал свою богатырскую силу. Уроженец Падуи, отпрыск почтенной семьи римского происхождения, он готовился к духовной карьере, но тяготение к бродяжничеству в связи с внутренним брожением в тогдашней Италии погнало его искать счастья на чужбине. Недавно мы случайно наткнулись в одной из книг воспоминаний Смита «Rainy Day» на рассказ о его доегипетских днях. Автор вспоминает, как его вместе с другими людьми носил вокруг сцены «силач» Бельцони. В свободное от цирковой работы время Бельцони, как видно, изучал машиностроение и в 1815 году решил попытать счастье в Египте, пропагандируя введение водяного колеса. Это водяное колесо должно было, по его утверждению, давать в четыре раза больше работы, чем снаряды, обычно применяемые туземцами. Поэтому он отправился в Египет, добился аудиенции у «паши» Могаммеда-Али и, действительно, установил в дворцовом саду свое колесо. По мнению Бельцони, оно имело большой успех; но египтяне знать о нем ничего не хотели, и таким образом он потерпел в Египте крушение своих надежд.

Наконец, при посредстве немецкого путешественника Буркхарда он сошелся с британским генеральным консулом Сальтом и заключил с ним договор, по которому обязался перенести из Луксора в Александрию колоссальный бюст Мемнона (Рамсеса II, ныне находящийся в Британском музее в Лондоне). Это было в 1815 году. Следующие пять лет он провел в Египте, производил здесь раскопки, собирал древности, сперва для Сальта, а затем за свой счет, и боролся с другими лицами, производившими раскопки, особенно с Дроветти, представителем французского консула. Это было боевое время раскопок. Попросту забирали все, что нравилось, от скарабея до обелиска, а если с кем-нибудь, также производившим раскопки, происходили какие-либо разногласия, то его подстерегали с ружьем.

Описание приключений Бельцони в Египте вышло в свет в 1820 году и является одной из самых увлекательных книг во всей литературе о Египте. Мне очень хотелось бы привести из него большие выдержки, например рассказ о том, как он упустил в Нил обелиск, а затем вновь выловил его, затем всю историю его многообразнейших столкновений. Но нам приходится ограничиться его действительной работой в «Долине». Здесь он открыл целый ряд гробниц, среди них гробницу Эйе, Ментухо-

тепа, Рамсеса I и Сети I, и вынес из них вещи. В последней гробнице он нашел чудесный алебастровый гроб, находящийся теперь в лондонском музее Джопа Сона.

Здесь впервые были предприняты раскопки царских гробниц в большом масштабе, и мы обязаны великой признательностью Бельцони за то, как он производил свои работы. Мы узнаем здесь о приемах, которые, правда, у современного специалиста по раскопкам могут легко вызвать нервный удар: так, например, Бельцони рассказывает, что, вскрывая запечатанные двери, он пользовался тараном; но все же в общем его работа отличалась чрезвычайными достоинствами. Быть может, здесь важно указать, что Бельцони, подобно всякому другому, делавшему в «Долине» раскопки, оставался в убеждении, что исчерпал здесь до конца все возможности. «Я твердо убежден,—говорит он,—что в долине Бибан-эль-Молук нет гробниц, кроме тех, которые открыты моими недавними раскопками. Ибо, прежде чем покинуть эту местность, я напряг все мои скромные силы в стремлении отыскать хоть еще одну гробницу, но безуспешно. Мой взгляд подкрепляется тем, что независимо от моих исследований британский консул господин Сальт, после того как я покинул эту местность, оставался там четыре месяца и также тщетно старался найти еще гробницу».

В 1820 году Бельцони возвратился в Англию и устроил в Лондоне выставку своих сокровищ, среди которых находились алебастровый гроб и модель гробницы Сети. Выставка эта устроена была в здании, выстроенном в 1812 году на улице Пикадилли. Здание это памятно еще многим из нас: это был «Египетский зал». В Египет Бельцони больше не возвращался, а несколько лет спустя умер во время научного путешествия в Тимбукту.

После Бельцони «Долина» в течение двадцати лет подвергалась основательным расхищениям, о чем вскоре затем были изданы обширные сообщения. Здесь мы можем лишь перечислить немногие имена, как Сальт, Шамполлион, Бертон, Гей, Хед, Розеллини, Уилькинсон, перенумеровавший гробницы, Роулинсон, Ринд. В 1844 году большая немецкая экспедиция, во главе которой стоял Лепсиус, произвела полный обмер «Долины» и очистила могилу-гробницу Рамсеса II и часть гробницы Меренпта. Затем последовало затишье: считалось, что немецкая экспедиция исчерпала все возможности и, таким образом, вплоть до конца XIX века в «Долине» не было предпринято ничего значительного.

В это время, однако, вне «Долины» произошло одно из важнейших событий во всей ее истории. Мы рассказывали в предыдущей главе, как были собраны из всех ее тайников царские мумии и были перенесены все вместе в расселину скалы у Дер-эль-Бахри. Здесь они пролежали почти 3000 лет и были найдены здесь летом 1875 года членами одной семьи из Курны, Абд-эль-Расулами. С XIII века до нашей эры промыслом обитателей этой деревни был грабеж гробниц, и вплоть до нынешнего дня они остались ему верными. Теперь они стеснены в своей деятельности, но все еще тайно ищут счастья в заброшенных уголках и, случается, делают богатую находку. На этот раз добыча была слишком велика, чтобы унести ее. Очевидно, было невозможно вынести из гробницы все ее содержимое; поэтому все члены семьи поклялись друг другу хранить молчание, и старшие члены решили оставить находку там, где она лежит, и лишь время от времени, когда понадобятся деньги, брать оттуда что-либо.

Сколь невероятным это ни кажется, тайна эта хранилась в течение шести лет, и семья, имея в банке вклад в сорок с лишним мертвых фараонов, была богата.

Вскоре благодаря предметам, которые стали появляться на рынке, сделалось ясно, что где-то найдены богатые сокровища царского погребального убранства, но лишь в 1881 году удалось выследить семью Абд-эль-Расулов, как продавцов вещей из гробниц. Даже и теперь было нелегко найти доказательства. Глава семьи был подвергнут заключению и допросу со стороны мудира Кене, пресловутого Дауда-паши, приемы которого при производстве следствия были, правда, незаконны, но действительны. Конечно, глава семьи отрицал вину, и само собой вся деревня Курна равным образом поднялась, как один человек, уверяя, что в их честнейшей общине семья Абд-эль-Расулов является честнейшей. По недостатку доказательств он был сперва отпущен на свободу, но беседа с Даудом, очевидно, потрясла его. Беседы с Даудом производили в большинстве случаев это действие.

Один из наших старых рабочих рассказывал нам однажды об одном своем приключении из времен своей юности. Он был профессиональным вором и, захваченный на работе в области этой профессии, предстал пред мудиром. Был жаркий день, и в первое же мгновение он был объят великим страхом, ибо

увидел, как мудир приятно возлежит в большом глиняном сосуде с водой. Из этого необыкновенного седалища правосудия посмотрел на него Дауд, только посмотрел — «и когда его глаза прошли через меня насквозь, то я почувствовал, как мои кости сделались во мне водяные. Потом он спокойно сказал мне: «Ты являешься предо мной в первый раз: ты свободен, но берегись, очень берегись, как бы не явиться во второй раз». И я так испугался, что отказался от моего промысла, и уж больше не являлся к нему».

Такое же действие оказал, как видно, Дауд на семью Абд-эль-Расулов, ибо месяц спустя один из ее членов явился к мудиру и признался во всем. Тотчас же телеграфировал в Каир. Эмиль Бругш, стоявший во главе музея, был отправлен в Луксор для исследования и надзора, и 5 июля 1881 года пред ним открылась долго хранимая тайна. Вероятно, впечатление было необычайно. Здесь, стиснутые в плоской, плохо высеченной гробнице, лежали могущественнейшие владыки древнего Востока, цари, имена которых известны были всему миру, но увидеть которых в лицо нельзя было ожидать в самых смелых мечтаниях. Там, куда три тысячи лет тому назад тайно и торопливо в темноте ночи снесли их жрецы, они остались, и на их гробах и мумиях сохранились в отчетливых надписях рассказы об их странствиях из одного тайника в другой. Некоторые были облечены в новые покровы, двум или трем в течение многих странствий довелось переменить гробы. В течение сорока восьми часов гробница была очищена от вещей; теперь мы работаем не так быстро. Цари были погружены на барку музея, и через две недели после прибытия Бругша в Луксор они были выгружены в Каире и перевезены в музей.

Это известная история. Всем известно, но достойно повторения то, что, когда барка отвалила от берега вниз по реке, жители соседних деревень стреляли из ружей, как при погребении, а женщины, следуя вдоль берега, рвали на себе волосы и издавали те пронзительные плачевные возгласы поминальных причитаний, которые, несомненно, дошли до нас от времен фараонов.

Но вернемся к «Долине». Следуя донесениям местных властей, генеральный директор управления древностей Лоре открыл в 1898 году много новых царских гробниц, среди них могилу Тутмоса I, Тутмоса III и Аменхотепа II. Последнее открытие

было чрезвычайно важно. Мы говорили уже, что в эпоху двадцать первой династии тринадцать царских мумий нашли приют в гробнице этого Аменхотепа, и здесь все тринадцать были найдены в 1898 году. Не было ничего кроме их мумий. Богатства, истраченные во времена их могущества на их погребение, давно исчезли, но хоть сами они избежали последнего унижения. Конечно, в свое время в гробницу вторгались, грабили ее и расхитили и разбили большую часть погребального убранства. Но она избегла полного разрушения, которому подверглись другие царские гробницы, и мумии остались нетронутыми. Прах Аменхотепа покоился в своем подлинном первом гробу, куда он был уложен более трех тысяч лет тому назад. Правительство очень разумно, по совету сэра Вильяма Гарстина, решило не трогать мумии. Гробница была заперта на замок, к ней приставлена стража, и фараона оставили мирно покоиться в ней.

К сожалению, эта история имеет продолжение. Год или два спустя после открытия, в гробницу, несомненно по соглашению со сторожами, пробралась шайка новых грабителей. Мумия была вынута из гроба, в котором искали сокровищ. Впоследствии управление древностей выследило воров, и они были задержаны. Но управлению не удалось, однако, предать их суду, составленному из туземцев. Согласно официальному отчету, все это происшествие поразительно напоминает приведенные в предыдущей главе рассказы о расхищениях гробниц в древности, и в общем создается убеждение, что во многих отношениях современный египтянин очень мало отличается от своих предков эпохи Рамсеса IX.

Одно поучение следует из этого случая, и мы рекомендуем его критикам, именующим нас вандалами за то, что мы удаляем из гробниц вещи. Перевозя древности в музей, мы обеспечиваем их сохранность: оставленные на месте, они неизбежно рано или поздно стали бы добычей воров, что равносильно их полному уничтожению.

В 1902 году один американец, Теодор Дэвис, получил разрешение производить в «Долине» раскопки под наблюдением правительства, и он делал это здесь в течение двенадцати зим. Его главные находки известны большинству из нас. Среди них находятся гробницы Тутмоса IV, Хатшепсут (табл. IV), Сипта, Юа и Туа, пращуров супруги Тутанхамона, Харемхеба и одно подземелье,

в сущности не настоящая гробница, предназначенное для перевезения погребального убранства Эхнатона из его первоначальной гробницы в Эль-Амарне. Этот тайник заключал мумию и гроб царя-еретика, очень небольшую часть его погребального убранства и части саркофага его матери Тии. В 1914 году концессия Дэвиса перешла к нам, и здесь по существу и начинается история гробницы Тутанхамона.

ГЛАВА III

НАШИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ФИВАХ

Давно уже, с первого моего путешествия в Египет в 1890 году, моим пламеннейшим желанием было делать раскопки в «Долине», и когда я в 1907 году, по приглашению Вильяма Гарстина и Гастона Масперо, начал заниматься раскопками для лорда Карнарвона, все мы надеялись, что возможно будет получить здесь концессию. Уже в качестве уполномоченного отделения древностей я открыл для Дэвиса две гробницы в «Долине» и надзирал за работами по их очистке от вещей. Это еще больше усилило мое желание производить там работы на основании законной концессии. Но пока что это было невозможно, и в течение семи лет мы с переменным счастьем раскапывали другие места фивского некрополя. Результаты первых пяти лет изложены в книге «Пять лет исследований в Фивах», которую мы совместно с Карнарвоном опубликовали в 1912 году в Англии.

В 1914 году мы открыли на вершине одного из отрогов холмов Дра-абдул-нага могилу Аменхотепа I, что снова устремило наше внимание на «Долину»; с нетерпением мы ждали возможности работать там. Теодор Дэвис, которому еще принадлежала концессия, высказывал мнение, что «Долина» исчерпана и что там нет больше никаких гробниц. Это заявление подкреплялось тем, что Дэвис в течение последних двух зим очень мало работал в самой «Долине», но большую часть времени употреблял на раскопки вблизи ее начала, в соседней северной долине, где надеялся найти гробницы царей-жрецов и цариц восемнадцатой династии, и в холмистых окрестностях храма Мединет-Хабу. Несмотря на это, он не согласился уступить нам право раскопок, и лишь в июле 1914 года мы смогли получить вожделенную концессию. Начальник отделения древностей Гастон Масперо, подписавший нашу концессию, держался, подобно Дэвису, того мнения, что вся эта местность исчерпана, и прямо говорил нам,

что не верит, чтобы дальнейшие исследования стоили труда. Но мы вспоминали, что около ста лет тому назад Бельцони утверждал то же самое, и не были убеждены словами Масперо. Мы обследовали подробно всю местность и были уверены, что здесь под остатками прежних раскопок могут находиться места, которые никогда не были подвергнуты основательному обследованию.

Было ясно, что нам предстоит очень трудная работа и что придется предварительно удалить много тысяч тонн щебня, прежде чем мы сможем надеяться найти что-нибудь. Но все же представлялось вероятным, что в конце концов мы будем вознаграждены открытием гробницы, и хотя у нас не было никаких других оснований, оставалась все-таки возможность, в которую мы упорно верили. В действительности мы рассчитывали на большее; и с риском, что я задним числом хочу показать себя проницательным, я должен все-таки сказать, что мы решительно питали надежду найти гробницу определенного царя, и царь этот был Тутанхамон.

Чтобы понять основания этого нашего убеждения, мы должны возвратиться к сообщениям Дэвиса о его раскопках. В конце своих работ в «Долине» он нашел под одной скалой фаянсовый кубок, носивший имя Тутанхамона. В той же местности он наткнулся на небольшое подземелье, в котором была найдена безымянная алебастровая статуэтка, неизвестно чья, быть может Эйе, и разбитый деревянный сундук с обрывками золотых листков, в которых видны были имена и изображения Тутанхамона и его супруги. Но, основываясь на этих золотых листках, он утверждал, что нашел гробницу Тутанхамона. Это умозаключение было совершенно неосновательно, ибо это подземелье было очень тесно и незначительно и, судя по его форме, могло служить могилой какому-нибудь придворному эпохи Рамессидов, но в качестве гробницы фараона восемнадцатой династии представлялось просто смешным. Найденные здесь и принадлежавшие царям вещи, очевидно, были сложены в могиле в позднейшее время и не имели с гробницей ничего общего.

Недалеко на восток от этой могилы Дэвис во время прежних своих работ (1907—1908 гг.) нашел также в неправильно высеченном в скале углублении тайник, заключавший большие глиняные сосуды, запечатанные и снабженные иератическими надписями. Содержимое глиняных сосудов подверглось поверхностному обследованию, и так как оно, на первый взгляд, состояло только из

черепков, свертков полотна и других остатков, оно не возбудило в Дэвисе никакого интереса. Находка была оставлена и лежала на складе в жилище Дэвиса в «Долине». Здесь Уинлок заметил позже глиняные сосуды и тотчас понял их значение.

С разрешения Дэвиса вся коллекция сосудов была упакована и отправлена в музей Метрополитэн в Нью-Йорке, где Уинлок тщательно расследовал их содержимое. Оно оказалось чрезвычайно интересным. Здесь были глиняные печати, некоторые из коих носили имена Тутанхамона, а другие с оттисками печатей царского некрополя; черепки великолепных раскрашенных глиняных ваз, полотняные головные платки, из коих один с самой поздней известной нам датой царствования Тутанхамона, ожерелья из цветов, какие на изображениях похорон можно видеть на их участниках, и множество иных различнейших предметов. Все в целом, очевидно, представляло собой материал, служивший при погребении Тутанхамона, а затем собранный и уложенный в эти сосуды.

Таким образом мы располагали тремя различными доказательствами: найденным в скале фаянсовым кубком, разукрашенными золотыми листками из малой могилы, и этим важным тайником с погребальным материалом; все это определеннейшим образом ставило Тутанхамона в связь с этой частью «Долины».

К этому присоединяется еще четвертое доказательство. Вблизи всех этих находок Дэвис открыл знаменитый тайник Эхнатона. В нем содержались останки фараона-еретика, наскоро перенесенные из Эль-Амарны и здесь укрытые для безопасности; что на самом Тутанхамоне лежит ответственность за их перенесение и новое погребение, мы можем заключить с значительной уверенностью из того, что здесь найдено много его глиняных печатей.

Имея все эти доказательства, мы были твердо убеждены, что есть еще возможность найти гробницу Тутанхамона, и что она должна быть расположена где-то недалеко от середины «Долины». Найдем мы Тутанхамона или нет, во всяком случае нам было ясно, что планомерное и исчерпывающее исследование внутренней части «Долины» дает известные надежды на успех, и мы намерены были зимою 1914—1915 года закончить разработку планов тщательно подготовляемых работ, когда разразилась война, и осуществление этих проектов пришлось отложить.

В течение следующих лет военная работа заняла почти все мое время; но были промежутки, во время которых я мог производить небольшие раскопки. Так, например, в феврале 1915 года

я совершенно очистил гробницу Аменхотепа III, отчасти раскопанную в 1799 году Девилье, одним из членов наполеоновской египетской комиссии, и впоследствии вновь откопанную Теодором Дэвисом. В течение этой работы мы сделали интересное открытие. Снаружи у входа находились нетронутые жертвы закладки, что в связи с другими находящимися в гробнице вещами привело к заключению, что она первоначально была сооружена Тутмосом IV, и что в ней, действительно, была погребена царица Тии.

Когда я в следующем году во время короткого отпуска был в Луксоре, я совершенно неожиданно был втянут в другую работу. Уход служащих на войну, равно как вызванное самой войной понижение общей морали, естественно привели к чрезвычайному оживлению деятельности туземных могильных воров, и работы их по всем направлениям были в полном разгаре. Однажды после обеда пришло в деревню известие, что в одном пустынном и мало посещаемом месте на восточном склоне холма, над «Долиной», сделана находка. Немедленно вооружился второй отряд могильных грабителей и выступил в путь к этому месту. Произошла оживленная стычка, в которой первый отряд был разбит и прогнан. Но они поклялись отомстить.

Для предотвращения дальнейших беспорядков деревенские власти пришли ко мне с просьбой взять это дело в свои руки. Это происходило уже под вечер. Я поспешно собрал немногих моих рабочих, не попавших на военную службу, и с необходимым снаряжением выступил на место столкновения: путешествие, заключавшее в себе восхождение на холмы Курны более шестисот метров высоты, при лунном свете. Была полночь, когда мы добрались до театра военных действий, и проводник указал мне верхний конец веревки, висевшей с отвесной скалы. Прислушавшись, мы могли слышать, как работают грабители. Я прежде всего отрезал веревку и таким образом лишил их возможности ускользнуть. и, укрепив свой надежный канат, приказал спустить меня со скалы, вниз.

Спускаться на веревке в гнездо занятых своим делом грабителей — времяпровождение, во всяком случае, не лишенное занятности. За работой было восемь человек, и когда я спустился к ним, пришлось пережить несколько не слишком приятных мгновений. Я предоставил им на выбор: или убраться при помощи моего каната, или оставаться без веревки там, где они сидят; в конце концов они образумились и убрались. Остаток ночи

я провел там же, и, когда рассвело, вновь спустился в гробницу, чтобы приступить к ее основательному обследованию.

Гробница была расположена чрезвычайно интересным образом. Вход в нее был устроен на дне естественной, прорытой водой расселины в скале, на 43 метра ниже вершины скалы и на 73 метра выше «Долины», и так искусно скрыт, что ни сверху ни снизу невозможно было заметить ни малейшего его следа. От входа шел в толще скалы в сторону коридор длиною приблизительно 18 метров, кончавшийся прямым углом. Отсюда короткий, крутой ход вел вверх, в комнату площадью приблизительно в 6 квадратных метров. Все сверху до низу было засыпано щебнем, и в этом щебне грабители прорыли туннель более 30 метров длиною, достаточно широкий для того, чтобы по нем мог проползти человек.

Это было интересное открытие, которое могло иметь чрезвычайное значение. Поэтому я решился приступить к полной очистке гробницы. Мы употребили на это двадцать дней, хотя работы производились днем и ночью, и это было чрезвычайно трудное дело. Добираться до гробницы сверху при помощи веревки было, очевидно, способом неудовлетворительным и ненадежным; кроме того, для этого надо было подыматься по крутизне наверх. Конечно, предпочтительнее было добираться туда прямо с «Долины». Этого мы и достигли, устроив у входа в гробницу род подъемной машины, при помощи которой мы могли подыматься и спускаться на блоке. Но и это был способ не очень удобный, так что я производил спуск, сидя в сетке.

Возбуждение среди рабочих возрастало по мере развития работ. Наверное, место, столь хорошо скрытое, должно таить чудесные сокровища, и велико было их разочарование, когда выяснилось, что могила не была закончена и не была в употреблении. Единственный ценный предмет, заключавшийся в ней, был большой гроб из кристаллического известняка, недоделанный, подобно всей гробнице, и снабженный надписями, из которых явствовало, что он был предназначен для царицы Хатшепсут. Вероятно, эта могущественная женщина приказала соорудить гробницу для себя в качестве супруги Тутмоса II. Впоследствии, когда она завладела престолом и сама стала царем, естественно, стало необходимым, чтобы ее гробница, подобно гробницам других фараонов, была устроена в «Долине» (табл. IV) — я нашел ее там, действительно, в 1903 году — и таким образом, эта могила была оставлена. Царица сделала бы лучше, если бы держалась своего старого плана. В этом

потайном месте ее мумия имела известные шансы избежать беспокойства, в «Долине» па это надежд не было. Она хотела быть царем, и ей пришлось испытать царскую судьбу.

Осенью 1917 года мы начали наш настоящий поход в «Долине». Главной трудностью было определить, где начать, ибо горы щебня, набросанные прежними производителями раскопок, заполняли «Долину» по всем направлениям. С другой стороны, никогда не было никем сделано отметок, в каких частях долины производились раскопки и в каких — нет. Несомненно, единственное, что обещало успех, была систематическая расчистка всей «Долины» вплоть до ее каменного дна. Я предложил лорду Карнарвону принять начальным пунктом треугольник, определяемый гробницами Рамсеса II, Мерепта и Рамсеса VI; в этой местности, по нашему мнению, могла находиться могила Тутанхамона.

Это было делом чрезвычайно трудным, почти безнадежным, так как это место вплоть до верху было завалено громадными массами щебня, но я имел основание надеяться, что дна под ними до сих пор никто не трогал, и был убежден, что найду там могилу. В продолжение этой зимы мы убрали в этом месте значительную часть верхних слоев щебня и продвинули наши раскопки до подножья гробницы Рамсеса VI. Здесь мы наткнулись на ряд хижин для рабочих, выстроенных на крупных кремневых голышах, что в «Долине» всегда служит признаком близости гробницы.

Нашей первой мыслью было продолжать наши работы по очистке в этом направлении, но таким образом мы отрезали бы всякий доступ к расположенной выше гробнице Рамсеса, которой посетители выказывают особое предпочтение. Поэтому мы решили выждать более благоприятного случая. Таким образом единственные результаты нашей работы до сих пор заключались в нескольких маленьких «остраках», [1] любопытных, но не представлявших собой ничего замечательного.

Зимою 1919 — 1920 года мы возобновили наши работы в этой местности. Прежде всего было необходимо найти новое место для свалки щебня, и мы при подготовительных работах, у самого входа в гробницу Рамсеса IV, наткнулись на много мелких предметов из его погребального убранства. На этот год наш план ограничивался очисткой всей остающейся части вышеупомянутого треугольника, и мы, набрав много рабочих, принялись за работу.

---

[1] Черепки и тонкие осколки известняка для письма и рисования.

Когда в марте прибыли лорд Карнарвон с женой, все верхние массы щебня были убраны, и мы продвинулись достаточно далеко, чтобы перейти, как мы думали, к девственной почве. Мы скоро убедились, что были правы, так как немедленно наткнулись на небольшой тайник, заключавший тринадцать алебастровых сосудов с именами Рамсеса II и Меренпта, происходящие, вероятно, из гробницы последнего. Так близко к настоящему открытию мы не были никогда при всех наших работах в «Долине», так что мы, естественно, были несколько возбуждены: вспоминаю, что лэди Карнарвон настаивала на том, чтобы ей дали собственноручно раскопать эти сосуды — вещи действительно великолепные.

За исключением участка, на котором стояли хижины рабочих, мы обследовали весь треугольник и не нашли никакой гробницы. Я все еще надеялся; тем не менее мы решили оставить этот участок нетронутым, с тем, чтобы следующей осенью начать наши работы очень рано, дабы закончить их, не мешая посетителям.

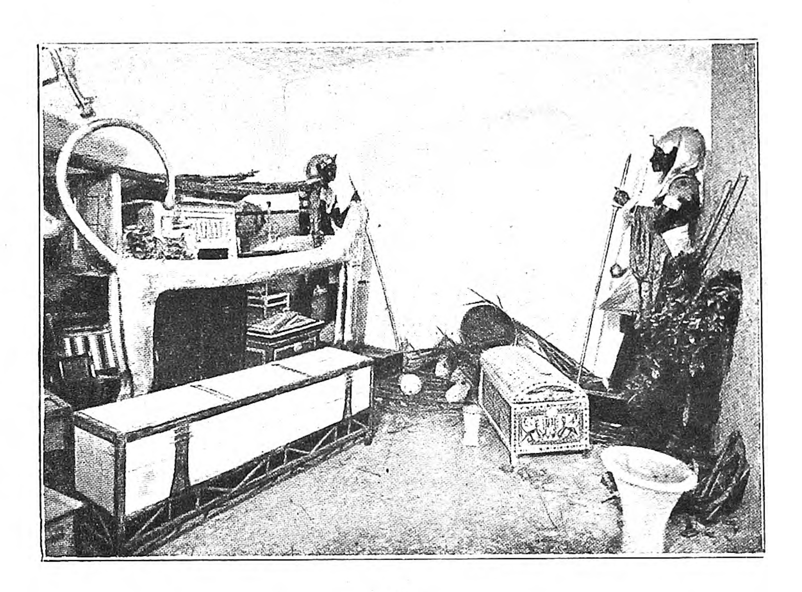
Для дальнейшего опыта мы избрали небольшую боковую долину, где находится гробница Тутмоса III. Это заняло все наше время в течение ближайших двух зим, и хотя по существу не было найдено ничего ценного, мы сделали интересное археологическое открытие. Могила, в которой действительно был погребен Тутмос III, была в 1898 г. найдена Лоре в недоступной расселине на половине высоты скалы. При наших раскопках внизу в «Долине» мы наткнулись на начатую могилу, которая, судя по жертвам закладки, первоначально была предназначена для того же царя. Вероятно, Тутмосу или его архитектору во время сооружения этой глубоко заложенной могилы пришла мысль, что расселина наверху в скале представляет собой лучшее место. Оно, конечно, не так легко могло быть открыто, и возможно, что это и есть причина перемены; вероятно также и другое объяснение: что один из сильнейших ливней, которые разражаются иногда в Луксоре, затопил расположенную в низине могилу и заставил таким образом Тутмоса искать более приятного убежища для своей мумии в более возвышенном месте.

Недалеко отсюда, у входа в другую покинутую гробницу, мы нашли в фундаменте жертвы, указывавшие на его супругу Хатшепсут, сестру знаменитой царицы, носившей то же имя. Спорным являлось, можно ли отсюда заключить, что она была погребена здесь: найти в «Долине» царицу было бы против всякого

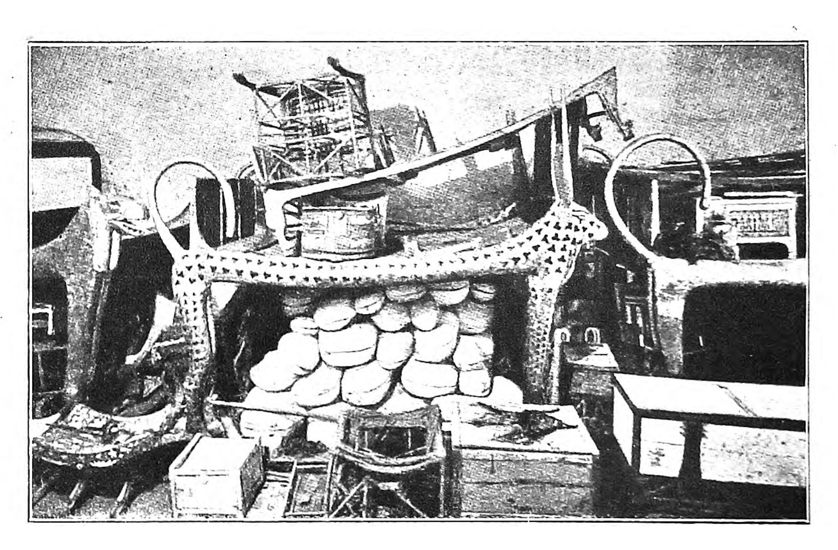
обычая. Во всяком случае один фивский администратор, по имени Сенефер, впоследствии воспользовался гробницей для себя.

В течение многих зим раскапывали мы «Долину» с чрезвычайно умеренным успехом, и вопрос о том, продолжать ли нам наши работы или начать поиски где-нибудь в более благоприятном месте, подвергался деятельному обсуждению. Правильно ли мы поступаем, продолжая здесь наши работы после стольких бесплодных лет? Мое чувство подсказывало мне, что, пока осталось хоть одно необследованное место, рисковать стоит. Верно, что в «Долине» в течение более продолжительного срока можно найти меньше, чем в какой бы то ни было другой местности Египта; но, с другой стороны, удача может вознаградить за долгие годы скучной и бесплодной работы.

Кроме того, необходимо было обследовать еще тщательнее место с хижинами рабочих и кремневыми голышами у подножья гробницы Рамсеса VI, и меня никогда не покидало нечто в роде предчувствия, что именно в этом закоулке долины может быть найден один из недостающих царей, быть-может Тутанхамон. Во всяком случае нагромождение щебня в этом месте позволяло сделать заключение о близости могилы. В конце концов мы решили посвятить «Долине» еще одну зиму и начать работу раньше, чтобы если уж придется преградить доступ к гробнице Рамсеса VI, то сделать это в такое время, когда это меньше всего будет мешать посетителям. Это привело нас зимою 1923 года к результатам, ныне известным всем и каждому.

а

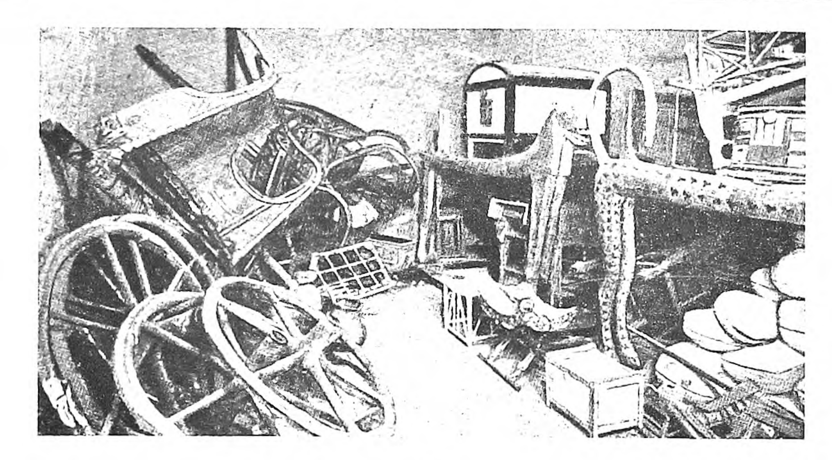

б

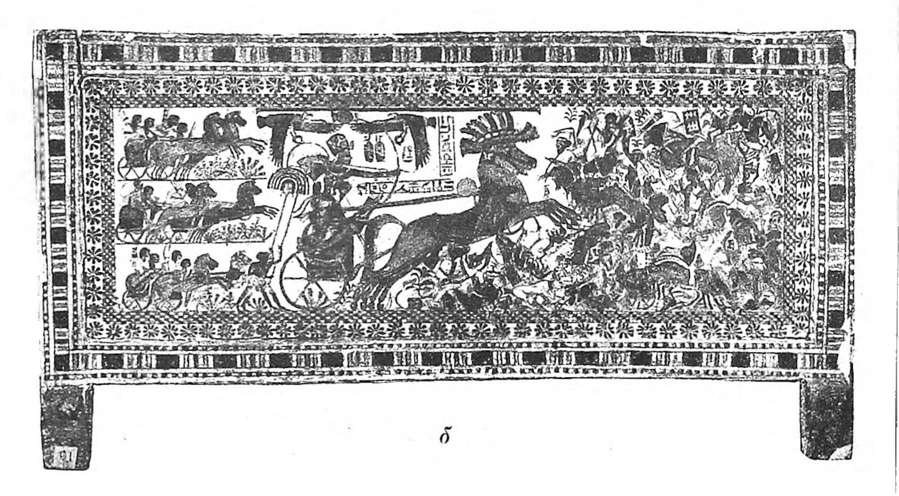
Первая кладовая.

а) Северная часть.

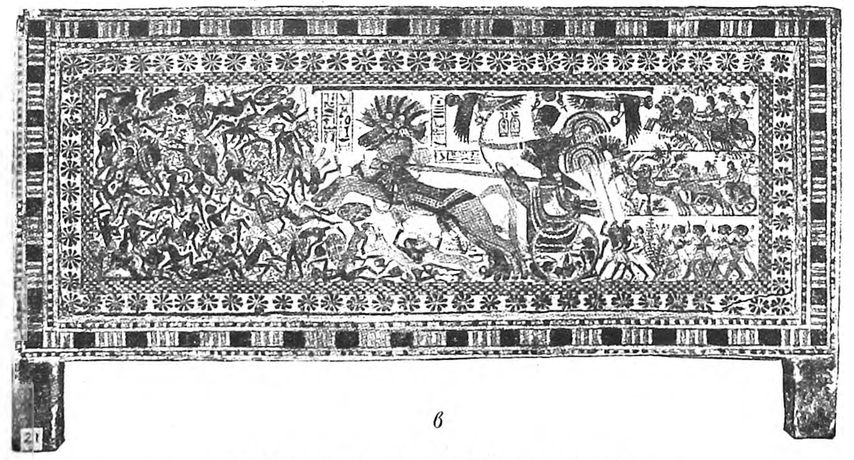
б) **Ложе с головами коровы Хатор, под ним в яйцеобразных коробках провиант для погребенного царя.**

а

б

в

а) Первая кладовая. Южная часть.
б — в) Боковые стенки ларца с изображением царской охоты.

ГЛАВА IV

МЫ НАХОДИМ ГРОБНИЦУ

В истории «Долины», которую я попытался изложить в предыдущей главе, никогда не было недостатка в драматических событиях, и их не был лишен также и последний эпизод. Представим себе положение вещей. Это была последняя зима нашей работы в «Долине». В течение шести зим мы производили здесь раскопки ежегодно с одинаковым успехом: нам случалось работать в течение целых месяцев под ряд и не находить ничего; как это тягостно, знает каждый занимавшийся раскопками. Мы были близки к тому, чтобы признать наше поражение, и готовились, покинув «Долину», искать счастья где-нибудь в другом месте; и вот, при нашей последней отчаянной попытке, едва ударив киркой, мы сделали открытие, превосходившее самые смелые наши мечтания. Несомненно, еще никогда во всей истории раскопок результаты целой зимы, посвященной работе, не сосредоточивались так, как здесь, в пяти днях.

Я попытаюсь рассказать, как все было. Это не легко, потому что самая внезапность открытия привела меня в состояние некоторого ошеломления, и следующие месяцы так были полны событий, что я едва имел время одуматься. Излагая все это теперь на бумаге, я сам, может-быть, впервые получу ясное понятие обо всех событиях и обо всем их значении.

28 октября 1922 года я приехал в Луксор, до 1 ноября набирал рабочих и был готов приступить к работе. При последних наших раскопках мы остановились на северо-восточном углу гробницы Рамсеса VI, и отсюда я начал копать в южном направлении. Напомню, что в этой местности тянулся ряд простых хижин, вероятно служивших жилищем для рабочих, занятых сооружением гробницы Рамсеса. Эти хижины стояли приблизительно на метр выше наносного грунта и занимали все место перед гробницей Рамсеса. Они тянулись в южном направлении и соединя-

лись с такой же группой хижин на другом склоне «Долины», найденных Дэвисом при его работе над могилой Эхнатона. До вечера 3 ноября мы раскопали и убрали достаточное для наших целей количество этих хижин, сняв предварительно их планы. Теперь мы могли убрать находившийся под ними слой щебня толщиною в один метр.

На следующее утро, едва я пришел на место работ, по необычайной тишине, вызванной приостановкой работы, я понял, что произошло нечто необычайное. Меня встретили известием, что под первой же хижиной, которую начали убирать, оказалась ступенька, высеченная в скале. Это известие казалось слишком радостным, чтобы поверить ему; но когда вновь приступили к работе, вскоре оказалось, что мы в самом деле стоим у начала хода, проделанного приблизительно на метр ниже входа в гробницу Рамсеса VI и устроенного приблизительно на одной глубине с дном нынешней «Долины».

Ход очень напоминал часто встречающиеся в «Долине» и ведущие вглубь лестницы, и я дерзал надеяться, что мы наконец нашли нашу гробницу. Целый день и все следующее утро с лихорадочной поспешностью продолжалась работа; но лишь после полудня 5 ноября нам удалось удалить заваливавшие вход кучи щебня и освободить со всех четырех сторон верхние углы лестницы.

Теперь было вне сомнения, что перед нами действительно вход в гробницу, но прежние разочарования не давали нам предаться ничем не смущаемой радости. Все еще оставалась гнетущая возможность, весьма вероятная после опыта, сделанного нами в долине Тутмоса III, — что могила не закончена и не использована; а если она и была закончена, то ведь оставалась еще печальная вероятность, что она совершенно разграблена еще в древнейшие времена. С другой стороны, представлялось возможным, что мы найдем нетронутую или лишь отчасти расхищенную гробницу, и я, едва подавляя возбуждение, наблюдал, как одна за другой обнажаются ведущие вниз ступеньки лестницы. Ход был проложен по склону маленького земляного холма. Когда работа продвинулась дальше, восточный угол углубился под склон холма, где сперва отчасти, а затем вполне оказался перекрытым, пока, наконец, не перешел в подкоп высотою в 3 и шириною в 2 метра. Теперь работа пошла быстрее; ступенька следовала за ступенькой, и при закате солнца у подножья двенадцатой сту-

пеньки показалась верхняя часть заделанного, замурованного известью и запечатанного входа.

Запечатанный вход!.. Стало-быть, это верно! Все годы терпеливой работы наконец увенчаны успехом. Полагаю, первым моим чувством была радость, что моя вера в «Долину» не оказалась напрасной. С лихорадочно возрастающим возбуждением я исследовал оттиски печатей на двери, чтобы установить имя владельца, но не нашел никакого имени: единственное, что я мог расшифровать, были хорошо известные печати царского кладбища, изображающие шакала и девять пленников. Два обстоятельства были ясны. Во-первых, применение царской печати показывало с несомненностью, что гробница была предназначена для очень высокопоставленной особы, и, во-вторых, так как запечатанный вход был сверху совершенно защищен хижинами рабочих эпохи двадцатой династии, было достаточное основание предположить, что по крайней мере после этой эпохи в гробницу не входил никто. Пока что я должен был удовлетвориться этим.

Исследуя печати, я заметил над входом, где отвалилось несколько кусков извести, тяжелый деревянный брус. Чтобы узнать, каким образом и чем заканчивается проход, я просверлил под этим брусом небольшое отверстие, достаточно широкое для того, чтобы просунуть в него электрическую лампу. Я увидел, что проход за дверью сверху донизу засыпан камнями и щебнем — еще одно доказательство стараний, приложенных к охране гробницы.

Это мгновение могло взволновать всякого человека, занимавшегося раскопками. После ряда лет относительно бесплодной работы я один, если не считать туземных рабочих, стоял у порога, быть-может, великого открытия. За этим проходом могло находиться все, буквально все, что угодно, и потребовалось напряжение всего моего самообладания, чтобы не взломать дверь для немедленного продолжения поисков.

Единственное, что возбуждало во мне сомнение, были незначительные размеры отверстия в сравнении с другими гробницами «Долины». Сооружение относилось, несомненно, к эпохе восемнадцатой династии. Не может ли это быть могила сановника, погребенного с разрешения фараона? Или это царский тайник, скрытое место, куда была для безопасности перенесена мумия со всем ее убранством? Или это в самом деле могила фараона, на поиски которой я потратил столько лет?

Я еще раз расследовал оттиски печатей в поисках указаний, но на очищенной до сих пор части входа ясно можно было разобрать только уже упомянутые печати царского некрополя. Если бы я знал, что лишь немногими сантиметрами ниже находится совершенно ясный и отчетливый оттиск печати Тутанхамона, того фараона, найти которого я хотел больше всего, я бы покопался еще немного, спал бы лучше ночью и избавил себя от почти трехнедельной неизвестности. Но было уже поздно, и наступила темнота. С некоторым внутренним сопротивлением я закрыл небольшое отверстие, проделанное мной, засыпал для безопасности на ночь яму, выбрал надежнейших из моих рабочих — они были так же возбуждены, как и я, — чтобы всю ночь бодрствовать над гробницей, и при свете луны поехал верхом вниз по «Долине» домой.

Мне, разумеется, хотелось тотчас же продолжать раскопки, чтобы убедиться во всем объеме открытия, но Карнарвон был в Англии, и из внимания к нему я должен был отложить все дальнейшее до его прибытия. Поэтому утром 6 ноября я отправил ему телеграмму: «Сделал наконец чудесное открытие в «Долине»: большая гробница с нетронутыми печатями; до вашего приезда все вновь засыпано. Поздравляю».

Ближайшей моей задачей было оградить вход от вторжения, пока он не будет открыт вновь и окончательно. Поэтому мы снова засыпали всю выемку вплоть до поверхности земли и навалили сверху большие кремневые голыши, на которых были выстроены хижины рабочих. К вечеру этого дня, т.-е. ровно через 48 часов после открытия первой ступеньки, работа была окончена. Могила исчезла. Место снова имело такой вид, как будто там никогда не было никакой могилы, и мне самому иногда было трудно убедить себя, что все это не сновидение.

На этот счет мне пришлось очень скоро успокоиться. Новости скоро распространяются в Египте, и уже через два дня после открытия я был со всех сторон засыпан непрекращающимся потоком поздравлений, запросов и предложений. Уже в этой начальной стадии мне стало ясно, что предо мной дело, с которым я один не справлюсь. Поэтому я телеграфировал Каллендеру, помогавшему мне раньше в различных случаях, и просил его по возможности без замедления приехать ко мне. Я легче вздохнул, когда он прибыл уже на следующее утро. 8 ноября в ответ на

мою телеграмму я получил два сообщения от Карнарвона: первое гласило: «Приеду по возможности немедленно», второе, несколько позже: «Предполагаю двадцатого быть в Александрии».

Таким образом перед нами был срок почти в две недели, и мы воспользовались этим временем для различных приготовлений, чтобы после открытия гробницы с возможно меньшим промедлением справиться со всеми задачами, которые перед нами станут. Вечером 18-го я поехал на три дня в Каир, чтобы встретить Карнарвона и сделать необходимые покупки, 21-го возвратился в Луксор. 23-го в Луксор прибыл Карнарвон со своей дочерью, леди Эвелиной Герберт, его верной спутницей при всех его работах в Египте, и все было готово к продолжению открытия могилы. Каллендер был в течение всего дня занят снятием верхних слоев щебня, так что на следующее утро мы смогли без всякого замедления открыть лестницу. В течение полудня 24 ноября вся лестница, в общем 16 ступеней, была очищена, и ничто не мешало точному обследованию запечатанного входа. В нижнем его конце оттиски печатей были гораздо разборчивее, и нам удалось на многих из них прочитать имя Тутанхамона. Это обстоятельство чрезвычайно повышало значение нашего открытия. Если бы нам, — что казалось почти несомненным, — удалось найти гробницу этого призрачного фараона, царствование которого совпадает с интереснейшим периодом всей египетской истории, то мы, конечно, имели бы право считать себя счастливцами.

С еще бо̀льшим, если это возможно, напряжением продолжали мы наше обследование входа. Здесь впервые встало пред нами некоторое тревожное обстоятельство. Так как теперь весь вход был освещен, мы смогли заметить то, что до сих пор ускользало от наших взглядов, а именно, что в одном месте он был два раза под ряд вскрыт, а потом вновь заложен; затем, что открытые вначале печати — шакал и девять пленников — были приложены ко вторично замурованным частям входа, между тем как печати Тутанхамона находились на части, остававшейся в своем первобытном состоянии, и, следовательно, являлись первоначальным обеспечением гробницы. Стало-быть, вопреки нашим надеждам, она не может считаться вполне нетронутой: в ней побывали грабители и даже не раз. Судя по хижинам, выстроенным над нею, грабеж этот относится к эпохе не позже царствования Рамсеса IV, но то обстоятельство, что на гробницу вновь

были наложены печати, доказывало, что грабители расхитили не все. [1]

К этому присоединялась другая загадка. В нижних слоях щебня, покрывавшего лестницу, мы нашли большое количество черепков и разбитых сундуков, носивших имена Эхнатона, Сакара и Тутанхамона и, что еще удивительнее,—скарабей Тутмоса III и часть другого с именем Аменхотепа III. Откуда эта мешанина имен? Это вело скорее к предположению о тайнике, чем о гробнице. И в этой стадии нашей работы мы все больше склонялись к мнению, что найдем собрание различнейших вещей, принадлежавших царям восемнадцатой династии, перенесенных Тутанхамоном из Эль-Амарны и спрятанных здесь для безопасности.

Так обстояло дело вечером 24 ноября. На следующий день предполагалось удалить запечатанную дверь, и Каллендер заказал плотникам тяжелую деревянную решетку, которая должна была быть установлена на место двери. Генеральный инспектор управления древностей Энгельбах посетил нас после полудня и был свидетелем очистки прохода от последних остатков щебня. Утром 25 ноября были тщательно скопированы и сфотографированы оттиски печатей, после чего мы удалили преграждавшую вход стену, состоявшую из тщательно сложенных от пола до верхнего бруса камней, покрытых с наружной стороны толстым слоем извести для наложения печатей. После этого перед нами открылось начало ведущего вниз хода (не лестницы), имевшего ту же ширину, что и входная лестница, и приблизительно в два метра вышины. Как я заметил уже сквозь отверстие в двери, этот проход был сплошь заполнен щебнем и камнями, вероятно, отбитыми при его устройстве. Эти куски, подобно двери, носили явственные следы многократного открывания и закрывания гробницы. Нетронутая часть состояла из чистых, смешанных с пылью кусков, между тем как части, в которой рылись, состояла главным образом из темных кремневых булыжников. Очевидно, в верхней левой части прохода был сквозь первоначально заполнявшую его массу пробит неровный туннель, соответствовавший по своему положению дыре, проделанной в двери.

---

[1] Позднейшие доказательства уяснили, что новое опечатание гробницы могло иметь место не позже царствования Харемхеба, т. е. через 10—15 лет после погребения Тутанхамона.

При очистке прохода мы вместе с щебнем нашли в нижнем слое перемешанные с ним черепки, оттиски печатей, целые и разбитые алебастровые сосуды, раскрашенные глиняные сосуды, многочисленные осколки мелких предметов и мехи для жидкостей; последние понадобились, вероятно, для того, чтобы принести воду, необходимую для смачивания дверей. Все это были явственные следы грабежа, и мы подозрительно рассматривали их. До вечера была очищена значительная часть подземного хода, но не было никакого следа второй двери или комнаты.

Следующий день (26 ноября) был днем великих событий, таким чудесным, какой мне когда-либо приходилось переживать и какого я не переживу никогда больше. Утром продолжалась очистка, поневоле медленная, по причине хрупких предметов, постоянно попадавшихся в мусоре.

Затем, после полудня, в расстоянии десяти метров от первого входа, мы дошли до второго замурованного входа, представлявшего почти точное повторение первого. Оттиски печатей были здесь менее отчетливы, но все же ясно можно было видеть, что это печати Тутанхамона и некрополя. И здесь на извести ясно были видны следы открывания и закрывания двери. Между тем мы утвердились в убеждении, что пред нами откроется тайник, но никак не гробница. Расположение лестницы, прохода и входов очень сильно напоминало тайник Эхнатона и Тии, найденный Дэвисом в соседстве с нашей нынешней находкой. Что здесь находились также печати Тутанхамона, казалось почти несомненным доказательством того, что мы правы в своем предположении. Вскоре мы узнаем это точно. Перед нами была запечатанная дверь, а за нею лежал ответ на наш вопрос.

Медленно, невыносимо медленно — так казалось нам — удалялись остатки камней из прохода, закрывавшие низ входа, пока наконец перед нами предстал весь замурованный вход. Наступил решительный момент. Дрожащими руками я проделал небольшое отверстие в левом верхнем углу. Просунутый в отверстие железный прут двигался там свободно; это показывало, что пространство за дверью пусто и не засыпано, как только-что очищенный проход. Испробовав предварительно, нет ли возможных здесь ядовитых газов, я расширил отверстие, просунул в него свечу и посмотрел туда, между тем как Карнарвон с дочерью и Каллендер стояли подле меня, нетерпеливо ожидая приговора.

Вначале я не видел ничего, так как вырвавшийся из комнаты горячий воздух колебал пламя свечи. Но когда мои глаза привыкли к свету, из тумана в глубине комнаты не замедлили выплыть подробности: странные звери, статуи и золото — повсюду блестящее, сверкающее золото! На мгновение — тем, кто стоял подле меня, оно могло показаться вечностью — я онемел от изумления. Когда лорд Карнарвон, не выдерживая дольше неизвестности, робко спросил меня: «Видите вы там что-нибудь?», — все, что я мог произнести, было: «Да, необыкновенные вещи». Затем мы расширили отверстие, так что могли смотреть сквозь него вдвоем, и ввели туда электрическую лампу.

ГЛАВА V

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ

Большинство тех, кто занимался раскопками, вероятно, согласится, что их охватывает чувство робости и даже колебания, когда они входят в покой, благоговейно запертый и запечатанный так много столетий тому назад. В такие мгновения время совершенно теряет свое значение. Три, быть-может, четыре тысячи лет протекло с тех нор, как нога человеческая касалась пола, на котором мы стояли, и все же мы замечали вокруг следы еще не угасшей жизни: ведро, наполовину наполненное известью для закладки входа, закопченную лампу, оттиск пальца на свеже выкрашенной поверхности, гирлянду цветов, положенную на пороге в виде прощального привета: ведь это могло быть вчера. Самый воздух, которым мы дышали, сохранился без изменения на протяжении всех столетий; мы разделяли его с теми, кто уложил здесь мумию для вечного покоя. Такие мелкие интимные подробности уничтожают понятие времени, и мы чувствуем себя вторгшимися сюда чужаками.

Таково чувство, охватывающее всех нас. За ним во множестве — и очень быстро — следуют другие: радость открытия, лихорадка ожидания, неудержимый, порожденный любопытством порыв взломать печати, открыть крыши сундуков, мысль — чистейшая радость исследователя, — что мы присоединим к истории новые страницы или решим научный вопрос, наконец, — почему в этом не признаться? — напряженное ожидание кладоискателя. Кипели во мне в самом деле эти мысли, или я потом все это задним числом сочинил себе? Я не знаю. Но открытие лишило меня памяти, и это отступление вызвано не тяготением к театральному финалу.

Несомненно, никогда до сих пор во всей истории раскопок не виданы были такие чудеса, как открывшиеся пред нами при свете нашей электрической лампы. Приблизительное понятие об этом читатель может получить по фотографиям (табл. V и VIa); но эти

снимки были сделаны лишь впоследствии, когда гробница была открыта и в нее проведен электрический свет. Пусть читатель представит себе, какою она предстала пред нами, когда мы смотрели на нее сквозь нашу дыру в замурованной двери, перенося луч нашей лампы — первый свет, проникший во тьму подземелья за 3000 лет, — от одной группы к другой в тщетном усилии разобраться в сокровищах, лежавших пред нами. Действие было умопомрачительное, потрясающее. Я уверен, мы никогда и не задумывались над тем, что мы надеемся увидеть; во всяком случае, мы никогда не могли и мечтать ни о чем подобном: пред нами была комната — нам казалось, целый музей, — заваленная предметами, отчасти известными, отчасти совершенно неведомыми, казалось, в бесчисленном количестве.

Понемногу картина стала яснее, и мы смогли различать отдельные предметы. На первом плане прямо перед нами — мы это знали все время, но не могли поверить — три больших позолоченных ложа, бока которых были вырезаны в виде чудовищных зверей с своеобразно приплюснутыми телами, как этого требовало их назначение, но с головами поразительно естественными. Это были звери, которые всегда могли показаться человеку страшными, но они произвели почти ужасающее впечатление, когда наша электрическая лампа, подобно блеску молнии, волшебно вызвала из тьмы их блестящую золотую поверхность, а головы их бросали на стену позади чудовищные тени. Затем наше внимание привлекли и приковали стоявшие справа два изваяния: стоявшие друг против друга, как часовые, две черные статуи царя в натуральную величину, в золотых передниках, в золотых сандалиях, с палицей и жезлом в руке и со священным змеем на лбу.

Таковы были главные предметы, прежде всего бросившиеся нам в глаза. Между ними, вокруг них, на них были нагромождены в бесчисленном количестве другие: необыкновенно красиво разрисованные и выложенные инкрустацией ларцы (табл. II, VIб-в), алебастровые вазы (табл. VIIa, XIa-б), некоторые из них с прекрасными сквозными узорами; необычайные черные лари; из одного из них выглядывало по направлению к открытой двери большая золотая змея; букеты из цветов или листьев; кровати; кресла с прекрасной резьбой; трон с золотыми украшениями; куча странных белых яйцеобразных коробок; жезлы всех форм и рисунков. Ближе всего к нам на самом пороге комнаты — прекрасный кубок

из прозрачного алебастра в форме лотоса. Слева — куча нагроможденных колесниц, сверкавших золотом и инкрустациями, и за ними, глядя поверх их, другая статуя фараона.

Таковы были некоторые из предметов, лежавших перед нами. Увидели ли мы их все тогда сразу — я не могу сказать с уверенностью, так как мы были слишком возбуждены и изумлены, чтобы все перечислить в точности. Теперь в нашем изумлении нам внезапно пришла в голову мысль, что во всем этом нагромождении вещей пред нами нет ни гроба, ни следа мумии, и снова нас начал тревожить старый вопрос: гробница пред ними или только тайник? Поглощенные этим вопросом, мы снова осмотрели окружающее нас пространство и впервые заметили, что справа между обеими фигурами черных часовых находится еще одна запечатанная дверь. И нам понемногу стало ясно: мы стоим лишь на пороге нашего открытия! То, что мы видим пред собой, есть лишь передняя комната. Там, за запечатанной дверью, должны быть еще другие комнаты, быть может целая вереница комнат, и в одной из них — это было вне всякого сомнения — мы найдем фараона во всей пышности его погребального убранства.

Мы достаточно насмотрелись, и в наших головах все начинало кружиться при мысли об открывавшейся пред нами задаче. Мы снова заткнули отверстие, заперли деревянную решетку, устроенную у первого входа, поставили наших туземцев на страже, сели на наших ослов и молча, погруженные в раздумье, спустились по «Долине» домой.

Было странно, как расходились наши взгляды насчет того, что мы видели, когда мы вечером вели беседу. Каждый из нас заметил что-либо, чего не видел другой; на другой день мы были изумлены, когда открыли, как много прямо бросающегося в глаза ускользнуло от нас. Больше всего, разумеется, нас беспокоила запечатанная дверь между двумя статуями, и вплоть до глубокой ночи мы обсуждали, что может находиться за этими дверями. Одна комната с саркофагом царя? Это было наименьшее из того, что мы ожидали. Но почему одна только комната? Почему не целая вереница проходов и комнат, которые, как вообще бывает в «Долине», ведут к последней погребальной комнате, где находится саркофаг? Так оно может быть, и все же гробница, судя по ее плану, была совершенно непохожа на другие гробницы. Видения вереницы комнат, подобных первой, открытой нами.

переполненных вещами, проносились в мыслях пред нами, ошеломляли нас. Затем вернулась мысль о грабителях. Удалось ли им проникнуть сквозь эту третью дверь — на расстоянии она казалась мне совершенно неповрежденной, — а если это так, то какие у нас надежды найти мумию фараона нетронутой? Я думаю, в эту ночь все мы спали очень мало.

На следующий день, 27 ноября, мы все с раннего утра были на месте, так как работы предстояло много. Прежде чем продолжать наши расследования, самым важным было устроить подходящее освещение. Поэтому Каллендер начал укладывать провода, чтобы присоединить нас к электрическому кабелю в «Долине». Когда это было готово, мы тщательнейшим образом скопировали оттиски печатей на внутреннем входе и затем разобрали его. К полудню все было готово. Карнарвон с дочерью, Каллендер и я вошли в гробницу и подробно обследовали первую комнату, которую мы впоследствии назвали передней комнатой. Накануне вечером я написал генеральному инспектору управления древностей Энгельбаху, сообщая ему об успехе наших работ и прося прибыть для официального осмотра. К сожалению, он находился в служебной поездке в Кене, и потому вместо него прибыл местный инспектор Ибрагим-эфенди.

При свете наших сильных электрических ламп стали видны многие предметы, накануне скрытые от нас сумраком, и стало возможным точнее уяснить себе размеры нашего открытия. Нашей первой целью являлась, конечно, запечатанная дверь между статуями, но здесь нас ожидало разочарование. На некотором расстоянии она производила впечатление совершенно нетронутой, но ближайшее обследование показало, что у самого пола в ней проделано отверстие, достаточно широкое для того, чтобы в него мог пролезть мальчик или худощавый человек, и что эта дыра впоследствии была вновь заложена и вновь запечатана. Нам, стало быть, не придется быть первыми. И здесь нас предупредили воры, и остается установить, сколько вреда позволили им натворить время и обстоятельства.

Следуя нашему первому побуждению, мы охотнее всего взломали бы дверь, чтобы немедленно узнать положение вещей; но таким образом мы подвергли бы многие вещи в передней комнате возможности тяжелых повреждений, — риск, который мы ни в коем случае не хотели взять на себя. С другой стороны, никак нельзя было убирать лежавшие по пути вещи, ибо было чрез-

вычайно важно снять план и сделать исчерпывающее количество фотографических снимков, прежде чем мы прикоснемся к чему-либо. Эта задача требовала довольно значительного времени, даже если бы мы располагали достаточным оборудованием для того, чтобы приступить к ней немедленно, чего на самом деле не было. Вопреки нашему желанию, мы решили не открывать этой внутренней запечатанной двери, пока мы не вынесем всех вещей из передней комнаты. Таким путем мы не только обеспечивали себе,— что было нашей обязанностью, — полное, научно-точное изображение передней комнаты, но получали также свободное место для очистки входа, что в лучшем случае оставалось нелегкой задачей.

Утолив до известной степени наше любопытство относительно запечатанной двери, мы могли теперь сосредоточить наше внимание на том, что содержалось в комнате, и предпринять более подробное обследование вещей. Это было во всяком случае могучее впечатление. В этой небольшой комнате скучено было множество предметов, из которых при обыкновенных обстоятельствах каждый в отдельности привел бы нас в чрезвычайное возбуждение и показался бы богатой наградой за целую зиму раскопок. Кое-что было нам известно, кое-что было ново и необычайно, а кое-что было представлено целыми и законченными экземплярами, о виде которых мы до сих пор могли судить лишь на-угад по мелким обломкам, найденным в других царских гробницах.

К тому же находка была замечательна не только своим громадным объемом. Эпоха, к которой относится гробница, во многих отношениях—любопытнейшая во всей истории египетского искусства, и мы ожидали увидеть много прекрасного. Но чего мы совершенно не ожидали, была изумительная сила и жизненность, отличавшая некоторые из этих предметов. Это было словно откровение неожиданных возможностей в египетском искусстве, и даже при этом поспешном, предварительном обзоре нам стало ясно, что детальное изучение этого материала произведет переворот, если не полный разгром, во всех наших прежних воззрениях. Но это дело будущего. Мы сможем судить о подлинном художественном значении вещей лишь тогда, когда вынесем из гробницы и будем иметь пред собой все ее содержимое.

Прежде всего при первом нашем обзоре нам бросилось в глаза то, что все большие предметы и большинство малых носят на себе имя Тутанхамона. Его печати были приложены также к внутрен-

ней двери; в виду этого не могло быть ни малейшего сомнения что за этой дверью должна лежать также его мумия.

Перебегая в возбуждении от одного предмета к другому, мы сделали еще одно открытие. Рассматривая пол под южным из трех больших лож, мы заметили в стене небольшую неправильную дыру. Здесь также была запечатанная дверь и проделанная грабителями дыра, которая впоследствии не была заделана, подобно прочим. Мы осторожно проползли под ложами и просунули нашу переносную лампу. Там открылась пред нами еще одна комната, значительно меньше первой, но гораздо больше загроможденная вещами.

Состояние, в котором находилась эта комната (впоследствии названная боковой), просто не поддается никакому описанию. В первой комнате после набега грабителей была, по крайней мере, сделана попытка привести все в порядок, здесь же все осталось в том самом беспорядке, в котором они ее покинули. Не много надо воображения, чтобы представить себе их за работой. Один из них — для многих, вероятно, места не было — пробрался в комнату, а затем поспешно, но систематически перерыл все ее содержимое, выпорожнил ящики, кое-что отбросил в сторону, нагромоздил одно на другое, а кое-что, может-быть, передал своим спутникам через дыру в переднюю комнату для более внимательного рассмотрения. Он произвел свою работу с основательностью землетрясения. Ни одна частица на полу не осталась незаваленной, и когда придет время для удаления предметов вещей из этой комнаты, будет очень нелегко найти, откуда начинать. До сих пор мы не делали попытки войти в комнату, удовлетворяясь тем, что извне сфотографировали ее внутренность. Она также содержит много прекрасного, главным образом вещи более мелкие, чем в передней комнате. Но среди них многие — необыкновенной художественной ценности. Многое особенно запечатлелось в моей памяти: разрисованный ларец, с виду такой же восхитительный, как и находящийся в передней комнате; чудесное кресло из слоновой кости, золота, дерева и кожи; прекрасно моделированные алебастровые и фаянсовые вазы и игральная доска из резной и раскрашенной слоновой кости.

Я думаю, что открытие этой второй комнаты с ее богатым содержанием подействовало на нас несколько отрезвляющим образом. До сих пор мы были охвачены возбуждением, мы не имели времени для раздумья, но теперь впервые нам стало ясно, какая

громадная задача открывается пред нами и какую великую ответственность берем мы на себя вместе с нею. Пред нами ведь была не обычная находка, с которой можно справиться в одну зиму, не было также прецедента, который научил бы нас, как надо поступать в этом случае здесь. Этот случай был выше всякого опыта, и в данный момент казалось, что предстоит сделать нечто, превосходящее человеческие силы.

Кроме того нас захватили врасплох размеры открытия. Мы были совершенно не подготовлены к тому, чтобы охватить бесчисленное множество предметов, которые открылись нам и из которых многие были повреждены и требовали тщательного консервирования, прежде чем мы сможем их коснуться. Необходимо сделать бесконечно много, прежде чем мы сможем лишь приступить к работе по выноске вещей. Необходимо обеспечить себя большими количествами препаратов и материалов для упаковки. Необходимо посоветоваться со специалистами о наилучших приемах при обхождении с некоторыми предметами. Должна быть устроена лаборатория в качестве надежного и недоступного места, где предметы смогут подвергнуться обработке, каталогизации и упаковке. Должны быть сделаны тщательные обмеры и детальные фотографические снимки.

Таковы были немногие из задач, предстоявших нам. Конечно, первым делом было обеспечить гробницу от грабежа; затем мы спокойно могли отдаться выработке наших планов, — планов, выполнение которых, как нам уже теперь было ясно, потребует не одной, очевидно, — двух, может быть даже трех или четырех зим.

Теперь у нас в начале прохода имелась деревянная решетка, но ее было недостаточно, и я поэтому снял мерку с внутреннего входа, чтобы заказать дверь из толстых железных полос. Пока она будет готова — для этой и для других целей я должен был съездить в Каир, — мы были вынуждены еще раз завалить могилу.

Между тем весть об открытии распространилась как огонь, и повсюду о нем ходили самые необычайные и фантастические слухи. Согласно рассказу, которому многие туземцы поверили, в «Долине» спустились три аэроплана и, нагруженные сокровищами, улетели неизвестно куда. Чтобы по мере возможности предупредить слухи, мы решили следующее: во-первых, пригласить лорда Алленби и начальников различных отделений прибыть в «Долину» для обзора гробницы и, во-вторых, отправить

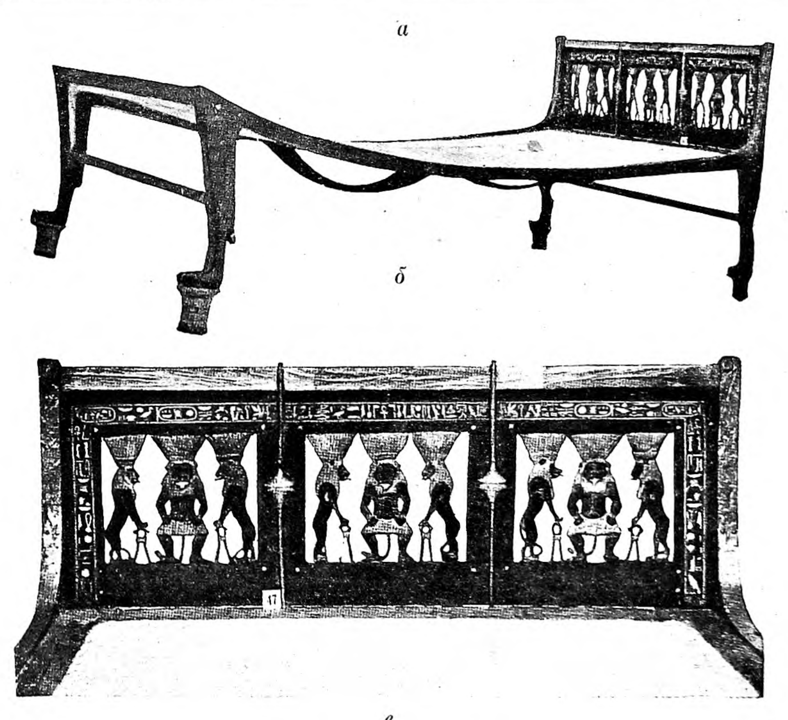
в «Таймс» засвидетельствованное сообщение об открытии. В согласии с этим 29 ноября произошло официальное открытие гробницы. 30 ноября советником министерства общественных работ Тотенгемом и генеральным директором управления древностей Пьером Лако был произведен официальный обзор. При этом присутствовал также корреспондент «Таймса», отправивший затем телеграмму, произведшую в Англии столь большое впечатление.

Завалив вход толстыми бревнами, мы 3 декабря опять засыпали гробницу вплоть до поверхности. Карнарвон с женой уехали на время в Англию, я же поехал 6-го в Каир за покупками, оставив для охраны гробницы во время моего отсутствия Каллендера.

Первой моей заботой была железная дверь. Я заказал ее утром в день моего прибытия и получил обещание, что она будет готова через неделю. Для других покупок я имел больше времени: они составили разнообразную коллекцию, содержавшую среди прочего фотографические материалы, химические принадлежности, автомобиль, упаковочные ящики всех сортов, 32 куска полотна, около двух километров мотков ваты и такое же количество бинтов. Я был убежден, что последние два важные предмета будут мне еще очень нужны. Во время пребывания в Каире я имел досуг обдумать положение дел. Мне становилось все яснее, что если работы в гробнице должны быть исполнены удовлетворительно, мне необходима помощь и в большом размере. Теперь великим вопросом являлось, к кому обратиться. Первым и важнейшим было фотографирование: ни к чему нельзя было прикоснуться, прежде чем не будет сделана полная фотографическая съемка, — работа, требующая большого технического уменья. За несколько дней до моего прибытия в Каир я получил поздравительную телеграмму от Лайсго, заведующего египетским отделением нью-иоркского музея Метрополитэн, которого раскопки в Фивах были расположены в непосредственном соседстве с нашими, отделенные лишь естественным горным кряжем. В моем ответе я с некоторой робостью спрашивал, не возможно ли, по крайней мере в минуту нынешней нужды, получить помощь их специалиста по фотографии — Гарри Бертона. Он ответил немедленно, и его телеграмма достойна воспроизведения, как пример бескорыстного научного содействия: «Чрезвычайно рад помочь любым способом. Прошу располагать Бертоном и всяким другим участником нашей экспедиции».

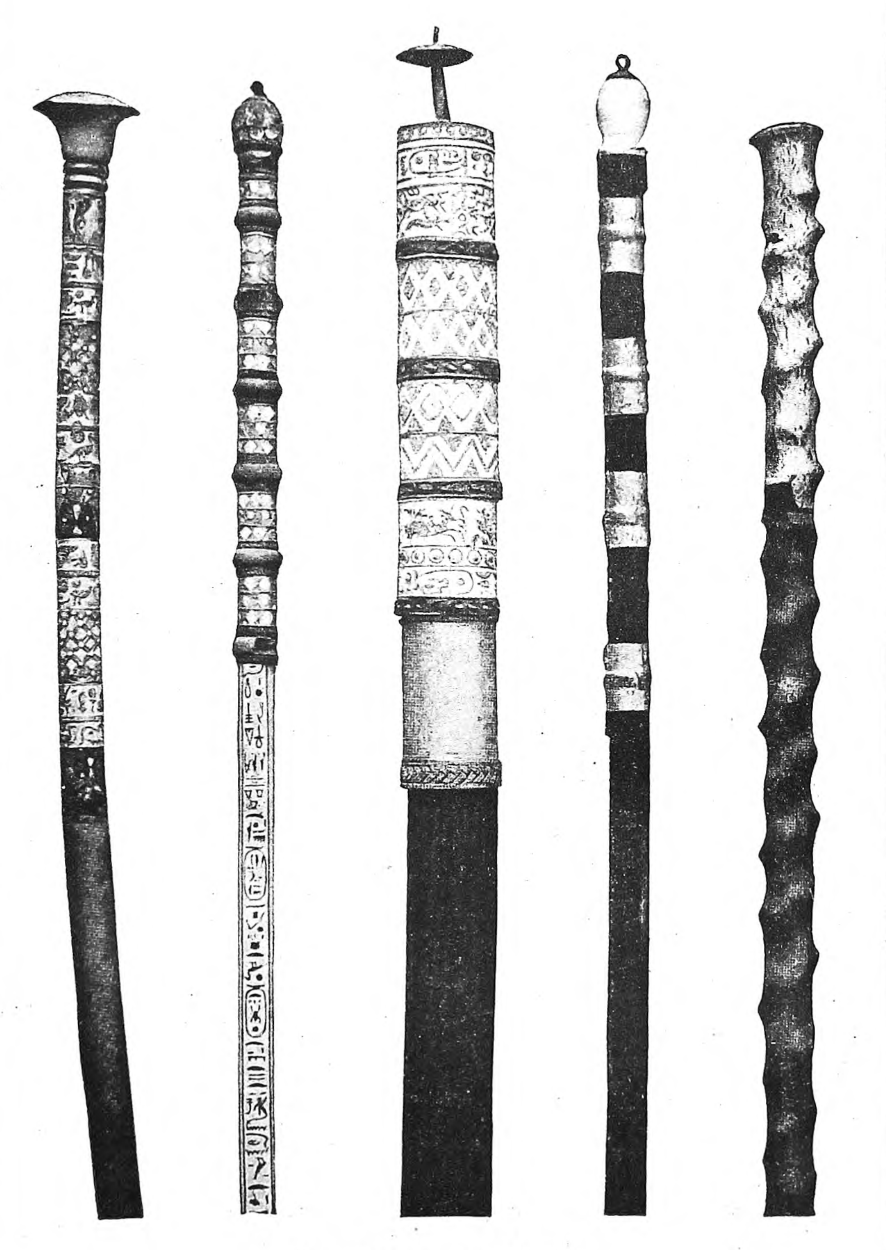
а

б

в

а) Алебастровый кубок.
б—в) Ложе царя с изображением бога Беса.

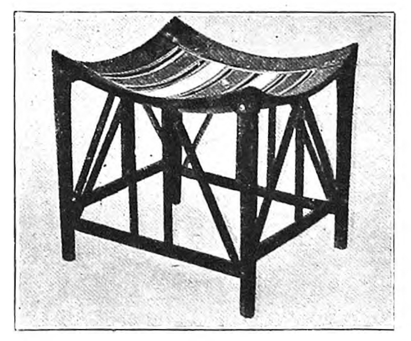

Трости и рукоятки бичей.

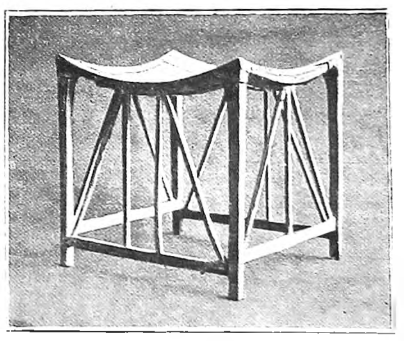
а *б*

д

в *г*

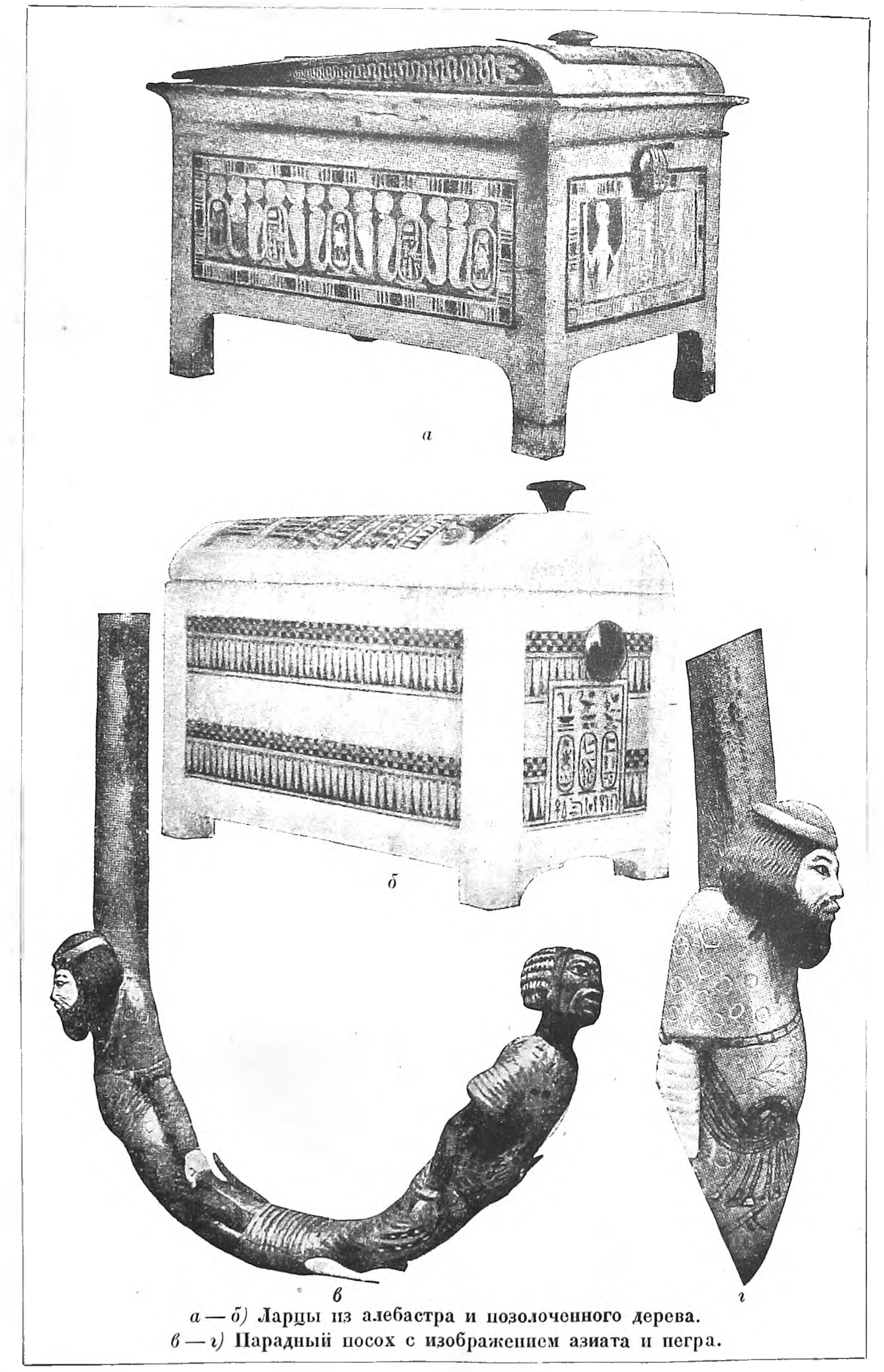

е

ж

а — г) Скарабеи. *д)* Кресло.
е, ж) Табуреты.

а

б

в

г

а — б) Ларцы из алебастра и позолоченного дерева.
в — г) Парадный посох с изображением азиата и негра.

Это предложение было впоследствии великодушно подтверждено директором музея. Согласно этому, я после моего возвращения в Луксор, сговорился с моим другом Уинлоком, руководителем нью-иоркских раскопок в Фивах, являвшимся в этих обстоятельствах страдающей стороной, о том, что он не только уступит мне Бертона, но что также оба рисовальщика экспедиции Холл и Гаузер посвятят мне столько времени, сколько необходимо для съемки передней комнаты и ее содержимого. Очень полезным мог быть также другой участник нью-иоркской экспедиции и руководитель раскопок у лиштских пирамид — Мейс: по инициативе Лайсго он предложил по телеграфу свою помощь. Таким образом четыре участника нью-йоркской экспедиции должны были принять временное или постоянное участие в работе этой зимы. Без этой великодушной помощи было бы совершенно невозможно справиться с лежавшей пред нами громадной работой.

В Каире ожидал меня и другой счастливый случай. Директор египетского государственного департамента химии Лукас получил трехмесячный отпуск, а затем должен был и вообще, закончив служебный срок, выйти в отставку. На эти три месяца он предоставил в наше распоряжение свои химические познания,— предложение, которое я, конечно, не замедлил принять. Это делало наш рабочий персонал полным. Затем д-р Алан Гардинер дружески обещал нам заняться всеми надписями, которые могли быть найдены, а профессор Брэстед во время своих многочисленных посещений помогал нам в трудной задаче расшифрования исторического значения печатей на дверях.

13 декабря железная дверь была готова, и мои покупки закончены. Я возвратился в Луксор и 15-го нашел в «Долине» все в порядке; пересылка грузов была ускорена благодаря предупредительности служащих египетской казенной железной дороги, — с их разрешения грузы были отправлены не товарным, а скорым поездом. 16-го мы снова открыли гробницу, 17-го была навешена железная дверь у входа в переднюю комнату, и мы были готовы начать работу. 18-го она в самом деле была начата: Бертон сделал первые опыты в передней комнате, Холл с Гаузером также начали свои зарисовки. Два дня спустя прибыл Лукас и приступил к опытам над консервированием различных предметов.

Вследствие большого шума, поднятого в печати 22 декабря, представителям европейской и туземной прессы было дано разрешение осмотреть могилу. При этом были приглашены также

некоторые туземные луксорские должностные лица, которые были недовольны тем, что не получили приглашения на официальное открытие. Вследствие невозможности обеспечить в крайне тесном помещении безопасность предметов, было возможно пригласить только очень небольшое число. 25 декабря прибыл Мейс, и спустя два дня, после того как зарисовки и фотографические съемки продвинулись в достаточной степени, был вынесен первый предмет из гробницы на свет.

ГЛАВА VI.

ОБОЗРЕНИЕ ПЕРЕДНЕЙ КОМНАТЫ

В этой главе мы предполагаем дать подробный обзор вещей, найденных в передней комнате; читатель получит лучшее представление, если мы сделаем это систематически и не станем метаться из одного конца в другой, как мы это естественно делали в первом возбуждении по открытии гробницы. Это небольшая комната приблизительно в 4×8 метров; нам пришлось подвигаться очень осторожно, так как неверный шаг или поспешное движение среди хрупких предметов могло причинить невозместимый вред, хотя древне-египетские чиновники уже проделали для нас в средине узенький проход.

Прямо перед нами, у двери — пришлось переступить через высокий порог, чтобы войти в комнату, — лежал прекрасный парадный кубок, изображенный на табл. VIIa. Он сделан из белого полупрозрачного алебастра, с ручками в виде цветов лотоса, на которые опираются коленопреклоненные фигуры, служащие изображением вечности. Справа от входа мы прежде всего увидели большой цилиндрический алебастровый сосуд. Рядом с ним были два похоронных букета из листьев: один был прислонен к стене, другой упал. Перед нами дальше в глубине комнаты стоял расписанный деревянный ларец (табл. VIб-в, IIа-б). Этот ларец может считаться, пожалуй, одним из наиболее художественных предметов гробницы; при первом нашем посещении мы едва могли оторваться от него. Его наружная сторона вся покрыта тонким слоем гипса, на этой поверхности сделан ряд рисунков, необыкновенно хорошо исполненных блестящими красками: на выпуклой крышке — сцены охоты, на продольных сторонах — батальные картины и на поперечных сторонах — изображения царя в виде сфинкса, попирающего своих врагов ногами. Иллюстрации на табл. II и VI дают лишь слабое представление о тонкости живописи, далеко превосходящей все известное нам до сих пор в этом роде в Египте. Ника-

кая фотография не могла передать их в точности, ибо даже при рассмотрении оригинала необходима лупа, для того чтобы в достаточной степени оценить мелкие подробности, как, например, рисунок на львиных шкурах или узоры на конской сбруе.

Живопись на этом ларце замечательна также в другом отношении. Мотивы ее — египетские, и приемы передачи — также египетские. Тем не менее они производят на нас впечатление чего-то удивительно не-египетского. При всем старании мы не можем уяснить себе, в чем заключается разница: они напоминают нам другое, например, прекраснейшие персидские миниатюры, и мы с изумлением вспоминаем о Беноццо Гоццоли, быть может, по причине веселых маленьких цветочков, пучочками заполняющих пустые пространства.

Содержимое ларца было в чрезвычайном беспорядке. Сверху лежало несколько сандалий из тростника и папируса и снизу доверху расшитое бусами и галуном царское одеяние. Под этим лежали другие богато разукрашенные одежды, из коих одна вышита более чем тремя тысячами золотых розеток, три пары богато отделанных золотом парадных сандалий, позолоченная подставка для головы и многие различные другие вещи. Это был первый открытый нами ларец, и его содержание, отдельные предметы которого так мало подходили друг к другу, показалось нам довольно загадочным, не говоря уже о способе, которым все это было свалено и сдавлено. Причина, как мы это увидим в следующей главе, оказалась в дальнейшем совершенно ясной.

Оставляя в стороне некоторые мелкие незначительные предметы, мы пробрались затем к северной поперечной стене комнаты. Здесь расположена запечатанная дверь, терзавшая нас. С обеих сторон, охраняя вход, стояли уже описанные деревянные статуи царя в натуральную величину. Необычайны и внушительны были эти фигуры уже на первый взгляд, когда они еще были загромождены и наполовину скрыты другими предметами, а теперь, когда они стоят в пустой комнате, где нет ничего, что могло бы отвлечь взгляд, и где между ними в открытые двери виднеется золотой саркофаг, они производят почти болезненно захватывающее впечатление. Первоначально они были одеты в полотняные покровы, что еще должно было усилить впечатление. Надо прибавить еще нечто очень интересное об этой узкой стене. В противоположность другим стенам этой комнаты, она была сплошь покрыта известью, и при более тщательном исследовании

мы открыли, что она представляет собой лишь перегородку, нечто в роде простенка.

Обратившись затем к западной продольной стене комнаты, мы увидели, что все пространство перед нею занято тремя большими ложами, бока которых состоят из фигур животных; эти необычайные сооружения были известны нам из могильной живописи, но в действительности мы до сих пор не видели ни одного их образца. На первом (табл. Va) были львиные головы, на втором (табл. V) — коровьи и на третьем (табл. VIa) — головы ублюдочного существа, наполовину бегемота, наполовину крокодила. Каждое ложе состояло из четырех частей, чтобы легче было нести. Рама для лежания, крючками и скобами, была прикреплена к бокам с животными, между тем как лапы животных входили в подставку из четырех брусьев. Как это принято в египетских кроватях, на каждом ложе было возвышение для ног, но ничего для поддержки головы. На ложах, под ними и вокруг них были тесно навалены, в некоторых случаях без всякого внимания нагромождены одна на другую, самые разнообразные предметы, из которых мы можем остановиться лишь на важнейших.

Так, на самом северном ложе — с львиными головами — стояла кровать из черного дерева и плетенья, на ножной спинке которой прекрасно вырезаны домашние боги (табл. VIIб-в). На ней в свою очередь лежала куча великолепно разукрашенных жезлов (рис. 11), наполненный стрелами колчан и несколько составных луков. Один из них покрыт золотом и украшен надписями и фигурами зверей тончайшей работы зернью: художественное создание золотых дел мастерства. Другой составной лук на обоих концах заканчивается резным изображением пленника, сделанным так, что шея пленника служила нарезкой для тетивы. Это, очевидно, должно было служить воплощением мысли, что царь, натягивая лук, всякий раз удушает двух пленников. Между кроватью и ложем стояли четыре светильника из бронзы и золота совершенно новой формы; в одном из них в чаше для масла находилась еще светильня из скрученного полотна; восхитительно вырезанный из алебастра жертвенный сосуд и ларчик с откинутой крышкой и боками, украшенными ярко бирюзовым фаянсом и золотом. Как мы открыли впоследствии в лаборатории, в этом ларчике оказался ряд интересных и драгоценных вещей, среди них: жреческое облачение из шкуры леопарда, усеянное золотыми и серебря-

ными звездами, и с вызолоченной головой леопарда, выложенной пестрым стеклом; очень большой скарабей прекрасной работы из золота и лазурной стеклянной пасты (табл. IX); золотая пряжка с охотничьими сценами беспредельно тонкой работы зернью; скипетр из массивного золота и лазурной пасты; маленькие воротнички и ожерелья из фаянса прекрасной расцветки, и связка завернутых в платок массивных золотых колец, о которых будет еще речь в дальнейшем.

На полу под ложем стояли: большой сундук из черного и красного дерева и слоновой кости в художественном сочетании, содержавший ряд небольших алебастровых и стеклянных ваз; два черных деревянных шкафика, каждый с фигурой золотой змеи, символом и знаком десятого округа Верхнего Египта (Афродитополис); прелестный маленький стул с прекрасной инкрустацией из черного дерева, слоновой кости и золота, такой маленький, что он годится только для ребенка (табл. IXд); две складных скамеечки, выложенные слоновой костью и украшенные утиными клювами (табл. XIIIв) и алебастровая шкатулка, украшенная резным, заполненным краскою узором.

Длинный ящик из черного дерева и дерева, выкрашенного белой краской, на подставке из деревянных полос и с крышкой, движущейся на петлях, стоял на полу перед ложем. Его содержание было необычайно беспорядочно: сверху лежали смятые и втиснутые, как упоковочный материал, рубахи и нижнее одеяние царя; под ними в большем или меньшем порядке уложены жезлы, луки и стрелы; у последних все наконечники были отломаны, и драгоценный металл похищен. Вероятно, первоначально сундук содержал лишь жезлы, луки и стрелы. Сюда относились не только указанные выше, лежавшие на кровати, но и другие, разбросанные в различных местах комнаты. Некоторые из жезлов представляют собою достойные особого внимания произведения искусства. Так, один из них кончается изогнутой ручкой, изображающей фигуры двух пленников со связанными руками и сплетенными между собой ногами; одна фигура — негра, другая — азиата, лица которых, соответственно их цвету, вырезаны из черного дерева и слоновой кости (табл. X в-г). На другом жезле сделан узор из чрезвычайно маленьких, переливающихся крылышек жуков, на других узор сделан из разноцветной коры. Подле жезлов находился бич из слоновой кости и четыре локтя (меры) (табл. VIII). Слева от первого ложа, между ним и следующими ложами, стояли

туалетный стол и несколько чудесных вырезанных из алебастра сосудов с благовониями (табл. XIа-б).

От первого ложа перейдем ко второму — с коровьими головами. Оно стояло против нас, когда мы вошли в комнату, и было еще больше завалено вещами. Сверху в крайне неустойчивом положении стояла вторая, выкрашенная белой краской, деревянная кровать, а на ней качался стул из тростникового плетения, но форме и узорам необычайно современный, затем скамейка из красного и черного дерева. Под кроватью, твердо стоя на раме ложа, находились, между прочим, белая узорчатая скамейка (табл. IXв), замечательная круглая шкатулка слоновой кости со вкладками слоновой кости и вызолоченными петлями, пара золотых трещоток, так называемых систров, обыкновенно связываемых с Хатор, богиней веселья и пляски. [1] Посредине внизу лежала куча яйцеобразных деревянных коробок, в которых заключались жареные утки и разные другие жертвенные яства (табл. Vб).

На полу пред ложем стояли два деревянных сундука, и на крышке одного из них лежали маленький воротник и связка колец; большое кресло из тростникового плетения и другое, поменьше, из дерева и камыша. Интересен и разнообразен перечень содержания большего из двух сундуков. Иератическая надпись на крышке упоминает семнадцать предметов из ляпис-лазули; в действительности здесь оказалось шестнадцать жертвенных сосудов из синего фаянса, а семнадцатый был найден позже в другом углу комнаты. Затем здесь были набросаны в беспорядке разные другие фаянсовые чаши, несколько дротиков из золота и серебра, украшенные с обоих концов синим фаянсом; прелестная шкатулка из резной слоновой кости, винная цедилка из известняка, тканая одежда с богатыми узорами и бо́льшая часть парадного панцыря. В восьмой главе мы остановимся подробнее на описании панцыря; он состоит из многих тысяч кусочков золота, стеклянной эмали и фаянса, и когда он будет очищен и объединены его разнообразные части, он, несомненно, представит собой в своем роде великолепнейшую вещь, когда-либо созданную Египтом.

Между этим и третьим ложем стояло небрежно опрокинутое на сторону великолепное кресло из кедрового дерева с богатой и тонкой резьбой, разукрашенное золотом (табл. IXб).

---

[1] Это два обычные атрибута Хатор. Есть еще много других.

Мы переходим теперь к третьему ложу, боками которого являются два необычайные ублюдочные существа с разверстыми пастями и зубами и языком из слоновой кости. На ложе стоял одиноко большой ларец с выпуклой крышкой, рама которого сделана из черного дерева, а стенки выкрашены белою краской (табл. XIIIг). Первоначально он был предназначен для полотняного исподнего платья, и он содержал еще некоторое количество этого платья, например передники и т. д.; большая часть вещей была сложена и свернута в правильные маленькие свертки.[1] Под этим ложем стояло другое замечательное художественное произведение гробницы — быть может, замечательнейшее из всех открытых доныне — снизу доверху покрытый золотом и богато украшенный стеклом, фаянсом и цветными камнями трон (табл. XIIIа-б). Его ножки представляют собой львиные лапы; верхушки передних украшены львиными головами, своей силой и простотой производящими волшебное впечатление. Великолепные крылатые змеи, увенчанные коронами, образуют локотники, и между палочек, поддерживающих спинку, извиваются шесть вырезанных из дерева позолоченных инкрустированных змей-хранительниц. Самой роскошной частью трона является его спинка, и я без колебания позволяю себе утверждать, что она является прекраснейшим из всего, что до сих пор найдено в Египте. Изображение этой спинки, в своей одноцветности дающее лишь весьма недостаточное представление о ее красоте, находится на заглавном рисунке.

На спинке изображен зал во дворце — покой, украшенный колоннами с цветочными капителями, карнизом из царских змей и нижним карнизом по традиционному образцу. Сверху солнце (Атон) ниспосылает свои животворные лучи, заканчивающиеся руками. Сам царь в непринужденной позе сидит на троне на подушке, свободно опустив руки на локотник. Перед ним стоит девичья фигура царицы, как-будто заканчивающей его туалет: в одной руке она держит маленькую коробочку для мазей, а другою нежно смазывает его плечо или обрызгивает его воротник благоуханиями. Простая интимная картинка, но как она проникнута жизнью и чувством, как полна движения!

Краски спинки в высшей степени живы и выразительны. Лицо и другие непокрытые одеждой места изображений царя и царицы

---

[1] Войдя в первый раз в гробницу, мы по ошибке приняли их за свитки папируса.

сделаны из красной стеклянной пасты, головные уборы — из блестящего бирюзового фаянса. Одежда вся из серебра, покрывшегося от времени чудесной патиной. Короны, воротники, перевязи и другие орнаментальные мелочи на спинке все выложены цветным стеклом, фаянсом, сердоликом и до сих пор неизвестным соединением: прозрачным волокнистым известняком с подкладкой из цветной пасты, с виду совершенно подобным стеклянной мозаике. Задний фон вызолочен, как и весь трон. Когда золото и серебро были еще новы и свежи, трон производил, вероятно, сказочно ослепительное впечатление — быть может, слишком ослепительное для взгляда западного человека, привыкшего к серому небу и неопределенным краскам; теперь, несколько потускнев от налета на металле, его краски дают необыкновенно приятное, мягкое впечатление.

Независимо от художественной ценности, трон представляет собой важный исторический документ, так как сцены, изображенные на нем, дают верное изображение политико-религиозных противоречий в царствование Тутанхамона. В первоначальном виде — достаточно напомнить о человеческих руках у солнечного диска на спинке — здесь нашло выражение чистое эль-амарнское почитание Атона. Но, к удивлению, приведены оба царские имени. В одном случае имя Атон устранено и заменено Амоном, а в другом Атон остался нетронутым. По меньшей мере странно, что предмет, носивший на себе столь еретические знаки, нашел место в этой твердыне амоновой веры. Быть может, не лишено значения то, что именно на этой части трона найдены остатки полотняного чехла. Создается впечатление, будто Тутанхамон возвратился к старой вере не из чисто внутреннего убеждения. Трон показался ему, быть может, слишком ценным, чтобы уничтожать его, и поэтому он, возможно, хранил его в одном из частных покоев дворца. Но возможно также, что одной перемены имени Атона было достаточно для удовлетворения приверженцев Амона, и что поэтому уже не было никакого основания прятать трон.

На сидении трона лежала скамеечка, первоначально стоявшая перед ним, из вызолоченного дерева и темносинего фаянса. На доске и боках ее были изображены связанные, поверженные на-земь пленники. Это на Востоке старое традиционное представление: «так что я сделаю твоих врагов подножием для твоих ног» — говорит псалмопевец. И конечно, в известных случаях эта традиция становилась действительностью. Перед ложем стояли два

табурета: один из простого, выбеленного известью дерева, другой из черного дерева, слоновой кости и золота; ножки его имеют вид утиных голов, сиденье воспроизводит шкуру леопарда с когтями и пятнами из слоновой кости (табл. XIIIв) — в своем роде лучший известный нам образец. За ними, прислоненные к южной стене, стояли разнообразные важные вещи. Так, здесь был шкафообразный сундук с двойными дверями, запертый задвижкой из слоновой кости. Он сплошь покрыт толстым листовым золотом, и на золоте нежным рельефом сделан ряд мелких рисунков, с прелестной наивностью изображающих сцены из повседневной жизни царя и царицы. На всех этих рисунках оттеняются хорошие отношения между мужем и женою, — бессознательно милое, отличающее эль-амарнскую школу. Ничего удивительного нет в том, что и здесь имя Атон изменено на Амон. В шкафу находилась подставка, на которой первоначально стояла, вероятно, статуэтка: возможно, что последняя была из золота и, к несчастью, слишком бросалась в глаза, чтобы остаться не замеченной грабителями. Кроме того, в шкафу было ожерелье из больших золотых, сердоликовых, зеленых шпатовых (амазонит) и синих стеклянных бус, на котором висел большой золотой подвесок, изображающий редкую богиню змей; наконец, здесь же мы нашли еще значительные части упомянутого выше парадного панцыря.

Рядом с этим шкафом стояла большая резная вызолоченная и раскрашенная фигура юного царя, а несколько подальше, за перевернутой колесницей, странная, посередине и повыше локтей резко обрезанная статуя. Она сделана в натуральную величину, и туловище на ней разрисовано белой краской в виде явного изображения рубахи; едва ли можно сомневаться, что эта статуя представляет собою манекен, на котором примерялись одежды царя и, быть может, также его воротники (табл. XIIIд). В этой же части комнаты находились еще сундук с одеждой и разбросанные части вызолоченного балдахина или шкафа. Эти вещи были сделаны очень легкими и так приспособлены, что могли быть быстро сложены. Балдахин, очевидно, был предназначен для путешествия, всегда был перевозим в царском обозе и с большой быстротой мог быть установлен, чтобы дать владыке защиту от солнца.

Пред остальной частью южной стены и по всей восточной вплоть до входа лежали отдельные части по крайней мере четырех колесниц. Вероятно, грабители пытались забрать золотую отделку

колесниц и при этом страшно разбросали их части. Но в этом беспорядке виноваты не только грабители. Проход был слишком узок, чтобы колесницы могли пройти чрез него в целом виде; чтобы их все же водворить в комнату, оси были преднамеренно распилены пополам, колеса сняты и нагромождены друг на друга, а стан отделен.

Составление и восстановление этих колесниц представляет собою для нас громадную задачу. Но успех будет так значителен, что он щедро окупит всякое время, истраченное нами на это. Колесницы сверху донизу покрыты золотом, каждый дюйм которого украшен или выбитыми на нем узорами и изображениями, или инкрустированными рисунками из цветного стекла и камней. Дерево их в хорошем состоянии и требует лишь небольших поправок. К сожалению, не так обстоит дело с конской упряжью и другими кожаными вещами, так как недубленая кожа пострадала от сырости и обратилась в черную клейкую массу отвратительного вида. К счастью, эти кожаные части почти сплошь покрыты золотыми пластинками, и мы надеемся при помощи этого хорошо сохранившегося золота вновь восстановить упряжь. Между частями колесниц находились еще различные другие маленькие вещи, как алебастровые сосуды, жезлы и луки в большом количестве, вышитые бусами сандалии, корзины и четыре опахала от мух из конского волоса, с ручками в виде львиных голов из вызолоченного дерева.

Итак, мы обошли всю переднюю комнату. Мне казалось, что я упомянул обо всем, но, просмотрев наши заметки, я увидел, что из 600-700 вещей, найденных в этой комнате, мы упомянули едва сотню. Лишь полное перечисление по нашему карточному каталогу могло бы дать достаточное представление о размерах открытия. Это, конечно, невозможно сделать в этой книге. Мы должны ограничиться здесь лишь более или менее кратким описанием главных находок и предоставить подробное исследование дальнейшему. Во всяком случае невозможно уже теперь пытаться дать такое описание, так как перед нами целые месяцы, быть может годы, работы по восстановлению открытых нами вещей, если обходиться с ними так, как они того заслуживают. Мы не должны также забывать, что до сих пор мы занимались одной лишь комнатой. Других внутренних комнат мы еще и не обследовали; мы надеемся найти в них сокровища, быть может, далеко превосходящие все, о чем идет речь в этой книге.

ГЛАВА VII

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ВЕЩЕЙ ИЗ ПЕРЕДНЕЙ КОМНАТЫ

Очистка передней комнаты напоминала исполинскую игру в бирюльки. Отдельные вещи были так набросаны друг на друга, что делом чрезвычайной трудности было удалить один предмет, не рискуя повредить другой. В некоторых случаях они так крепко сцепились друг с другом, что сперва надо было устраивать подпорки и подставки, чтобы удержать на своем месте одну вещь или целую группу, пока вытаскивали что-нибудь. При этом страшно было пошевельнуться, чтобы не толкнуть подставку или не обрушить всю кучу. В некоторых случаях, не испробовав, нельзя было сказать, достаточно ли крепок предмет, чтобы нести свою собственную тяжесть. Некоторые вещи были в лучшем состоянии и совершенно так же крепки, как они были при изготовлении. Другие же были в высшей степени хрупки, и неизвестно было, что лучше — консервировать ли их тут же, на месте, или ждать, пока это можно будет сделать в более подходящей обстановке, в лаборатории. При малейшей возможности применялся этот последний способ, но в некоторых случаях перенесение предмета без предварительной обработки было почти наверное равносильно его разрушению.

Так, например, мы нашли сандалии с вышивкой из бус, где нитки совершенно истлели. Когда эти сандалии лежали на полу комнаты, они казались сохранившимися превосходно, но как только делалась попытка поднять одну из них, она рассыпалась при первом прикосновении. Все, что получалось, была горсть разбросанных, потерявших всякое значение бус. В одном таком случае пришлось прибегнуть к консервированию на месте: спиртовка, немножко парафину и два или три часа, пока он затвердеет, — и сандалии можно было без вреда взять с места и перенести. То же самое было с погребальными букетами. Они находились в таком состоянии, что без предварительной обработки рассыпались бы

в пыль. После трех или четырехкратной пульверизации раствором целлулоида они могли быть безопасно взяты и впоследствии почти без повреждения упакованы. Иногда, особенно при больших предметах, оказывалось также правильным сперва подвергнуть их на месте в гробнице небольшой обработке, достаточной для безопасного перенесения в лабораторию, где затем могли быть приняты дальнейшие, более действительные меры. Каждая вещь ставила пред нами новую задачу, и, как я уже говорил, были случаи, в которых лишь опыт мог указать надлежащее средство сохранения.

Работа была продолжительна, тягостно продолжительна и при этом мучительна для нервов. Все время чувствовалось тяжелое бремя ответственности. Его знает всякий, занимающийся раскопками, если у него вообще есть археологическая совесть. То, что он находит, представляет собой не его собственность, которую он может обработать должным образом или бросить без внимания, как ему угодно. Это — дар, переданный прошлым в наследие настоящему. Археолог — только избранный посредник, через руки которого переходит к нам это наследие. Если, в силу беззаботности, небрежности или невежества, он уменьшает сумму познаний, которую мог передать нам, то он виновен в тягчайшем археологическом преступлении. До чего легко разрушение, и до чего безнадежно трудно восстановление! В усталости или в спешке отказываешься от скучной очистки или производишь ее нехотя и небрежно. А здесь, быть может, теряется единственная возможность получить лишь однажды всплывшие и очень важные научные сведения.

Многие люди — к сожалению, среди них находятся и так называемые археологи, — кажется, полагают, что предмет, купленный в лавке у торговца, имеет ту же ценность, что и найденный в раскопках. Они не знают, что для целей исследования этот предмет получает значение лишь с того момента, когда он, очищенный, занесенный в книги, снабженный номером, лежит выставленный в благоустроенном шкафу в музее. Работа на месте открытия имеет чрезвычайную важность. Совершенно бесспорным является тот факт, что наши познания в египетской археологии были бы по крайней мере на пятьдесят процентов больше, чем теперь, если бы каждые раскопки производились правильно, систематически и добросовестно. В кладовых наших музеев лежат в бесчисленном множестве вещи, которые способны были бы дать

нам драгоценные сведения, если бы они могли только сказать, откуда они происходят. Ящик на ящике стоят там, переполненные осколками, которые при помощи некоторых небольших, сделанных при их находке, указаний могли бы быть восстановлены в целом виде.

Если таким образом на лице, производящем раскопки, лежит столь тяжелое бремя ответственности, то легко можно себе представить чувства, владевшие нами при наших работах. Мы оказались счастливцами, нашедшими самое значительное собрание египетских древностей, когда-либо появлявшееся на свет: теперь мы должны были показать себя достойными этого доверия. Столь многое могло при этом привести к неудаче. Так, например, в постоянном страхе нас держала опасность кражи: вся округа была вне себя от возбуждения, вызванного гробницей, распространялись всевозможные истории, рассказы о найденных в ней драгоценных камнях и золоте. Было поэтому вполне мыслимо, как показал и прежний опыт, что может быть сделана серьезная попытка напасть на гробницу ночью. Опасность такого грабежа большого размаха была, поскольку это доступно человеческому предвидению, устранена широкой системой охраны. Днем и ночью в «Долине» находились три независимые друг от друга охранные группы, каждая из которых была подчинена другой власти: государственные стражники при древностях, отряд присланных мудиром Кене солдат и стража, в которую входили вернейшие люди из наших рабочих. К этому присоединялась тяжелая деревянная решетка в начале прохода и крепкая железная дверь у внутреннего входа, — та и другая запертые четырьмя цепными затворами. Во избежание всякой ошибки ключи от них всегда были на сохранении у одного из членов европейской части нашей экспедиции, который ни на секунду не расставался с ними, не давал их даже сотруднику. От мелких покраж мы оградили себя тем, что сами производили все работы, связанные с найденными вещами.

Второю, быть может еще более важной, причиной беспокойства являлось состояние, в котором находились многие предметы. В некоторых случаях было ясно, что сохранение их зависит от разумных мер и надлежащего консервирования, и были случаи, когда мы не могли сдержать волнения. Были еще неприятные обстоятельства, например посетители, о которых я скажу еще кое-что в дальнейшем. Все время, пока мы не справились окон-

чательно с передней комнатой, наши нервы, не говоря уж о настроении, были в ужасном состоянии. Однако, я заговорил уже о конце, прежде чем мы подошли к началу. Мы должны начать снова. Еще не время терять терпение.

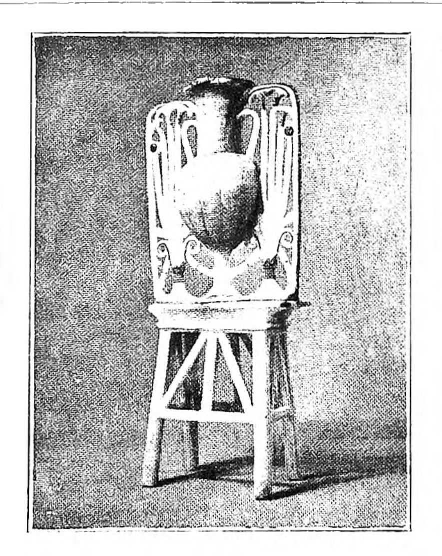
Как всякий может понять, важнейшей и первейшей необходимостью была фотографическая съемка. Прежде чем делать что нибудь другое или прикоснуться к чему-либо, мы должны были сделать ряд общих снимков, чтобы создать представление об общем виде комнаты. Для освещения мы располагали двумя переносными электрическими лампами в 3000 свечей, с помощью которых приозводились в гробнице все фотографические работы. Конечно, приходилось применять довольно длительное освещение. Но электрический свет был превосходен и даже гораздо лучше, чем магний (в столь переполненной вещами комнате магний — вещь опасная) или отраженный солнечный свет. Другой возможности освещения не было. К счастью для нас, в непосредственной от нас близости находилась пустая гробница без надписей — найденный Дэвисом тайник Эхнатона. Мы получили от правительства разрешение пользоваться ею в качестве темной комнаты. Здесь устроился Бертон. В некоторых отношениях это было, правда, не слишком удобно, но пришлось мириться с маленькими неудобствами, чтобы иметь темную комнату в такой близости; в случае производства опыта со снимком Бертону приходилось только пробежать туда и проявить пластинку, не трогая аппарата с места. Кроме того, его внезапное появление по временам между двумя гробницами являлось для толпы любопытных посетителей, сторожививших гробницу, как бы подарком небес, ибо в продолжение зимы было много дней, в течение которых это было единственным оживляющим их событием.

По окончании этих первых съемок наша ближайшая задача заключалась в выборе наилучшего способа для производства топографической описи комнаты. Ибо было безусловно необходимо иметь впоследствии возможность точно определить место каждого предмета в гробнице при помощи этого перечня. Само собою разумеется, каждый предмет или каждая группа предметов должны были получить свой номер в описи, и при перенесении из гробницы на предмете должен был быть крепко прикреплен этот номер; этого, однако, было недостаточно, так как номера не указывали на место. Поскольку это было возможно, необходимо было установить в номерации определенный порядок: начинать

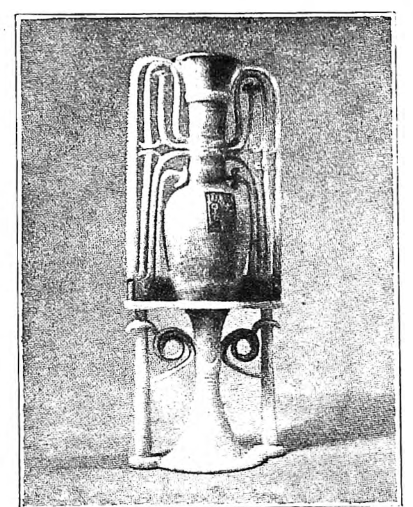
от входных дверей и систематически обойти всю комнату. Но было совершенно несомненно, что в течение работы по ее очистке могут быть найдены еще многие, оставшиеся незаметными предметы, которые затем придется номеровать вне этого порядка. С этой трудностью мы справились, прикрепив ко всем предметам напечатанные номера и сфотографировав их затем небольшими группами. Каждый номер должен был по крайней мере однажды быть запечатлен на фотографии. При регистрации отдельных предметов к каждому был присоединен фотографический снимок, носящий его номер. Таким образом по первому же взгляду определялось его первоначальное местоположение в гробнице.

Так было улажено все, относившееся к работе внутри гробницы. Вне ее нам предстояло решить еще более трудную задачу, а именно — найти для вещей после их эвакуации подходящие места для обработки и склада. Три условия были при этом безусловно необходимы. Во-первых, нам надо было очень много места. Предстояло разбирать сундуки, делать зарисовки и обмеры, производить починки и делать опыты с различными средствами для сохранения. Во всяком случае нам необходимо было значительное место для установки столов и для общего склада. Во-вторых, необходимо было помещение, обеспеченное от кражи, так как лаборатория, после того как в нее будут перенесены все вещи, являлась почти таким же великим источником опасности, как и сама гробница. И наконец, мы должны были иметь возможность лично уединиться. Это может казаться менее понятным, но мы предвидели — и это впоследствии было подтверждено событиями этой зимы, — что мы являемся сами предметом любопытства и вообще не будем иметь возможности работать, если не будем находиться вне мест, обычно заполняемых посетителями. В конце концов вопрос был решен тем, что мы получили от правительства разрешение пользоваться гробницей Сети II. Этим удовлетворялось наше третье желание. Путешественники обыкновенно не посещают этой гробницы. Она запрятана в углу, в самом конце «Долины», и поэтому оказывалась в высшей степени подходящей для нашей цели. Так как за нею уже не было никакой другой могилы, то мы имели возможность, не причиняя кому-либо неудобства, воспретить движение по ведущей к ней дороге и таким образом обеспечить себе полное одиночество.

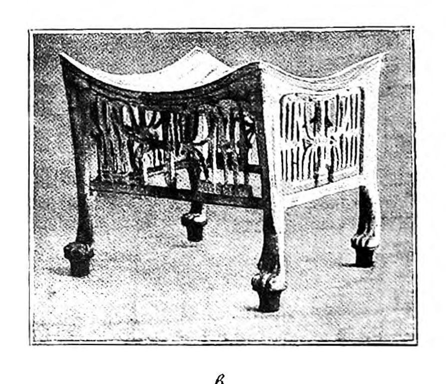
Эта гробница имела еще другие преимущества. Во-первых, она была так охранена нависшими над ней скалами, что лучи

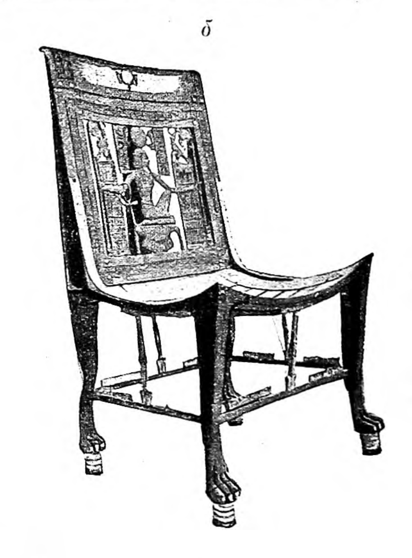
а

б

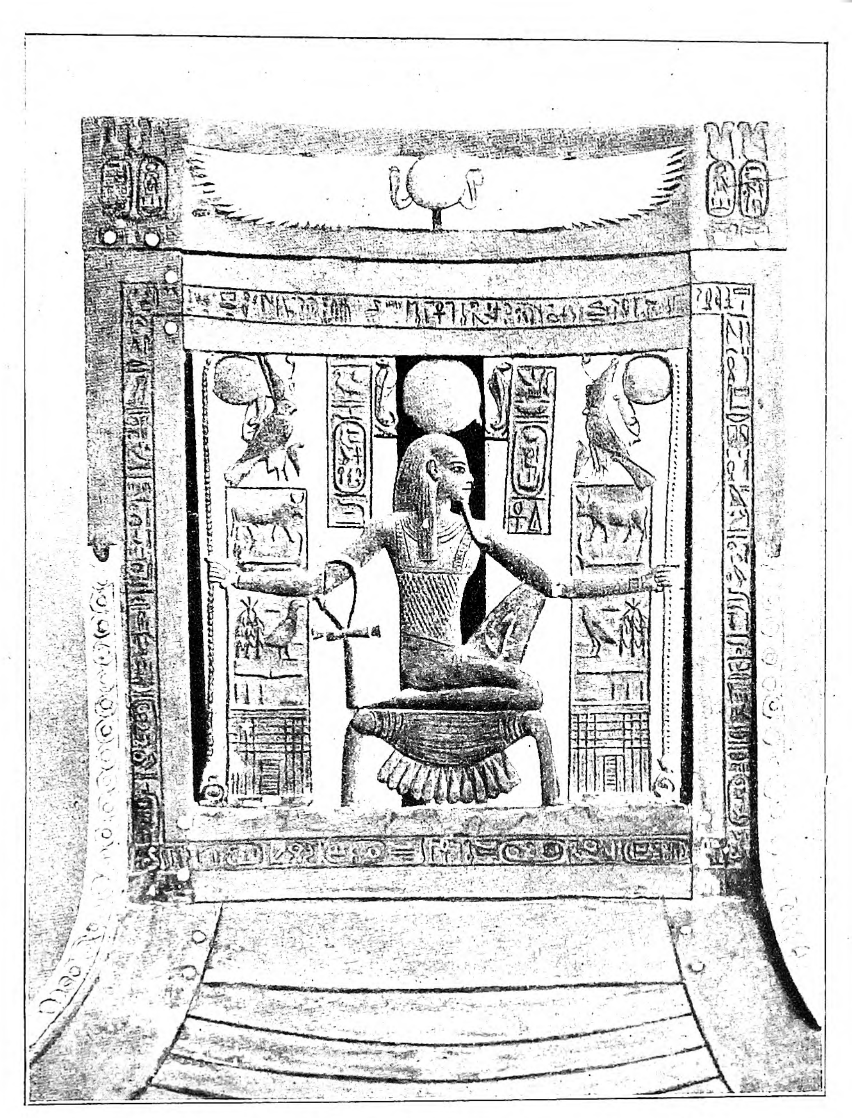

в

г

а — б) **Алебастровые сосуды для благовоний.**
в) **Табурет.** *г)* **Парадное кресло.**

Парадное кресло с изображением бога вечности Хета.

солнца не могли проникать в нее ни в какое время дня, и она таким образом даже в самый разгар летней жары оставалась относительно прохладной. Кроме того перед ее входом была довольно большая открытая площадка, которою мы впоследствии воспользовались как фотографической галлереей и столярной мастерской. Вообще же здесь было тесновато, так как могила была так длинна и узка, что все наши работы должны были происходить в верхнем ее конце, а нижняя часть пригодилась только для кладовой. Неудобство ее заключалось также в том, что она была расположена довольно далеко от места нашей работы. Но это были ничтожные неудобства в сравнении с действительными выгодами, которые она представляла. У нас было достаточно места, мы оставались в уединении и оградили себя тяжелой железной дверью, весом в полтонны и с множеством замков.

Читатель должен также обратить внимание еще на один вопрос, касающийся работы в лаборатории. Нас отделяло 160 километров от ближайшего города. Если кончатся наши запасы, произойдет значительная задержка, прежде чем нам удастся получить свежие материалы для консервирования вещей. Каирские магазины снабдили нас значительной частью того, что нам было потребно. Но мы забрали в Каире все бывшие там на складе запасы некоторых химических продуктов и израсходовали их до конца зимы, а другие вещи мы могли получить только из Англии. Поэтому необходимо было постоянно заботиться о том, чтобы исчерпание запасов не вызвало приостановки наших работ.

К 27 декабря 1922 года все наши приготовления были закончены, и мы могли начать самое перенесение вещей. Мы установили правильное разделение труда. Прежде всего являлся Бертон со своими фотографическими съемками пронумерованных групп предметов. За ним следовали Холл и Гаузер со своими обмерами комнаты, при чем каждый предмет отмечался на плане; Каллендер и я занимались предварительным перечнем и подниманием предметов с места и наблюдали за переноской их в лабораторию. Там их принимали Мейс и Лукас, ответственные за отдельные описания вещей, починку и консервирование.

Первым предметом, вынесенным из гробницы, был раскрашенный деревянный ларец. Продолжая затем работу по направлению с севера к югу и таким образом оттягивая неприятный день, когда придется заняться сложной разборкой нагроможденных

в беспорядке колесниц, мы постепенно очистили большие ложа с зверями от загромождавших их предметов. Каждая вещь была уложена на деревянные носилки с мягкой подстилкой и хорошо увязана бечевкой. Требовалось бесчисленное количество таких носилок, потому что, во избежание вторичного прикосновения к вещам, они надолго оставались под вещами и не могли быть снова употребляемы. Когда загружалось достаточное количество носилок — в среднем это происходило один раз в день, — составлялось время от времени шествие и под охраной отправлялось в лабораторию. Этого мгновения ждала наверху у гробницы толпа посетителей. Из карманов корреспондентов вылетали записные книжки, фотографические аппараты хлопали по всем направлениям, и для прохода процессии приходилось прокладывать дорогу. Я думаю, в «Долине» за последнюю зиму было истрачено больше чувствительных пленок, чем за какой-либо такой же период со времени изобретения фотографических аппаратов. Однажды нам в лаборатории понадобился для опыта кусок старого полотна с мумии. Он был отправлен нам на носилках, и пока добрался до нас, он подвергся фотографированию восемь раз!

Перенесение небольших предметов было сравнительно просто, но когда мы перешли к ложам и колесницам, дело изменилось. Каждое ложе состоит из четырех частей: двух боковых сторон в виде животных, рамы для лежания и подставки, в которую входят лапы животных. Они были слишком велики, чтобы пройти через узкий вход, и были внесены в гробницу по частям и здесь сложены. И в самом деле, полоски нового золота на их скреплениях указывали, где причиненное им разделением на части повреждение было исправлено после их сборки. Было ясно, что для того, чтобы вынести ложа из гробницы, нам придется вновь разобрать их: нелегкая задача, так как в течение трех тысяч лет бронзовые крючки засели плотно в обоймах и были совершенно неподвижны. Но в конце концов нам все-таки удалось разобрать их почти без повреждения. Однако мы при этом работали впятером: двое поддерживали среднюю часть ложа, на двоих была возложена ответственность за благополучие животных, а пятый работал внизу, вытаскивая долотом один крючок за другим.

Даже после того как ложе было разобрано, оставалось не слишком много места для того, чтобы пронести через проход его боковые части. Необходима была величайшая осторожность, но мы протащили их все без повреждения и затем немедленно уло-

жили их в ящики, стоявшие наготове перед входом в гробницу.

Труднее всего было вынести колесницы, очень пострадавшие от обращения, которое они претерпели. Уже при погребении пронести их в целом виде в гробницу было невозможно, так как они были гораздо шире прохода: пришлось снять колеса и перепилить оси. Вероятно, грабители нарушили их первоначальное положение и перевернули их вверх ногами. При последовавшей затем уборке гробницы отдельные части их были разбросаны и нагромождены в беспорядке друг на друга. Египетские колесницы очень непрочны, и грубое обращение, которому они подверглись, делало чрезвычайно трудной работу над ними. Другая трудность была вызвана тем, что отдельные части упряжи были сделаны из недубленой кожи. Находясь в сыром месте, она немедленно превращается в клейкую массу; это произошло и здесь: черная клееобразная масса, которую представляли собою теперь удила, расползлась во все стороны и залила не только части колесницы, но и другие предметы, не имевшие с ними ничего общего. Так кожа подверглась почти совершенному уничтожению; но для восстановления упряжи мы, к счастью, как я уже заметил, располагали золотыми украшениями, которыми она покрыта.

В общем нам понадобилось семь недель для очищения передней комнаты, и мы были поистине благодарны судьбе, когда закончили ее без несчастного случая. Однажды мы были очень напуганы. В течение двух или трех дней небо было покрыто черными тучами, и можно было думать, что предстоит один из яростных ливней, иногда налетающих на Фивы. В этих случаях дождь низвергается потоками, и если буря длится долго, то вся долина обращается в водопад. При этих условиях накакая сила на свете не могла бы защитить нашу гробницу от потопа. Тем не менее, хотя в других местах по соседству бывали сильные проливные дожди, на нас, к счастью, не упало ни капли. Некоторые корреспонденты строчили чудовищно фантастические статьи об этой предстоящей нам буре. В результате этих и других неправильных сообщений мы получили таинственную телеграмму, очевидно, отправленную каким-то пламенным адептом оккультизма. Она гласила: «В случае дальнейших неприятностей лейте на порог молоко, вино и мед!». К сожалению, у нас не было ни вина ни меда, и потому мы не могли последовать этим указаниям. Однако, несмотря на эту неисполнительность, мы избежали грозной опасности.

Естественно, в течение нашей работы по перенесению вещей у нас скопился ряд указаний относительно деятельности могильных грабителей. Здесь, пожалуй, удобнее всего изложить результаты, к которым мы пришли.

Прежде всего из печатей на первой двери мы знаем, что расхищения гробницы произошли немного лет спустя после погребения царя. Нам известно также, что грабители по крайней мере дважды побывали в гробнице. На полу прохода и на лестнице разбросаны обломки, доказывающие, что проход между первым и вторым запечатанным входом был во время первой попытки ограбления пуст. По-моему, возможно, что первое ограбление произошло непосредственно вслед за погребальными торжествами. После этого проход был доверху заполнен камнями и щебнем. Следующая попытка была сделана посредством туннеля, прорытого в этой массе камня, в левом верхнем углу. При этой последней попытке воры проникли во все комнаты гробницы. Но так как туннель был очень узок, то они смогли унести лишь маленькие вещи.

Теперь обратимся к свидетельствам о причиненном вреде, найденным нами внутри гробницы. Прежде всего надо отметить любопытную разницу между состоянием передней и боковой комнат. Как сказано уже в предыдущей главе, в боковой комнате все находилось в невероятном беспорядке. На полу не было ни малейшего свободного местечка. Было совершенно ясно, что грабители перевернули здесь все вверх дном и что комната находится в совершенно том же состоянии, в каком они ее оставили. Совершенно иначе было в передней комнате: правда, и здесь был большой беспорядок, но это был уже так сказать упорядоченный беспорядок. Если бы туннель и запечатанные входы не свидетельствовали о совершенном здесь грабеже, то на первый взгляд можно было подумать, что здесь никогда не было грабежа, и что беспорядок должен быть приписан свойственной людям Востока небрежности.

Когда, однако, мы приступили к работе по очистке комнаты, немедленно стало очевидным, что этот относительный порядок есть следствие поспешной уборки, и что грабители здесь поработали так же, как в боковой комнате. Части одного и того же предмета лежали в различных местах комнаты; вещи, которые должны были лежать в сундуке, лежали на полу или на ложах. На крышке одного ларца оказался нетронутый, но скомканный

воротник, за колесницей, в совершенно недоступном месте, лежала крышка от ларца, между тем как ларец, к которому она относилась, оказался далеко вблизи третьей двери. Очевидно, грабители здесь так же разбросали все, как и в боковой комнате. Но вслед за ними кто-то побывал здесь и снова привел комнату в порядок.

Когда мы затем перешли к разборке сундуков, мы нашли еще более убедительные доказательства. Так, продолговатый белый сундук на северной стороне комнаты был до половины заполнен жезлами, луками и стрелами, а над ним крепко стиснутые лежали различные нижние одеяния царя. Тем не менее металлические кончики стрел были отломаны, и некоторые из них валялись на полу. Другие жезлы и луки, место которых было, очевидно, в этом сундуке, также были разбросаны по комнате. В другом сундуке находились кое-как связанные и набросанные богато украшенные одежды и между ними множество пар сандалий. Содержимое сундука было так сдавлено, что металлическая застежка сандалии продырявила кожаную подошву и проникла даже в подошву другой сандалии, лежавшей под нею. В третьем сундуке были драгоценные вещи, и очень маленькие статуэтки лежали на жертвенных сосудах из фаянса. Наконец, прочие сундуки были наполовину пусты или содержали лишь кучу мелких остатков полотняных одежд.

Кроме того были еще несомненные доказательства того, что этот беспорядок есть следствие поспешной вторичной укладки, ничего общего не имеющей с первоначальным содержанием сундуков.

На многих крышках были маленькие надписи, точно указывающие, каково содержание сундука. Но лишь в одном случае надпись до некоторой степени соответствовала действительному содержанию. Эта надпись гласила: «Семнадцать (неизвестных) вещей из ляпис-лазули». В сундуке находилось шестнадцать жертвенных сосудов из темносинего фаянса, а семнадцатый лежал в некотором отдалении на полу. Эти надписи в конце нашего исследования будут иметь большое значение. В очень многих случаях они помогут нам отнести вещи к сундукам, в которые они были первоначально уложены. Таким образом мы узнаем точно, чего нехватает.

Наиболее убедительное из всех доказательств было дано нам художественным одеянием из фаянса, золота и инкрустации: это

парадный панцырь с воротником (табл. XIVа-б); большая часть его была найдена в сундуке с вышеупомянутыми фаянсовыми сосудами, нагрудник и большая часть воротника были засунуты в маленький золотой шкаф; отдельные части оказались во многих других сундуках и были разбросаны повсюду на полу. До сих пор нет никаких указаний на то, в каком сундуке лежал первоначально этот предмет, или что он вообще лежал в каком-нибудь сундуке. Весьма возможно, что грабители вынесли его из какой-либо внутренней комнаты в переднюю, где было светлее, и намеренно разорвали его здесь на куски.

Эти факты дают нам возможность восстановить теперь с точностью последовательность событий. Прежде всего в верхнем левом углу первой запечатанной двери было пробито отверстие, достаточное для того, чтобы сквозь него мог пролезть человек. Затем начали рыть туннель. Копающие люди работали цепью, так что они могли передавать камни и корзины с землей из рук в руки назад. Семи или восьмичасовой работы было, пожалуй, достаточно, чтобы привести их ко второй запечатанной двери; в ней пробита дыра, и вот — они внутри. Затем началось в полумраке бешеное искание добычи. Конечно, главной целью их было золото. Но оно должно было быть в форме, доступной переноске; до бешенства, вероятно, раздражало их то, что они по всем сторонам видели сверкание позолоченных предметов, которые они не могли унести с собой и с которых сорвать золото не было у них времени. При слабом свете, при котором они работали, они к тому же не имели возможности отличить подлинное от поддельного. Присмотревшись поближе, они видели, что тот или другой предмет, принятый ими за массивное золото, был сделан только из позолоченного дерева. С презрением бросили они его в сторону. С сундуками они поступили чрезвычайно решительно. Они вытащили их все без исключения на средину комнаты, перерыли и разбросали их содержание по полу. Какие драгоценности нашли в этих сундуках и забрали с собой грабители, мы не узнаем никогда. Но очевидно, их поиски здесь могли быть лишь поспешными и поверхностными, так как они не заметили многих вещей из массивного золота. Об одном очень ценном предмете мы, правда, знаем, что они его забрали. В маленьком золотом шкафу (наосе) находится подставка для статуэтки из позолоченного дерева с видным еще оттиском ног. Сама статуэтка исчезла, и едва ли можно сомневаться в том, что она была отлита из

массивного золота и, вероятно, была очень сходна с золотой статуэткой Тутмоса III в образе Амона, находящейся в собрании лорда Карнарвона.

Основательно обработав переднюю комнату, воры обратили свое внимание на боковую. Они пробили в двери дыру, достаточно большую, чтобы пролезть через нее, и здесь рылись и грабили так же основательно, как они это сделали в первой комнате.

Затем, и вероятно никак не раньше, они обратились к комнате с саркофагом и проделали очень маленькую дыру в запечатанной двери, отделяющей ее от передней комнаты. Сколько вреда они натворили здесь, мы узнаем позже; но поскольку мы можем сказать теперь, он кажется меньше, чем в передней комнате. Быть-может, их застигли как раз в этот момент их работы. Мы располагаем очень интересным маленьким доказательством, как будто оправдывающим это предположение.

Напомним, что при нашем описании предметов первой комнаты, мы отметили (гл. VI), что в одном из сундуков оказалось несколько золотых колец, завязанных в кусок полотна. Именно они должны были прельстить вора: их ценность велика, и тем не менее их очень легко спрятать. Кто бывал в Египте, тот вспомнит такую сцену: когда феллаху дают деньги, он обыкновенно берет конец своего головного покрывала, кладет монету в складку, скручивает ее два-три раза, чтобы удержать монеты, и, наконец, завязывает для верности этот импровизированный кошелек. Кольца были связаны совершенно таким же образом. Та же складка в полотне, то же скручивание, чтобы получился мешочек, и тот же слабо затянутый узел. Это, несомненно, дело одного из воров. На нем не было головного покрывала, — такого не носили феллахи того времени, — и он употребил для этого одну из подобранных в гробнице перевязей царя и завязал в ней кольца, чтобы легче унести их.

Как же произошло, что эта драгоценная связка колец была оставлена в гробнице и не унесена? Меньше всего мог вор забыть ее. Даже если их застигли врасплох, то она была не так тяжела, чтобы помешать самому поспешному бегству. Мы должны из этого заключить, что воры были или застигнуты в гробнице, или пойманы во время бегства, во всяком случае схвачены с частью добычи. И если это так, то этим объясняется также наличность в гробнице некоторых других драгоценностей и золотых вещей,

которые были слишком ценны, чтобы оставить их, и слишком велики, чтобы остаться незамеченными.

Во всяком случае весть о грабеже дошла, очевидно, до приставленных к гробнице чиновников. Они явились для производства следствия и исправления вреда. По каким-то причинам они, кажется, так же торопились, как и воры. Их работы по восстановлению порядка произведены прескверно. Боковую комнату они небрежно оставили в том виде, в каком нашли ее, и даже не потрудились заделать дыру в дверях. В передней комнате маленькие вещи, рассыпанные по полу, были собраны, связаны и растыканы — это единственное подходящее слово — по сундукам без всякой попытки вновь привести их в порядок или уложить их в первоначально предназначенный для них сундук. Некоторые сундуки были набиты доверху, другие оставлены почти пустыми. На одном ложе брошены два больших узла, в которых завернута куча разнообразнейших вещей. Но маленькие вещи даже не все были собраны. Жезлы, луки и стрелы разбросаны повсюду в беспорядке, на крышку одного сундука бросили скомканный воротник с подвеском и кучей фаянсовых колец (табл. XV). На полу лежала пара очень хрупких сандалий с вышивкой из бус. Одна валялась в одном углу комнаты, а другая в другом. Предметы большей величины были небрежно отодвинуты к стене или нагромождены друг на друга. Во всяком случае все это не свидетельствует о благоговении ни пред предметами ни пред царем, достояние которого они представляли. Чиновники так плохо восстановили порядок, что удивляешься, почему они вообще трудились убрать комнату. В одном мы должны отдать им справедливость. Сами они ничего не украли, хотя легко могли сделать это. Это мы можем утверждать с достаточной уверенностью, так как они уложили вновь в сундуки много мелких драгоценностей, которые легко могли спрятать и утащить.

Справившись с передней комнатой — по крайней мере, поскольку это было их намерением, — они заделали дыру в третьей двери, замазали ее известью и опечатали ее печатью царского кладбища. На возвратном пути они затем заперли и запечатали переднюю комнату, завалили туннель грабителей щебнем и заложили первую дверь. Какие дальнейшие шаги они предприняли, чтобы предупредить повторение преступления, мы не знаем, но, вероятно, они засыпали весь проход в гробницу. Политическое успокоение страны, должно быть, воспрепятствовало в ближайшее

время новому вторжению в гробницу. Но в течение долгого времени ничто не могло спасти ее от дальнейших грабительских попыток, кроме неизвестности ее расположения. Во всяком случае несомненным остается то, что за время между вторичной заделкой гробницы и нашим открытием ни одна человеческая рука не касалась печатей на ее дверях.

ГЛАВА VIII

РАБОТА В ЛАБОРАТОРИИ

Эта глава посвящена тем — а таких людей много, — которые думают, что занимающийся раскопками проводит свое время, греясь на солнце, развлекаясь созерцанием того, как работают другие, и живет беззаботно, поглядывая, как время от времени из недр земли выносят для его развлечения корзины, полные прекрасных древностей. В действительности его жизнь проходит совсем иначе. Так как подробности его деятельности известны лишь очень немногим, то стоит здесь вкратце поговорить о них, прежде чем мы перейдем к обстоятельному рассказу о работе в лаборатории в течение последней зимы. Кроме того это облегчит нам объяснение, для чего нужна эта тщательная лабораторная работа.

Прежде всего надо ясно понимать, что о корзинах, переполненных вещами и доставляемых археологу для приятного лицезрения, не может быть речи. Первое и важнейшее правило при производстве раскопок заключается в том, что археолог должен каждый найденный предмет поднять с земли своими собственными руками. От этого зависит невероятно много. Не говоря уже о повреждениях, которые всегда могут быть причинены неопытными пальцами, в высшей степени важно видеть каждый предмет на месте своими глазами. Ибо из его положения и из его отношения к соседним предметам можно сделать много важных выводов. Так, например, могут здесь заключаться данные для определения времени. Как много предметов стоит в музеях с неопределенной надписью «предположительно — Среднее царство», хотя при помощи сопоставления с одновременно найденными вещами они легко могли быть отнесены к династии, к эпохе, которой они принадлежат, или даже к царствованию определенного фараона. По взаимному положению отдельных предметов часто можно также определить, для какого употребления был сделан известный пред-

мет. Затем отсюда могут быть получены также сведения, необходимые для дальнейшей реконструкции предмета.

Возьмем для примера маленькие осколки зазубренных кремней, которые найдены в столь громадных количествах в городских развалинах Среднего царства. Мы можем догадываться, для чего они употреблялись, и с надписью «осколки кремня от серпа» они представляют собой довольно интересные музейные вещи. Но вот случай, происшедший со мною: мне довелось найти в земле целый серп, при чем его деревянные части были в таком состоянии, что всякое прикосновение к ним разрушило бы доказательство, что это когда-то в самом деле был серп. Здесь есть две возможности: при бережном обращении, с применением консервирующих средств, можно вынуть серп из земли в целом виде; если же он совсем распался на кусочки, то его по крайней мере можно обмерить и зарисовать, так что затем деревянные части можно изготовить новые. В обоих случаях мы получаем законченную музейную вещь, которая в археологическом отношении имеет в тысячу раз большую ценность, чем пригоршня не связанных между собой осколков кремня, которые мы получили бы в ином случае. Из этого ясно, как важно делать заключения на месте; мы дадим в дальнейшем другие, еще более убедительные примеры этого, когда мы перейдем к различным видам материала и его обработке.

Предварительно еще одно замечание. То, что мы отметили у себя точное положение предмета или группы предметов, часто дает определенные указания, позволяющие искать сходные предметы в другом месте. Сюда относятся, например, жертвенные дары, оставленные при закладке. При каждом сооружении расположение этих даров соответствовало определенному плану, и раз найден один, очень легко отыскать и прочие.

Таким образом археолог, занимающийся раскопками, должен видеть каждую вещь на месте и сделать тщательное описание, прежде чем передвинуть предмет. В случае необходимости он должен здесь же прибегнуть к консервированию. При этих обстоятельствах в высшей степени важно оставаться всегда в теснейшей связи с раскопками. Речь идет не о каникулярных поездках и днях отдыха. Пока работа в ходу, необходимо быть целый день на месте и иметь возможность в каждый час дня быть вызванным на место. Наши рабочие должны знать, где они нас могут найти в любой момент, и им должно быть совершенно ясно, что о каждом открытии необходимо извещать нас без всякого промедления.

В случае важной находки мы, вероятно, узнаем, что произошло событие, раньше, чем получим об этом сообщение. Ибо новости распространяются с мгновенной быстротой и производят на всех наших рабочих поразительное душевное действие: в этом случае они начинают работать не быстрее, но иначе и гораздо медленнее; обычные рабочие песни смолкают. О незначительной находке мы часто можем заключить наперед по повадке вестника. Ничто на свете не может заставить его притти к нам прямым путем и прямо сказать, что он нашел. Во что бы то ни стало он делает из этого тайну. Исполненный самодовольства, он вертится вокруг нас и уже этим с несомненностью показывает всему миру, что̀ произошло. Затем важность его растет, он отзывает нас кивком в сторону и шопотом сообщает новость. Но и тогда еще очень трудно добиться от него чего-нибудь, кроме очень неточного сообщения. Пока мы не будем сами на месте, невозможно узнать с точностью, что̀ собственно найдено. В этом прежде всего виновата склонность египтянина к тайне для тайны. Этот самый человек при первом случае расскажет своим приятелям все, что знает о находке; при этом правилом игры является, что они притворяются, будто ровно ничего не знают. Отчасти в этом виновато также возбуждение. Не то, чтобы рабочий чувствовал действительный интерес к вещам, но он смотрит на свою работу как на азартную игру; большинство занимающихся раскопками работает по так называемой «системе бакшиша»: это значит, что кроме заработной платы они дают своим рабочим отдельную награду за все найденное. Это — далеко не идеальный прием, но он имеет два преимущества: он содействует увеличению безопасности предметов, особенно небольших, которые легко скрыть и которые могут оказаться чрезвычайно для нас ценными для определения эпохи; он заставляет людей работать энергичнее и осторожнее, особенно если награда выдается в соответствии не столько с ценностью самого предмета, сколько с бережным обхождением с ним.

По этому и многим другим соображениям, которые мы могли бы привести, чрезвычайно важно оставаться всегда поблизости от производящихся работ. Если даже в данный момент нет никаких находок, то времени для досуга все же останется немного. Прежде всего необходимо зарисовать каждую гробницу, каждое строение, даже каждую обрушившуюся стену, а если речь идет о подземной гробнице, то это может быть связано с нелегкими гимнастическими упражнениями. Колодцы, ведущие в гробницы, могут быть

глубиною от трех до сорока метров, и я однажды высчитал, что в течение последней зимы сделал почти тысячу метров, карабкаясь по канату. Затем фотографирование. Каждый предмет, имеющий какую-либо археологическую ценность, должен быть сфотографирован, прежде чем будет тронут с места. В некоторых случаях надо сделать целую серию снимков, чтобы установить порядок перенесения вещей. Многие из этих снимков никогда не понадобятся, но мы никогда не можем сказать наперед, не встанет ли пред нами вопрос, который сделает ценным свидетелем какой-нибудь как-будто бесполезный негатив. Фотографические снимки безусловно необходимы во всех отношениях; они принадлежат, быть может, к важнейшим обязанностям археолога, занимающегося раскопками. У меня была работа, при которой мне пришлось в течение одного дня снять и проявить не менее пятидесяти негативов.

По возможности эта часть работы — обмер и фотография — должна бы лежать на особых специалистах. Тогда руководитель раскопок может найти время посвятить себя тому, что мы называем тонкостями в деле раскопок. Ему удастся тогда «играть своей работой», как выразился как-то один товарищ. При всяких раскопках непрестанно встают загадки и вопросы, и многие из них поддаются решению лишь тогда, когда отходишь от места раскопок по нескольку раз, рассматриваешь его с разных точек зрения и при разном освещении. Значение, которое имеет группа стен, доказательство, что строение было переделано и что план его был изменен первоначальным строителем; значение изменений в поверхности земли, где позднейшие остатки отложились на постройках более раннего времени; смысл известного состояния мусора на поверхности или в слоях груды развалин: эти и десятки других вопросов встают пред человеком, производящим раскопки. От его способности дать нам ответ зависит, каким он будет археологом.

Свободный от обязанности производить обмер и фотографические снимки, он посвятит больше времени и размышления общей организации работы и сможет сберечь много времени и денег. Многие тысячи истрачены впустую вследствие неудовлетворительного плана работ. Не раз и не одному производителю раскопок приходилось заниматься разгребанием своего собственного мусора, потому что он не обдумал всего в первый момент. Большого внимания требует вопрос распределения работы. Много

можно сберечь рабочих сил, переводя людей с одного места на другое, как раз тогда и туда, где они могут быть употреблены, и никогда не посылая на известный участок больше рабочих, чем действительно необходимо, — держа их в постоянном движении. Число рабочих, за которым может следить отдельный руководитель раскопок, разумеется, зависит от условий работы. При работе обширной и более или менее безнадежной в смысле находок, как, например, очистка площади вокруг пирамиды, он может наблюдать за почти беспредельным их количеством. При раскопках гробниц в скалах он, пожалуй, сможет следить за полусотней людей. Напротив, при неглубоких могилах, например в доисторическом могильнике, уже десять человек могут очень напрячь его внимание. Число людей, которое он может занять, зависить большей частью от положения и поверхности места раскопок.

Таковы обязанности при работе на воздухе, при руководстве самими раскопками. Но есть еще много совсем других обязанностей. Свободные часы и вечера руководитель раскопок заняты сплошь, если он хочет быть в постоянной связи со своей работой. Необходимо все время справляться с заметками, с обмерами, с перечнем найденных предметов. Надо проявлять пластинки, делать отпечатки и вести список того и другого, снимков и отпечатков. Надо починять сломанные вещи, подновлять предметы, найденные в неудовлетворительном состоянии, думать о приемах консервирования и нанизывать бусы. К этому присоединяются фотографические съемки на месте, так как каждая отдельная вещь должна быть снята в определенном отношении к своим размерам и во многих случаях с различных сторон. Можно почти до бесконечности продолжить этот список, в который мог бы войти еще ряд других занятий, с виду имеющих лишь очень отдаленное отношение к археологии, как, например, ведение счетов, исполнение обязанностей врача для рабочих и улажение их разногласий. Рабочие, конечно, свободны один день в неделю. и научный работник, приступая к раскопкам в начале зимы, вероятно тоже думает, что он равным образом будет иметь отдых раз в неделю. Но обыкновенно после первой же недели он вынужден отказаться от этой мысли. Ибо свободный день покажется ему слишком соблазнительной возможностью для работы, чтобы истратить его попусту.

Так складывается в общих чертах жизнь участника раскопок. В его работе, особенно в записях и первом консервировании раз-

личных предметов, есть частности, на которых мы хотели бы остановиться подробнее. Это вопросы, вероятно, мало знакомые среднему читателю. Описание нашей лабораторной работы в течение последней зимы даст ему о них представление.

Деревянные вещи редко оказываются в хорошем состоянии, и обращение с ними представляет немало трудностей. Сырость и муравьи являются их главными врагами; при неблагоприятных условиях от дерева не остается ничего, кроме кучи черной пыли или оболочки, распадающейся при первом прикосновении. В первом случае все, что нам остается сделать, это — внести в наши записи, что было дерево; в другом случае мы обыкновенно имеем возможность сделать некоторые выводы. Во всяком случае возможно произвести обмер. Остатки надписи, сделанной краской, быть может, укажут нам имя собственника. Достаточно порыва ветерка или прикосновения, чтобы их разрушить, но их можно списать, если заняться этим без промедления. Затем встретятся случаи, в которых деревянная рама или основа предмета погибла и остались рассеянными остатки украшений из слоновой кости, золота, фаянса, первоначально покрывавших его поверхность. Тщательно определив взаимное положение этих отвалившихся украшений, — впоследствии их можно восполнить, приладить и соединить друг с другом, — мы часто получаем возможность точно установить размеры и форму самого предмета. Расположив затем эти первоначальные украшения на новой деревянной основе, мы вместо беспорядочной кучи бесполезных и бесцельных обломков слоновой кости, кусочков золота и осколков фаянса получим предмет, во всех отношениях подобный новому. Если дерево не находится в последней стадии разложения, то всегда возможно его сохранить посредством жидкого парафина. Это средство может так крепко скрепить распадающуюся на куски вещь, что она становится годной для употребления.

Конечно, состояние дерева бывает разное, сообразно географическому положению раскопок. К нашему счастью, Луксор в этом отношении является, быть может, наиболее благоприятной местностью во всем Египте. Правда, дерево в нашей гробнице доставляет нам трудности, но они зависели не от того состояния, в котором мы нашли его первоначально, но от того, что оно коробилось впоследствии от перемены воздуха. Простой деревянный предмет этого не боится. Но египтяне любили наносить на дерево тонкий слой грунтовки, который они затем по-

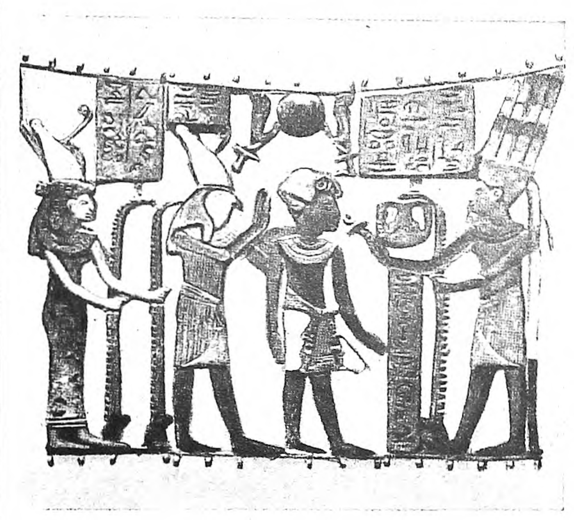
крывали рисунками или листовым золотом. Понятно, что когда коробилось дерево, то начинала отделяться и трескаться грунтовка, и таким образом возникала опасность, что погибнут большие части поверхности. Задача представляется трудной. Легко укрепить на грунте краски и листовое золото. Но обыкновенные консервирующие средства не могут укрепить на дереве гипс самой грунтовки. Поэтому, как мы покажем ниже, мы и здесь прибегали к помощи парафина.

Состояние тканей очень различно. Полотно в некоторых случаях бывает так крепко, словно оно прямо снято со станка, тогда как в других случаях вследствие сырости оно превратилось в клейкую массу.

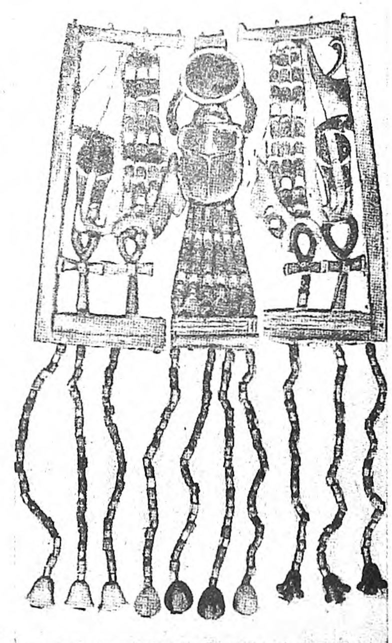
В нашей гробнице трудности были очень усилены дурным обхождением, которому подвергалось полотно; к этому присоединилось то, что многие одежды покрыты украшениями из золотых розеток и бус. Вышивки из бус уже сами по себе ставят пред археологом сложную задачу и испытывают его терпение, быть может, в большей степени, чем всякий другой материал, с которым он имеет дело. Они встречаются очень часто, потому что египтяне очень любили работы из пронизей. Ни в коем случае нельзя считать исключением, если мы на одной мумии встречаем множество ожерелий, два или три воротника, один или два пояса и кроме того полный набор запястий и ножных колец. В таких случаях требовались многие тысячи бус. Это представляет собой пробу терпения, ибо для сохранения и восстановления бисерных работ необходимо взять по крайней мере два раза в руки каждую отдельную бисеринку. Требуется чрезвычайно тщательная работа, для того чтобы добиться первоначального расположения бус. Нитки, на которые они нанизаны, все без исключения истлели. Тем не менее мы в большинстве случаев находим бусы в правильном порядке, как они должны быть соединены друг с другом. Если осторожно сдуть пыль, то, быть может, окажется возможным проследить всю длину ожерелья или воротника и установить точное расположение бус. Новое нанизывание их необходимо производить на месте и немедленно, как только открыта часть вещи: при восстановлении одного пояса из многих рядов я пользовался одновременно двенадцатью иголками и нитками; еще лучше переносить бусы одну за другой на кусок картона, смазанный тонким слоем пластицина. Это имеет то преимущество, что для недостающих или неизвестно где рас-

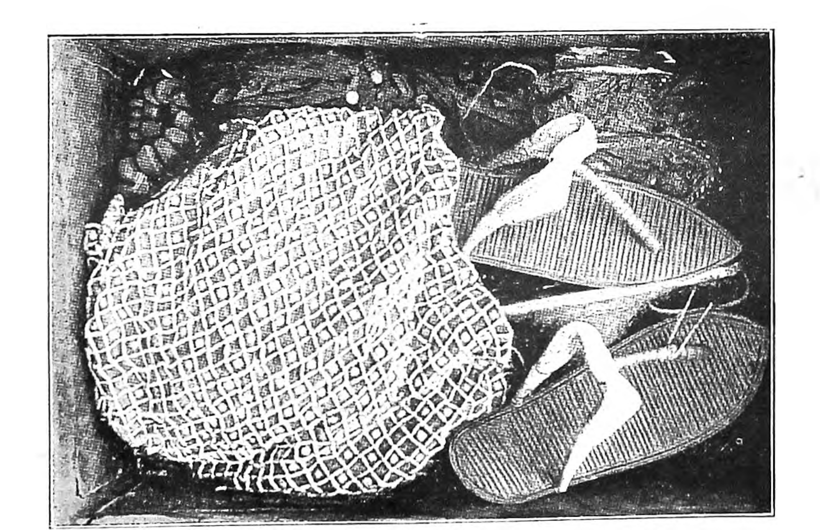
а — б) Тронное кресло. *в)* Складной стул. *г)* Ларец. *д)* Манекен для примерки платья.

а

б

в

а — б) **Украшения парадного панцыря.**
в) **Одна из стадий разборки ларца.**

положенных бус можно оставить необходимые промежутки соответственной величины.

В очень художественных работах бывает иногда невозможно нанизать бусы так, как они были найдены; тогда необходимо произвести тщательную разметку, чтобы впоследствии нанизать их. Тогда придется это делать не в точном порядке рядов — бусу за бусой, но в соответствии с первоначальным образцом и рисунком. Нанизывание бус — скучная работа. В большинстве случаев приходится сделать предварительно ряд опытов, прежде чем будет найден должный способ справиться с этой задачей. При работе над воротником, например, может оказаться необходимым, для того чтобы ряды лежали ровно, употреблять для нанизывания каждой бусы три независимых друг от друга нитки. При восстановлении оказывается иногда необходимым замещение недостающих или разбитых частей. Мне однажды случилось найти набор ножных и ручных колец, в которых ряды бус были отделены друг от друга просверленными позолоченными деревянными палочками. Дерево этих промежуточных палочек совершенно истлело, так что осталась лишь оболочка из листового золота. Я вырезал из дерева новые палочки такой же формы, выжег раскаленной иглой дырочки и покрыл новые палочки прежним золотом. Такие, основанные на подлинных доказательствах, реконструкции совершенно правомерны и, конечно, заслуживают труда. Они дают нам возможность вместо наваленной на блюдо кучи бус, или, что еще хуже, вместо чисто произвольной и выдуманной реконструкции передать музею предмет, который, не говоря уже о его красоте, представляет очень значительную археологическую ценность.

Часто представляет трудности обращение с папирусами. При обработке их совершено больше преступлений, чем в какой бы то ни было другой отрасли археологии. Если папирус сохранился в сносном состоянии, то его надо завернуть на много часов во влажное полотно. После этого его можно слегка расправить под стеклянной пластинкой. Хрупкие свитки, вероятно, распадутся при разворачивании на мелкие кусочки, и к ним не следует прикасаться, если не располагаешь большим местом и временем. Осторожной и систематической работой можно добиться правильного соединения почти всех кусочков, между тем как недостаточно осторожное разворачивание листов, совершаемое в промежутках между другими работами, а то и различными руками,

никогда не даст удовлетворительного успеха и может даже окончиться разрушением драгоценнейших документов. Если бы, например, туринский папирус[1] подвергся бережной обработки тотчас же вслед за тем, как был найден, то какие сокровища знаний мог бы дать нам и от какой скорби избавить!

Камень в работе над найденными вещами обыкновенно представляет мало трудностей. Известняк почти всегда содержит соли, которые должны быть выщелочены; но это может быть сделано и позже, в музее, и мы не имеем необходимости останавливаться здесь на этом. Фаянсовые, глиняные и металлические вещи могут равным образом быть предоставлены позднейшей обработке. Здесь мы хотим остановиться на работах, которые должны быть выполнены немедленно. В каждой стадии этих подготовительных работ должно быть сделано множество подробнейших заметок. Их не может быть слишком много, ибо хотя бы в данный момент вещь казалась нам совершенно понятной, из этого ни в коем случае не следует, что она останется такой, когда придет время обработки нашего материала. Во время работы в гробницах необходимо делать как можно больше заметок, пока все еще стоит на месте. Раз приступили к очистке гробницы, необходимо не выпускать из рук блокнота и карандаша, отмечая каждую мелочь, встреченную нами. Как часто искушает нас мысль отложить записи до конца работы, занимающей нас! Но это очень опасно: позже может что-нибудь помешать, и более чем вероятно, что нужная запись не будет сделана.

Теперь отправимся в лабораторию и применим на практике некоторые из теорий, изложенных нами до сих пор. Напомним, что нам была предоставлена гробница Сети II. Здесь мы устроились с нашим карточным каталогом и средствами для консервирования. Гробница длинна и узка, так что для работы могла быть использована лишь ее передняя часть, внутренняя же, более темная, годилась только для склада. Предметы в том виде, как вносились сюда на носилках, устанавливались в середине помещения и прикрывались в ожидании, когда до них дойдет очередь. Затем их по порядку переносили в рабочее помещение для обследования. После того как они были очищены от пыли, на карточки нано-

[1] В высшей степени важный для египетской истории папирус, относящийся к эпохе девятнадцатой династии и содержащий перечень расположенных по династиям египетских фараонов, начиная с первого царя Мины.

сились их точные размеры, полное археологическое описание и копии надписей. Затем следовало необходимое исправление и консервирование, после чего они устанавливались у входа для фотографирования. По окончании всего этого они переносились в самую глубину гробницы в ожидании окончательной упаковки.

В большинстве случаев опыта законченной обработки не производилось. Это было совершенно невозможно, так как, при желании использовать имеющийся материал во всей полноте, на работы по реконструкции потребовались бы месяцы, или скорее годы. Все, что мы могли предпринять здесь, заключалось в предварительной обработке, во всяком случае достаточной для того, чтобы обеспечить вещам возможность безопасно перенести путешествие. Окончательная реконструкция должна быть сделана в музее. Для этого необходимы лучше устроенная лаборатория и большее количество опытных сотрудников, чем мы когда-либо могли надеяться собрать в «Долине».

По мере того как лаборатория с течением времени стала наполняться вещами все больше и больше, явственно становилось труднее справляться с работой. Лишь благодаря чрезвычайному вниманию ко всем мелочам, крайней методичности в работе удалось нам избежать трудностей. Как только предмет поступал в лабораторию, тотчас же заносился в книгу его номер, и в этой же книге велись постоянные записи о последовательных стадиях его обработки. Каждый из больших предметов получил свой номер уже в гробнице, но когда эти предметы подверглись в лаборатории вторичной обработке, оказалась необходимой их новая нумерация. В сундуке, например, может находиться пятьдесят вещей; может оказаться необходимым в любой момент установить каждую из них с точностью. Мы отмечаем их буквами алфавита или, если нужно, сочетаниями букв. Необходимо было постоянное наблюдение, чтобы от этих маленьких предметов какнибудь не оторвались их ярлыки, особенно в случаях, требовавших более продолжительной обработки. Часто случалось, что части одного предмета, разбросанные в разных местах гробницы, заносились в список под двумя или несколькими нумерами. В таких случаях необходимы были исправления в записях. Готовые карточки распределялись по порядку в шкафиках, на полках которых к концу зимы покоилась полная история каждой вещи из гробницы. На них были нанесены:

1) зарисовки с обмерами и археологические записи,

2) записи д-ра Алана Гардинера, касающиеся надписей,

3) записи Лукаса о примененном в данном случае методе консервирования,

4) фотография, дающая точное представление о положении предмета в гробнице,

5) фотография или серия фотографий, изображающих данный предмет отдельно,

6) если дело шло о сундуке, то ряд снимков, изображающих его разгрузку в различных стадиях.

Таков был ход нашей работы. Теперь мы обратимся к отдельной обработке некоторых древностей. Первой вещью, потребовавшей обработки, был великолепный разрисованный ларец (по нашему списку № 21 (табл. II и VIб-в). Во всей гробнице едва ли есть предмет, который бы ставил пред нами более трудную задачу. Поэтому стоит дать подробное описание его обработки. Первая наша забота относилась к самому ларцу, загрунтованному тонким слоем гипса и сверху донизу покрытому рисунками, сделанными блестящими красками. За исключением небольшой расхлябанности в стыках, вызванной тем, что дерево покоробилось, оно сохранилось превосходно. Гипс по углам и пазам несколько растрескался, но был еще в довольно крепком состоянии; краски держались отлично, хотя в некоторых местах несколько побледнели, без всякого следа порчи. Необходимой казалась лишь очень умеренная обработка. Поверхность была очищена от пыли, побледневшие места живописи освежены бензином, и весь ларец сверху донизу с особым вниманием к чувствительным местам в стыках был обрызган раствором целлулоида в амиловом алкоголе, чтобы закрепить гипс на дереве. Для данного момента это казалось совершенно достаточным. Но это был первый опыт в гробнице, сделанный нами над соединением дерева и гипса, и нас постигло разочарование. Три или четыре недели спустя мы заметили, что трещины в пазах разошлись и что и в других местах слой гипса готов отскочить. Было совершенно ясно, в чем дело. Вследствие разницы между сырой теплотой внутри гробницы и сухим воздухом в лаборатории дерево снова покоробилось, и гипс, которому недоставало должной упругости, готов был совершенно отделиться от дерева. Выяснилась серьезная опасность, что могут погибнуть большие части разрисованной поверхности. Нужны были решительные меры, и после многих размышлений мы решили применить расплавленный парафин. Нужна была смелость,

чтобы решиться на этот шаг, но успех оправдал нас вполне. Парафин пропитал гипс и дерево и крепко связал их. Что касается влияния на краски, то они как-будто стали еще ярче, чем раньше. Впоследствии мы применяли этот метод к целому ряду других вещей из дерева и гипса и остались в высшей степени довольны результатом. Необходимо при этом, чтобы поверхность была подогрета, а парафин доведен почти до кипения: иначе он застывает и не может проникнуть в поры. Так как у нас не было печи, то мы для этих целей пользовались египетским солнцем и нашли, что оно достаточно горячо для этого. Излишний парафин может быть удален нагреванием или бензином. Другое преимущество заключается в том, что пузырьки, имеющиеся в гипсе, могут быть разглажены, пока парафин еще горяч, и затвердевают при этом. В очень неблагоприятных случаях бывает необходимо заполнять пузырьки горячим парафином с задней стороны посредством капельницы.

Так обстояло дело с поверхностью ларца. Теперь подымем его крышку и посмотрим, что там внутри. Это волнующий момент, потому что ларец полон чудесных вещей. Вследствие поспешности, с которой древние чиновники производили вторичную укладку вещей, ничто не может сказать нам наперед о содержании каждого сундука. Читатель получит некоторое представление о том, как трудно обращаться с вещами, если я скажу, что употребил три недели тяжелой работы, чтобы дойти до дна ларца. Нами было сделано четыре последовательных снимка содержимого ларца. Первый снимок (см. табл. XIV в) был сделан тотчас же после того, как была снята крышка и прежде чем мы дотронулись до чего-либо. Справа вверху лежит пара тростниковых сандалий; под ними виднеется позолоченный подголовник, а еще ниже беспорядочная масса полотна, кожи и золота, к которой мы сначала совершенно не знали как приступить. Слева лежит завернутое в узелок великолепное царское одеяние, а в верхнем углу грубые бусы из темной смолы. Одежда поставила нас пред трудной задачей, — задачей, не раз многократно встававшей пред нами, — как сохранить ткани, которые рассыпаются при первом прикосновении и которые, однако, покрыты богатой и тяжелой вышивкой. В данном случае все одеяние покрыто сеткой из фаянсовых бус и золотыми ромбовидными украшениями, заполняющими каждый четырехугольник через один. Эти бусы и ромбы первоначально были нашиты

на одежду, но теперь они отвалились. Многие перевернуты, так как, очевидно, отскочили, когда была перервана нитка. По краям одежды — они находятся на другой стороне и не видны на рисунке — нашиты каймы из мельчайшего разноцветного стеклянного бисера. Наружная сторона ткани оказалась очень обманчивой, с виду она была довольно крепка, но при первой попытке поднять ее ткань рассыпалась в руке. Там же, где изнанка ее была в соприкосновении с другими предметами, она была еще в худшем состоянии.

Вопрос о том, каким способом обрабатывать ткани для сохранения, представлял в нашей гробнице чрезвычайную сложность вследствие дурного обращения, которому они подверглись первоначально. Если бы они были разостланы гладко или были бережно сложены, то обращение с ними было бы относительно просто. Нам было бы гораздо легче, если бы они были разбросаны в беспорядке по полу, там, где их кинули грабители. Ничто не могло быть для наших целей хуже, чем тот способ, которым с ними обошлись при новой уборке, когда разнообразнейшие одежды были скручены, смяты, связаны друг с другом и навалены в сундуки, иногда вместе с предметами, не имеющими с ними ничего общего.

В данном случае было легко каким-либо способом закрепить наружные части одежды и целиком снять их. Но против этого говорили серьезные соображения. Во-первых, это представляло собой серьезную опасность для вещей, лежащих ниже. Ибо, разбирая этот ларец, мы все время должны были следить, как бы в нашем возбуждении при обработке или вытаскивании одного предмета не причинить вреда другому, лежащему под ним и еще более ценному. Закрепив наружную часть одежды, мы лишались возможности узнать что-либо о ее размерах и форме, не говоря уже об отдельных украшениях. При обработке всех этих одежд возможны два пути. Чем-нибудь приходится пожертвовать, и мы должны были решить, жертвовать ли тканью или вышивкой. Консервирование делало вполне возможным спасение больших кусков ткани, но при этом способе мы бы неизбежно привели в беспорядок и повредили расположенную на другой стороне бисерную вышивку. Если же мы пожертвуем тканью и осторожно, кусочек за кусочком, ниточку за ниточкой, выщеплем ее, то мы сможем восстановить весь узор вышивки. Так мы обыкновенно и делаем. Впоследствии, в музее, можно сшить новую

одежду точно таких же размеров и разместить на ней первоначальные украшения: бисерную вышивку, золотые ромбы и т. д.

Реконструкции этого рода имеют бо́льшую археологическую ценность, чем несколько лоскутков сохранившейся ткани или куча отдельных бисеринок и ромбов. Размеры содержавшегося в этом ларце одеяния могут быть вычислены с значительной точностью по ее украшениям. На подоле была узорчатая кайма из мелкого бисера. Установить отдельные детали узора нам не удалось. С каймы спускался на равных промежутках ряд бисерных шнурков, каждый из которых заканчивался большим подвеском. Измерив промежуток между шнурками и умножив их на число подвесков, можно таким образом определить длину каймы, которая в свою очередь совпадает с шириной одежды. Затем, зная число употребленных на вышивку золотых ромбов, мы можем определить размеры всей вышитой поверхности, а разделив эту поверхность на известную нам длину подола, мы узнаем с достаточной точностью длину всего одеяния. При этом, конечно, предполагается, что одежда имеет везде одну ширину. В общем так оно и бывает, что подтверждается рядом простых одежд, которые мы могли измерить с совершенной точностью.

Это длинное отступление было необходимо, чтобы дать понятие о задачах, вставших перед нами. Теперь мы можем возвратиться к ларцу и приступить к самому исследованию его содержания. Прежде всего мы вынули тростниковые сандалии, оказавшиеся в удивительно хорошем состоянии и не представившие никаких трудностей. Затем следовала позолоченная подставка для головы, и наконец мы очень осторожно вынули одежду. При помощи раствора целлулоида нам удалось поднять совершенно неповрежденной большую часть лежавшей кверху стороны. Кусочки бисерной вышивки на подоле мы сохранили при помощи воска, чтобы впоследствии иметь возможность сообразоваться с нею. Ниже лежали три пары сандалий, или, точнее говоря, — две пары сандалий и пара туфель. Они сделаны из кожи, богато и очень искусно украшены золотом. К сожалению, состояние их очень неудовлетворительно. Прежде всего они пострадали при упаковке; еще хуже то, что кожа отчасти размякла и расползлась. Вследствие этого сандалии склеились между собой и пристали к другим вещам, так что чрезвычайно трудно было вынуть их из ларца. Их восстановление было поэтому чрезвычайно трудной задачей. Мы спасли уцелевшие золотые украшения при помощи раствора канадского бальзама, нанесен-

ного очень густым слоем. Впоследствии, вероятно, будет лучше изготовить новые сандалии и на них расположить старые украшения.

Под сандалиями лежала куча совершенно испорченных тканей, в большинстве случаев подобных массе сажи. Они были густо усеяны серебряными и золотыми розетками и ромбами. Некогда это были царские одежды. Можно себе представить, как трудна была попытка сделать хоть в некоторой степени понятные записи. Но различные величины и формы ромбов оказали существенную помощь. Здесь было по крайней мере семь различных одеяний. Одним из них был плащ из имитированной шкуры леопарда с позолоченной головой и с серебряными пятнами и когтями, два же другие представляли головные уборы, напоминающие сокола с распростертыми крыльями. С одеждой был перемешан ряд других вещей: два маленькие фаянсовые воротника из бисера с подвесками, две накидки или мешочка из тонкой бисерной вышивки, почти совершенно распавшиеся, небольшой деревянный щит с иератической надписью: «папирусные (?) сандалии его величества», перчатки из простого полотна, рукавица для стрельбы из лука, ткань из пестрых нитей, двойное ожерелье из больших плоских фаянсовых бус и несколько полотняных поясов или перевязей. Под одеждой был слой свернутых тканей и подстилок. В самом низу на дне ларца лежали две доски, снабженных в одном конце дырой для вешанья; назначение их еще неизвестно.

За немногими исключениями, — к которым принадлежат тростниковые сандалии, — вся одежда в этом ларце — детская. Первой нашей мыслью было то, что фараон приказал сохранить платье, которое он носил мальчиком. Но впоследствии на одном из поясов и на одном из золотых ромбов на одежде мы нашли наименование царя. Это указывает, что он носил эту одежду, когда был уже фараоном. Из этого должен быть сделан вывод, что он был еще мальчиком, когда вступил на престол. На этот вопрос дает нам интересный ответ надпись, находящаяся на крышке другого ларца и гласящая «прядь волос с виска (?) царя, когда он был мальчиком». Мы с напряжением ждем, каким окажется его возраст, когда мы увидим мумию. Во всяком случае повсюду, где на предметах погребального убранства имеется изображение царя, он неизменно представлен совершенно молодым человеком.

Надо сказать еще кое-что об одеждах, найденных в этом ларце и других сундуках. Многие украшены вышивками из пестрых

льняных ниток, другие вытканы, как ковры, сходные с остатками, найденными в гробнице Тутмоса IV. [1] Но среди них, несомненно, были и ручные вышивки. Ткани из этой гробницы представляют чрезвычайную важность для истории тканья и должны быть подвергнуты внимательнейшему изучению.

Описание разборки прочих сундуков завело бы нас слишком далеко. Во всех царил такой же беспорядок. Во многих лежало от пятидесяти до шестидесяти различных предметов, из которых каждый должен был получить свой номер. Разборка сопровождалась немалым возбуждением, потому что никогда нельзя было знать, не наткнешься ли на великолепный золотой скарабей, статуэтку или восхитительное украшение. Работа шла, конечно, медленно, потому что иногда приходилось употреблять много часов на то, чтобы установить точное расположение воротника, ожерелья или золотого украшения. Все было обычно покрыто пылью истлевших тканей. Часто много возни было с воротниками. Мы нашли их в общем восемь штук с эль-амарнскими лиственными и цветочными узорами, и требовалось много терпения и внимания, чтобы установить точное расположение подвесков. Табл. XVб дает изображение такого воротника, разложенного на стеклянной пластинке для фотографической съемки. Все эти воротники требуют еще продолжительной обработки для того, чтобы восстановить их первоначальную окраску, и необходимы еще значительные работы по починке разбитых частей или изготовлению недостающих, пока они в конце концов смогут быть снова собраны в целое. В одном случае нам посчастливилось: тройное ожерелье художественной работы с позолоченным грудным щитком на одной стороне и подвеском-скарабеем на другой оказалось правильно разложенным на дне сундука, так что нам удалось вынуть бусу за бусой и тут же вновь нанизать их в первоначальном порядке.

Труднейшей восстановительной работы, проделанной нами, потребовал уже многократно упомянутый парадный панцырь (табл. XIVа-б). Он сделан чрезвычайно искусно и состоит из четырех частей: из кольчуги, звенья которой инкрустированы золотом и сердоликом и к которой прикреплены боковые и наплечные повязки из золота с цветной инкрустацией, воротника обычного характера из золотых, сердоликовых, зеленых и синих фаянсовых бус и

[1] Carter and Newberry, Tomb of Thutmosis IV, табл. I и XXVIII.

двух великолепных пластинок из сквозного золота с цветной инкрустацией, украшающих одна — грудь, другая — спину. Изображения таких парадных панцырей в громадном числе встречаются на памятниках, и они составляли необходимую часть царского одеяния, но никогда еще до сих пор не был найден их полный экземпляр. К сожалению, отдельные куски его были чрезвычайно перепутаны, так что при восстановлении его оказались части, которых нам не удалось уяснить себе. Большая часть была найдена в сундуке 54, но, как я уже заметил выше, отдельные части находились также в золотом наосе и сундуках 101 и 115. Отдельные кусочки были найдены даже на полу передней комнаты, прохода и лестницы. Было интересно восстановить взаимное расположение всех частей, таблица XIV а-б показывает наш опыт реконструкции части этой вещи.

Эта вещь была найдена на груде фаянсовых жертвенных сосудов в сундуке 54. Это первоначальное расположение вместе с верхним и нижним краями из инкрустированных золотых пластинок дало нам узор и общее расположение частей и представило возможность также по двум или трем различным местам определить точно ширину кольчуги. Дальше мы заметили, что верхний край воротника прикреплен к наплечникам и что золотые палочки на плечах приходятся к концам наплечников. Точный вид воротника выяснился из частей, найденных в золотом шкафике. Здесь лежали также сквозные пластинки вместе с кусками воротника. Круглые загибы на их верхних краях доказывали, что они скрепляются с воротником. Здесь были найдены также другие золотые палочки, кроме предназначенных для плеч, и просверленные в них для ниток дырочки, точно совпадавшие с чешуйчатыми частями, доказывали, что они составляют часть кольчуги. Эти и плечевые палочки были скреплены передвижными булавками, которые закалывались, после того как весь доспех был надет. Наша нынешняя реконструкция сделана лишь в виде опыта для снятия фотографии. При этом единственный действительно сомнительный пункт заключается в том, относятся ли золотые палочки, как мы предположили, к передней и задней сторонам панцыря или к бокам. Мы отнесли их к первым, так как палочки имеют различную длину, и никакое другое расположение не дает возможности получить две одинаковые длины, необходимые для боков. С другой стороны передние и задние стороны панцыря были, как мы знаем, различной ширины. Недостает еще ряда

многих частей, но мы надеемся, что они еще окажутся во внутренней или боковой комнате.

Большую часть нашей лабораторной работы в течение зимы занял ларец, беспорядочное содержание которого мы старались привести в порядок. Обработка отдельных более крупных предметов была гораздо легче. Некоторые из них сохранились в очень хорошем состоянии, так что их понадобилось лишь очистить снаружи и записать. Другие же из-за мелких необходимых для перевозки поправок потребовали довольно много внимания.

Весь сор с пола и все осколки, полученные нами после подметания и просеивания последнего слоя пыли в передней комнате и проходе, мы ссыпали в один ящик, и нередко нам случалось находить там кусочек инкрустации или чего-нибудь другого, как раз необходимого для наших восстановительных работ. Колесниц мы еще не касались. Работа над ними должна быть проделана позже в Каире, ибо они состоят из многих частей, разборка и обработка которых требует большего помещения, чем то, каким мы располагаем в «Долине».

В конце зимы пред нами встал вопрос упаковки, — вопрос всегда тревожный, а в этом случае, в виду громаднейшей ценности найденных предметов, особенно важный. Чрезвычайно существенно было охранить их как от пыли, так и от повреждения. Поэтому каждая вещь, прежде чем ее укладывали в ее ящик, заворачивалась в вату или в полотно, или в то и другое. Очень хрупкие части, как, например, куски трона, ножки стульев, скамеек и кроватей или луки и жезлы обматывались тесьмой на тот случай, если при пересылке что-нибудь разойдется. Очень чувствительные предметы, как, например, погребальные букеты и сандалии, для которых не годится обыкновенная упаковка, укладывались в отруби. Много внимания было потрачено на то, чтобы все распределить по строго установленным группам: все ткани уложить в один ящик, все драгоценности — в другой и т. д. Возможно, что пройдет год или два, прежде чем эти ящики будут снова раскрыты, и тогда много времени и труда будет сбережено, если все однородные предметы окажутся вместе в одном ящике. В общем уложено восемьдесят девять ящиков. Во избежание опасности при перевозке эти ящики в свою очередь уложены в тридцать четыре больших упаковочных ящика.

Затем следовал вопрос перевозки. На берегу реки ждал грузовой пароход управления древностей, но от лаборатории к реке

вела ухабистая дорога в полтора километра длины с неудобными извивами и опасными спусками. Три средства передвижения были в нашем распоряжении: верблюды, носильщики или дековилевская переносная узкоколейка. Мы предпочли рельсовый путь в надежде, что на нем ящики подвергнутся менее опасным толчкам. И вот они были погружены на ряд платформ и вечером 13 мая были готовы спуститься вниз по «Долине», по тому самому пути, который они проделали при совсем иных обстоятельствах три тысячи лет тому назад.

На рассвете следующего утра платформы двинулись в путь. Если мы говорим здесь о железной дороге, то читатель не должен представлять себе это так, что мы уложили рельсовый путь по всему пространству вплоть до реки. Ибо это потребовало бы многомесячной работы. Наоборот, нам пришлось укладывать рельсы участками, а потом непрерывно снимать их после прохождения вагона и вновь укладывать, чтобы он двигался по ним дальше. Этим было занято пятьдесят рабочих. На каждого было возложено определенное дело: проталкивание вагона, укладка рельсов или перенесение освободившихся рельсов. Такой путь кажется очень скучным, но удивительно быстро на нем продвигаются вперед. В 10 часов утра 15 мая после пятидесяти часовой работы все расстояние было пройдено, и ящики погружены на пароход. Во время движения по неровной дороге в «Долине» пришлось пережить несколько тревожных моментов, но не произошло ничего серьезного. Свидетельством доброго усердия наших рабочих является то, что они проделали всю эту работу так быстро и без всякого несчастного случая. К этому надо прибавить, что работа производилась под палящим солнцем, при температуре значительно выше 37° в тени. Железные рельсы так накалялись, что до них почти нельзя было дотронуться.

Во время перевозки по реке ящики охранялись военной стражей, отряженной мудиром провинции, и после семидневного путешествия все благополучно прибыло в Каир. Здесь мы распаковали некоторые из ценнейших предметов, чтобы тотчас выставить их. Прочие ящики будут лежать в музее нераскрытыми в ожидании момента, когда мы получим возможность заняться работами по окончательному восстановлению вещей.

ГЛАВА IX

ВСКРЫТИЕ ЗАПЕЧАТАННОЙ ДВЕРИ.

В середине февраля наша работа в передней комнате была закончена. За исключением обеих статуй часовых, намеренно оставленных нами на месте, все было перенесено в лабораторию. Каждый дюйм пола был подметен и последняя бисеринка просеяна. Теперь в передней комнате не оставалось ничего. Наконец-то мы добрались до открытия тайны запечатанной двери.

Для этого был установлен день — пятница 17 февраля. Согласно уговору, в 2 часа дня перед гробницей собрались все, получившие право присутствовать при этом торжестве. К ним принадлежали: Карнарвон с дочерью, министр общественных работ Абд-эль-Галим-паша Сулеман, генеральный директор управления древностей Лако, Лайсго, руководитель египетского отделения нью-иоркского музея Метрополитэн проф. Брэстед, доктор Алан Гардинер, три египетские инспектора управления древностей, представитель правительственной прессы и наши сотрудники, в общем приблизительно человек двадцать. Собравшись, мы сняли сюртуки и спустились по наклонному проходу в гробницу.

В передней комнате все было наготове. Тем, которые с начала открытия гробницы не были здесь вторично, она, вероятно, показалась очень странной. Чтобы предохранить статуи от повреждения, мы обшили их досками. Между ними был устроен маленький помост, достаточно высокий, чтобы с него можно было достать до верхней части запечатанного входа, потому что мы решили начать работу сверху, что представлялось наиболее надежным путем. В небольшом отдалении за помостом находился саркофаг; мы расставили в комнате стулья для зрителей в предположении, что работа может продлиться много часов. С каждой стороны были установлены подставки для ламп, свет которых падал на дверь. Подумав об этом теперь, мы соображаем, что комната должна была представлять весьма необычайный вид. Думаю, что тогда

нам эти мысли не приходили в голову. Мы знали только одно: там перед нами высится запечатанная дверь, и если мы ее теперь откроем, то как бы пронесемся через тысячелетия. Мы окажемся в присутствии фараона, царствовавшего три тысячи лет тому назад. Когда я взошел на помост, мои чувства были в необычайном смятении, и моя рука дрожала, когда я сделал первый удар.

Я начал с того, что нашел деревянную балку над дверью, затем очень осторожно взломал штукатурку и снял маленькие камешки, образующие верхний слой. Я испытывал непреодолимое искушение остановиться и заглянуть туда. После десятиминутной работы, проделав отверстие, достаточное для этой цели, я просунул туда маленькую электрическую лампу. Поразительные вещи осветил ее свет. В расстоянии метра перед дверью высилось что-то столь широкое, что его нельзя было охватить взглядом, и преграждавшее вход в комнату. С виду это была стена из массивного золота!

В это мгновение мы не знали, что̀ собственно представляет собой эта стена. Поэтому я начал расширять отверстие с такой быстротой, на какую только мог решиться. Это было довольно трудно, так как кладка входа состояла не из одинаковых четырехугольных и правильно уложенных каменных плит, но из грубого неотесанного булыжника различных размеров, при чем некоторые камни были так тяжелы, что пришлось напрягаться изо всех сил, чтобы поднять их. Когда нижние камни были удалены, мы оказались в таком опасном неустойчивом положении, что малейшее неосторожное движение могло обрушить верхнюю часть стены внутрь открываемой комнаты на ее содержимое. Кроме того, мы попытались сохранить печати, оттиснутые на толстом слое извести, что значительно затрудняло работу по удалению камней. Теперь мне помогали Мейс и Каллендер, и каждый камень удалялся по заранее обдуманному плану. Я слегка отбивал его долотом, между тем как Мейс поддерживал его, чтобы он не упал; затем мы его поднимали и передавали Каллендеру, который отдавал его стоявшему за ним рабочему. Тот в свою очередь передавал его дальше рабочим, расставленным цепью по проходу, и дальше наружу за пределы гробницы.

По удалении немногих камней тайна золотой стены была раскрыта. Мы были у входа погребального покоя. Стена, преграждавшая нам путь, была частью громадного балдахина, вы-

строенного для прикрытия и охраны гроба. Теперь и зрители при свете ламп из передней комнаты могли видеть этот балдахин. По мере того как был удаляем один камень за другим и постепенно открывалась золотая поверхность балдахина, мы могли, словно через электрический провод, ощущать трепет возбуждения в зрителях, не смеющих переступить через порог. Фотографии, снятые во время работы (табл. XVI), могут дать читателю представление о картине, как она раскрывалась перед зрителями. Мы, непосредственно занятые работой, вероятно, были в меньшем возбуждении, так как все наши силы были поглощены нашей задачей: разобрать стену без повреждений.

Падение хоть одного камня на чувствительную поверхность саркофага могло причинить невозместимый вред. Поэтому, как только отверстие оказалось достаточно широким, мы для безопасности повесили за дверью матрац. Два часа тяжелой работы ушло на разборку запечатанной двери, или, по крайней мере, той части, которую в данный момент необходимо было разобрать для работы. Однажды, почти у самого низа, нам пришлось на некоторое время приостановить работу, чтобы собрать разбросанные бусы ожерелья, вытащенного грабителями из внутренней комнаты и брошенного на пороге. Это было тяжелым испытанием нашего терпения, потому что длилось долго, а все мы с крайним напряжением ожидали того, что может раскрыться в погребальном покое.

Но наконец была закончена и эта работа, последние камни убраны, и путь во внутреннюю комнату лежал открытым перед нами.

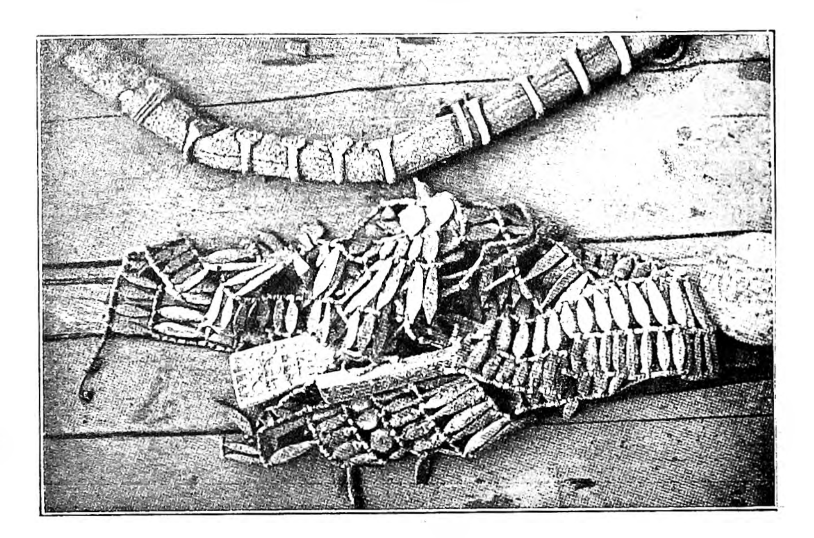
Уже разбирая камни запечатанной двери, мы заметили, что пол внутренней комнаты расположен на один метр ниже, чем пол передней. Так как между дверью и саркофагом оставалось очень мало места, то было очень трудно войти во внутреннюю комнату. К счастью, в этой ее части не было никаких вещей. Поэтому я смог спуститься и осторожно с переносной лампой в руке продвинулся до угла саркофага и заглянул дальше. На углу путь преграждали два прекрасных алебастровых сосуда; но я видел, что если убрать их, то мы сможем беспрепятственно пройти до конца комнаты. Поэтому, тщательно обозначив место, на котором они стояли, я убрал их (если не считать парадного царского кубка, то они сделаны из лучшего материала и имеют более изящную форму, чем какой бы то ни было из до сих пор най-

денных предметов) и передал их назад в переднюю комнату. Теперь за мною следовали Карнарвон и Лако. Мы осторожно ощупью продвинулись в узком проходе между саркофагом и стеной, а за ними тянулся провод нашей лампы.

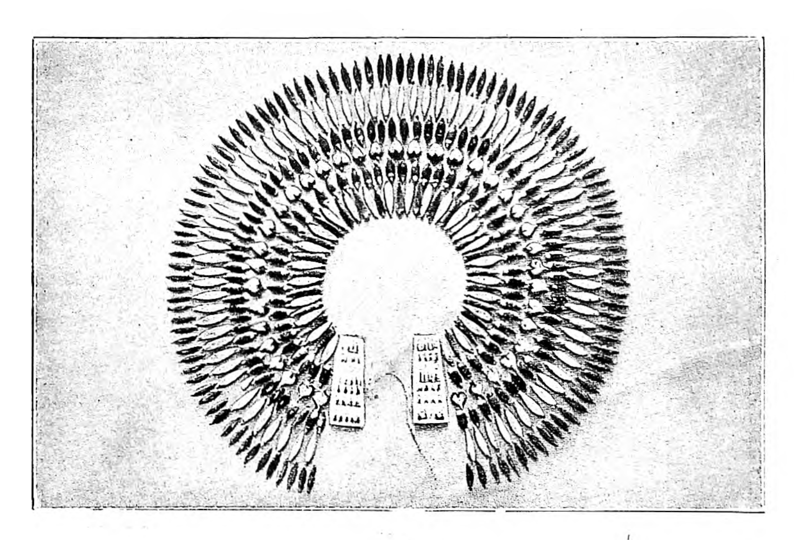
Мы стояли несомненно в самой усыпальнице. Перед нами возвышался один из больших позолоченных саркофагов (табл. XVI в), в которых хоронили царей. Это сооружение было так велико (как мы установили позже, 5,0 $\times$ 3,30 и 2,73 метра вышины), что заполняло почти всю комнату. Лишь узкий проход, приблизительно в 65 сантиметров ширины, отделял нас со всех четырех сторон от стен, между тем как его крыша почти касалась потолка.

Сверху до низу он был покрыт золотом, по сторонам его была инкрустация из блестящего синего фаянса, где в многократных повторениях были рассеяны магические знаки, назначением которых было сообщить саркофагу крепость и безопасность. На полу вокруг саркофага стояли погребальные приношения, а на северной стороне мы нашли семь магических весел, необходимых царю для переправы через воды преисподней. В противоположность стенам передней, стены внутренней комнаты были украшены пестрыми рисунками и надписями очень яркими, но как-будто несколько небрежными в исполнении.

Эти последние подробности, вероятно, лишь позже были замечены нами, так как теперь единственной нашей мыслью был саркофаг и его целость. Проникли ли в него воры и взломали ли они гроб фараона? С восточной стороны большие двустворчатые двери были заперты замками и засовами, но не запечатаны. Они должны были дать ответ на наш вопрос. Мы поспешно отодвинули засовы и открыли дверь. Внутри находился второй саркофаг с такими же запертыми дверями, и на запорах виднелась — нетронутая печать! Мы решили не взламывать ее, так как наши сомнения были устранены, и мы не могли проникнуть дальше, не нанеся повреждения памятнику. Я думаю, в этот момент мы и не хотели взламывать печати, так как уже открытие дверей вызвало в нас чувство кощунственного вторжения. Это чувство, быть-может, было еще усилено захватывающим впечатлением от свисавшего над внутренним саркофагом полотняного гробового покрова, усеянного золотыми розетками. В нашем воображении мы могли открывать двери следующих саркофагов одну за другой, пока за последней не окажется сам фараон. Осторожно и как

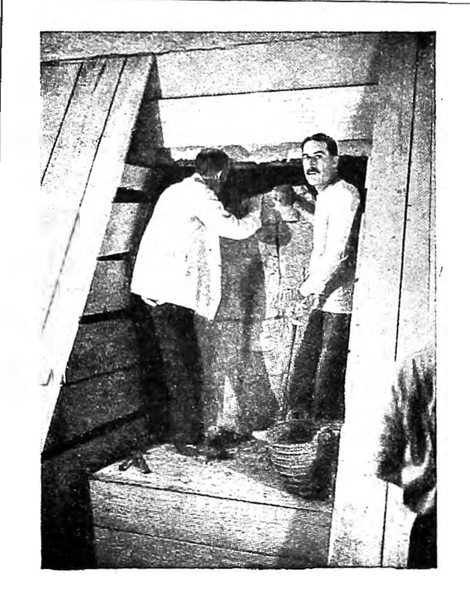

а

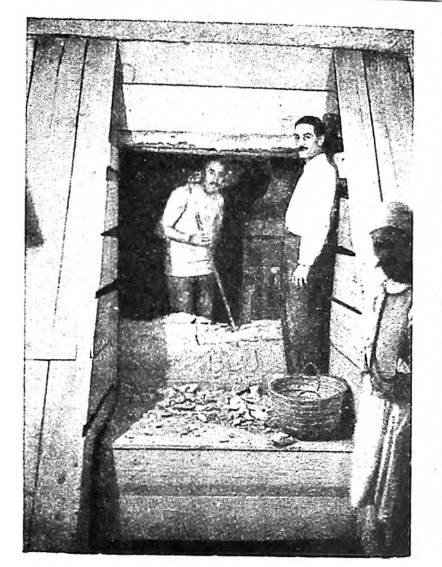

б

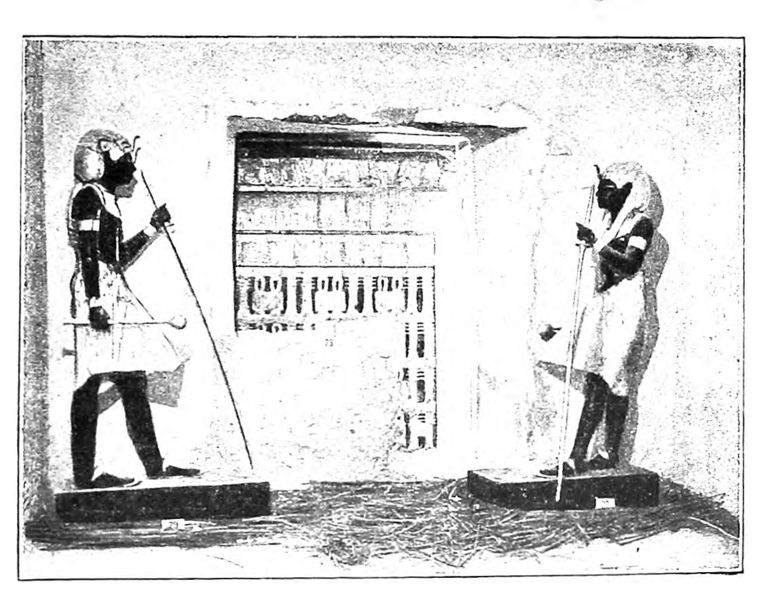
Ожерелье, найденное на крышке одного из ларцов:
а) до реставрации, б) после реставрации.

а

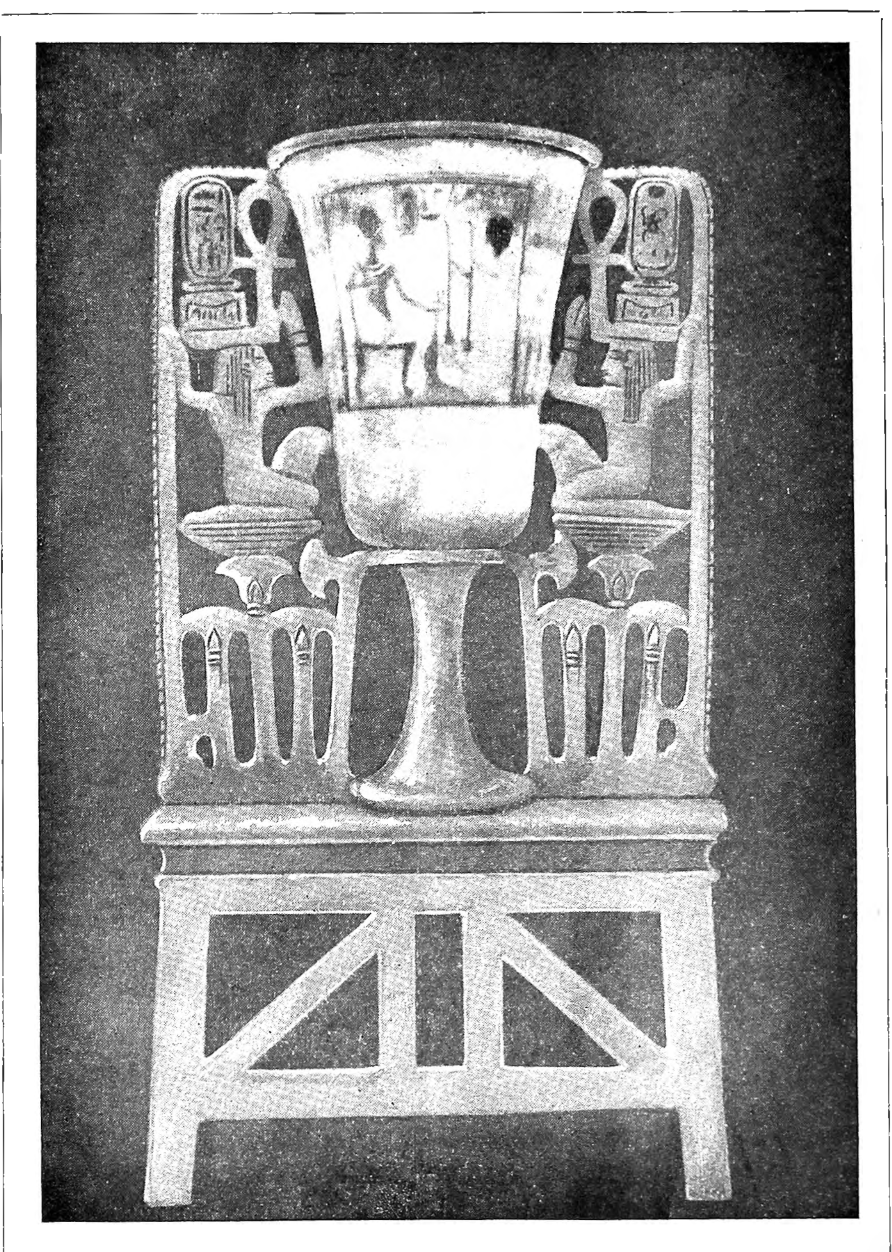
б

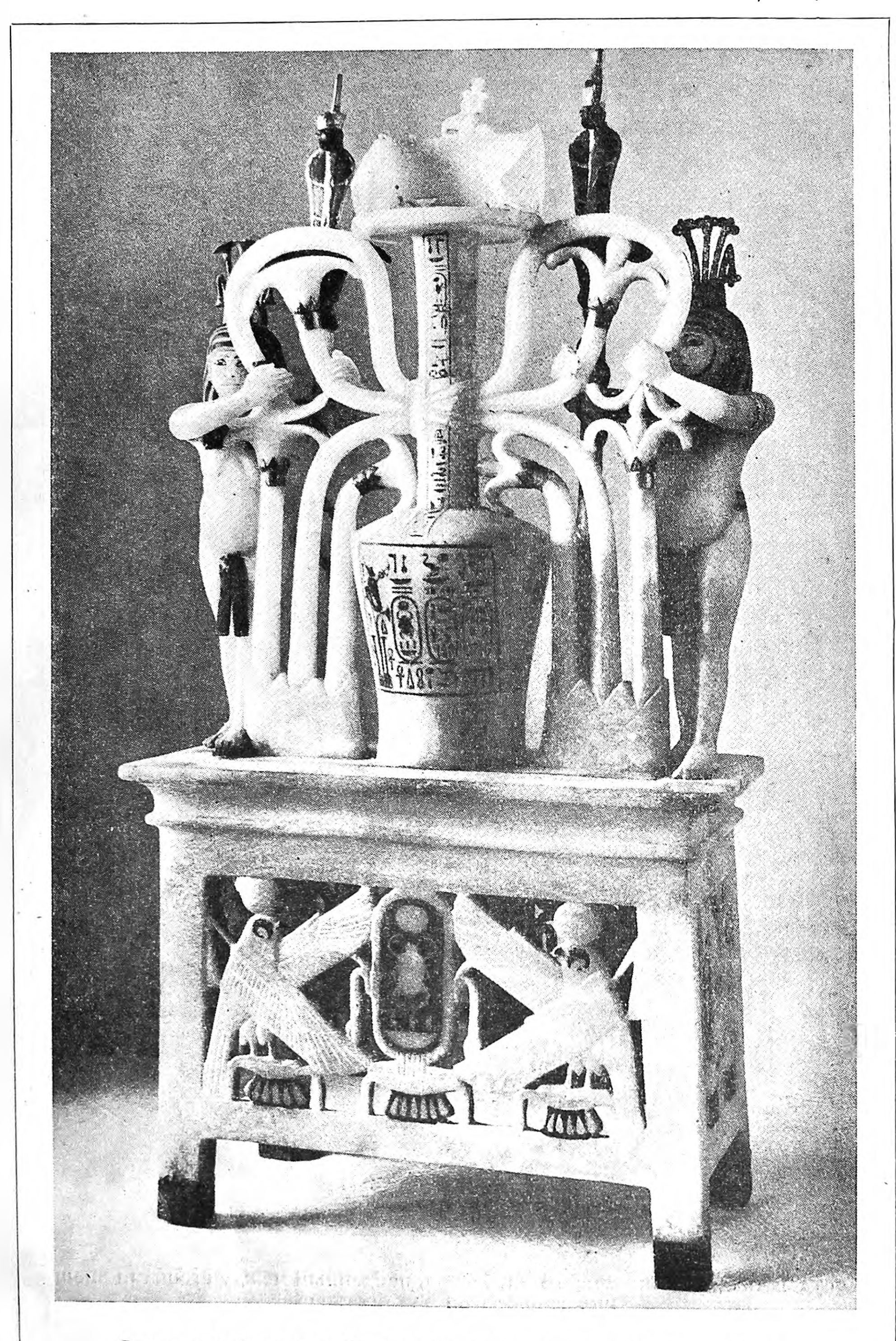
в

а — б) Карнарвон, Картер и Мейс вскрывают дверь комнаты с саркофагом.

в) Внешний ящик над саркофагом царя.

Сосуд-лампада из сквозящего алебастра, найденный между стенками внешних саркофагов Тутанхамона.

Сосуд для благовоний из алебастра с золотыми украшениями.

можно тише мы закрыли большие двери и прошли дальше к другому концу комнаты.

Здесь ждала нас неожиданность, так как на восточной стороне погребального покоя оказался низкий проход, ведущий в следующую комнату меньше и ниже других. Этот вход в противоположность прежним не был ни заперт ни запечатан. С места, на котором мы стояли, было возможно подробно рассмотреть содержание этой комнаты. Достаточно было бросить один лишь взгляд, чтобы убедиться, что здесь заключены величайшие сокровища гробницы. Прямо против входа у противоположной стены стоял прекраснейший памятник, какой мне когда-либо приходилось видеть, — такой чудесной красоты, что от изумления и восхищения захватывало дыхание. В середине этого памятника стоял большой шкафообразный ларец, сверху донизу покрытый золотом и наверху завершавшийся карнизом из змей уреев. Его окружали изваяния четырех богинь — покровительниц усопших, грациозные фигуры которых с простертыми для защиты руками, были так естественны и живы в позах, так исполнены сострадания и жалости в выражении лиц, что созерцание их ощущалось почти как кощунство. Каждая из этих богинь-покровительниц охраняет ларец с своей стороны. Но между тем как взгляд двух из них неподвижно прикован к доверенному их охране предмету, глазам двух других сообщено выражение захватывающей естественности. Склонив головы на сторону, они смотрят через плечо на вход, словно сторожа его. Величие простоты отличает этот памятник, и я не стыжусь признаться, что не мог произнести ни слова. Несомненно, это — ларец, содержащий каноны — сосуды, играющие столь важную роль при бальзамировании. [1]

В этой комнате был еще ряд чудесных вещей. Но в это время нам было трудно сосредоточиться на них, так как наши взгляды не могли оторваться от прелестных маленьких богинь. Непосредственно перед входом было изваяние шакала — бога Анубиса, лежащее в полотняных покровах в гробу на снимающихся полозьях, а за ним голова быка на подставке: то и другое — символы преисподней. Вдоль южной стены комнаты тянулся ряд черных ларцов и сундуков; все они были заперты и запечатаны,

---

[1] При бальзамировании мозг мертвеца, вытащенный крючком через ноздри, и внутренности, вынутые через разрез, сделанный в животе, предавались погребению в кувшинах (канопах) вместе с мумией.

кроме одного ларца, в открытые двери которого можно было видеть изваяния Тутанхамона, стоящие на черных леопардах. У задней стены стояли еще другие шкафообразные ларцы (наосы) и миниатюрные гробики из вызолоченного золота, несомненно заключающие статуэтки фараона (ушебти) в виде покойника. В середине комнаты, слева от Анубиса и быка, стоял ряд великолепных ларцов из слоновой кости и дерева с инкрустацией из золота и синего фаянса; приподняв крышку одного из них, мы увидели великолепное опахало из страусовых перьев с ручкой слоновой кости, такое свежее и крепкое, словно оно только что сделано. В различных частях комнаты был рассеян ряд моделей судов со всеми парусами и снастями, а у северной стороны стояла колесница.

Таково было на первый взгляд содержимое сокровищницы. Со страхом искали мы признаков грабежей, но извне их не было видно. Несомненно, воры побывали и здесь, но они могли открыть никак не больше двух или трех ларцов, На большинстве из них, как я уже сказал, видны были нетронутые печати, и к счастью, все предметы в этой комнате, в противоположность тому, что мы видели в передней и боковой комнатах, стоят на том самом месте, где они были поставлены при погребении.

Сколько времени употребили мы на первый обзор чудес гробницы, я не могу сказать, но оно, должно быть, тянулось бесконечно для тех, кто ждал в передней комнате. Без опасности можно было впустить не больше трех человек. И после того как вышли Карнарвон и Лако, стали попарно входить остальные. Было интересно наблюдать их из передней комнаты, когда они, возвращаясь, один за другим появлялись в дверях. У всех горели глаза, все друг за другом подымали руки, словно в бессознательном смущении невозможности описать словами представшие пред ними чудеса. Да, они и были неописуемы, и если бы в нашем распоряжении и были слова, то волнение, возбуждаемое ими в нас, было слишком велико, чтобы его можно было передать другим. Это было событие, которого, разумеется, никто из нас присутствующих не сможет забыть никогда, потому что в нашем воображении мы присутствовали при погребении давно умершего и почти забытого фараона. В четверть третьего мы спустились к гробнице, и когда через три часа мы, разгоряченные, усталые и покрытые пылью, вышли снова на свет, сама «Долина» показалась нам изменившейся и в каком-то особенном свете. Тяжесть свалилась с нас.

На один из следующих дней был назначен осмотр гробницы египтологами; к счастью, возможность приехать имело большинство находившихся в это время в Египте. Неделю спустя после осмотра ее рядом избранных посетителей, гробница по вышеуказанным причинам была заперта и еще раз засыпана.

Здесь кончается первая стадия нашей работы над гробницей Тутанхамона.

Обратимся теперь к предстоящим. Зимою 1923—1924 года первой нашей задачей будет — и это дело трудное и страшное — вынуть один из другого саркофаги погребальной комнаты. Судя по папирусу Рамсеса IV, можно полагать, что здесь окажется не меньше пяти таких саркофагов, заключенных один в другой, прежде чем мы дойдем до каменного гроба; в котором лежит фараон. В промежутках между этими саркофагами мы надеемся найти еще ряд прекрасных вещей. На мумии, которая, как мы верим и надеемся, осталась не тронутой грабителями (этого можно ждать с уверенностью), мы найдем короны и другие регалии царя египетского. Сколько продлится эта работа в погребальной комнате, невозможно установить теперь, но она должна быть закончена прежде, чем мы перейдем к самой последней комнате, и это будет еще большим счастьем, если нам удастся справиться с обеими комнатами за одну зиму. Еще одна зима, несомненно, понадобится для боковой комнаты, где вещи навалены в невероятном беспорядке. Воображение отказывается служить нам при мысли о том, что может еще открыть нам гробница, ибо описанные в этой книге вещи представляют собою лишь четвертую часть—и вероятно, наименее важную из сокровищ, содержащихся здесь. Нам придется до конца нашей работы пережить еще немало волнующих мгновений. С одушевлением приступаем мы к работе, лежащей перед нами.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ГРОБНИЦЫ

(Очерк проф. *Н. Флиттнер*)

В начале 1923 г. Карнарвон и Картер закончили предварительный обзор, регистрацию и описание инвентаря первой кладовой гробницы Тутанхамона. Боковое помещение ее решено было до поры до времени не трогать, так как его загроможденность и пестрота содержимого требовали большого времени, а наступление периода ветров и тучи мелкой, сухой пыли, поднимаемой ими, делали невозможным дальнейшее пребывание в «Долине Царей». Решено было поэтому ограничиться вскрытием замурованной двери, охраняемой статуями Тутанхамона, произвести беглый осмотр помещения, находящегося за ней, затем снова запечатать и засыпать гробницу и, отложив дальнейшие работы до осени 1923 г., заняться изучением и подготовкой к изданию уже добытых результатов.

17-го февраля 1923 г. исследователи проникли в замурованное помещение. Беглый осмотр его показал, что оно соответствует той комнате, которая на Туринском плане гробницы, опубликованном в 1917 г. Картером и Гардинером, называется «золотой». Вся она, за исключением узкого прохода кругом в $1/2$ метра, была, так сказать, выполнена огромным сооружением в форме прямоугольного ящика из дерева, покрытого позолотой, инкрустированного орнаментом из голубого фаянса. Это сооружение служило как бы футляром второму, такой же формы, украшенному рельефными изображениями и покрытому позолотой. Дверцы этого второго сооружения оказались запертыми и запечатанными печатью Тутанхамона, что дало полную уверенность в том, что тело царя окажется нетронутым, так же как и все предметы, положенные с ним вместе в саркофаг.

Рядом с «золотой» комнатой была обнаружена еще одна кладовая, — третья по счету, — один беглый взгляд на которую

показал, что здесь исследователи найдут вещи изумительной художественной ценности и значения.

Концессия Карнарвона на право производства работ в «Долине Царей» истекала только к ноябре 1924 г. Решено было возобновить работы в гробнице по возможности рано осенью, в виду вполне понятного напряженного интереса, вызванного открытием.

Но судьба готовила иное, и Карнарвону не суждено было лично закончить дело, начатое так блестяще. Непредвиденная случайность—укус москита—вызвала заражение крови, и 6 апреля 1923 года после трехнедельных страданий Карнарвон скончался.

Интересно отметить, какую крупную роль сыграл случай в жизни этого энергичного исследователя вещественных памятников древнего Египта. Карнарвон родился в 1866 году, получил среднее образование в Итоне, затем поступил в Кембриджский университет. С детства он уже занимался коллекционированием. собирал марки, отдавая таким образом дань обычному увлечению школьников всех стран. В университете он серьезно увлекался собиранием рисунков и гравюр французских мастеров. Будучи вместе с тем страстным спортсменом, он совершил кругосветное плавание на парусном судне и принимал участие в автомобильных гонках. Именно автомобиль послужил до известной степени носителем судьбы для Карнарвона в деле направления его энергии и интересов в сторону египтологии. Во время поездки в автомобиле по Германии он стал жертвой тяжелой катастрофы. Сотрясение мозга, ожог обеих ног, перелом руки, повреждения лица и временная слепота надолго приковали его к постели и навсегда сделали для него невозможным занятие спортом. Зиму ему пришлось проводить вне Англии, и под влиянием впечатлений, полученных им в Египте еще в период первого пребывания там, в 1903 году, он решает посвятить все свои досуги и значительные средства на археологические исследования в этой стране древнейшей культуры.

Начало его работ было мало успешно в виду отсутствия у него специальных знаний и археологических навыков. Знаменитый французский египтолог Масперо посоветовал ему заручиться сотрудничеством Говарда Картера, художника и археолога. Из их первого, чисто делового свидания выросло 16-летнее сотрудничество и дружба двух людей, связанных общими интересами и общим делом. Результаты своей совместной работы Карнарвон и Картер опубликовали в 1912 году под заглавием «Пять лет раскопок

в Фивах», при чем в Карнарвоне обнаружился незаурядный исследователь, отнюдь не дилетантского типа, сумевший основательно ознакомиться с той отраслью знания, которой он решил посвятить свои силы.

История их дальнейших совместных изысканий в «Долине Царей» в поисках гробницы Тутанхамона исчерпывающе изложена выше самим Картером. Таким образом в нашу задачу входит только возможно более детальное изложение результатов работ, достигнутых после смерти Карнарвона.

В свое время сотрудник и рецензент брюссельской «Chronique d'Egypte», нового специального обозрения в области египтологии, отмечал чрезвычайную скупость официальных сообщений о дальнейшем ходе работ, что могло дать полный простор подчас совершенно фантастическим измышлениям журналистов, стремящихся удовлетворить любопытство широкой публики. Строгая тайна, в которой велись работы, может быть была чрезвычайно полезна для дела, давая возможность спокойного, серьезного исследования, но вполне правы были специалисты-египтологи, выражавшие пожелание получать вместо фантастики случайных газетных заметок детальные, исчерпывающие сообщения, гарантированные подписью Картера или профессора Лако, директора департамента древностей в Каире. Однако, вина в данном отношении падает отнюдь не на Картера, а на сложившиеся обстоятельства.

Смерть Карнарвона нанесла делу исследования гробницы Тутанхамона чувствительный удар. В первый же момент остро встал вопрос о том, кто будет давать средства на дальнейшие работы.

Америка предлагала свои услуги, но вдова Карнарвона решила в память покойного возобновить концессию и оставить по прежнему во главе работ Картера, воспользовавшись, однако, помощью сотрудников экспедиции нью-иоркского музея изящных искусств во главе с Мейсом, уже сотрудничавшим с Картером и Карнарвоном в первый период их работ в гробнице. Однако, египетскими властями временно был наложен запрет на дальнейшее ведение раскопок. Немаловажную роль в этом запрещении сыграли, судя по всему, борьба политических партий и национальная неприязнь к Англии, представителем которой являлся Картер, как уполномоченный Карнарвона. Исследователям ставился в вину их договор с «Таймсом», на основании которого этот последний получил преимущественное право публикации сообщений о ходе работ.

После долгих переговоров — в январе 1925 г. концессия была заключена с леди Карнарвон, на условиях предоставления ей дублетов вещей из гробницы по ее выбору. Запрещение было снято, но Картер обязался привлечь к своей работе доверенных египетского правительства и директора департамента древностей (Service des antiquités) профессора Лако. Кроме того, ему пришлось дать обещание впредь до составления научного труда о раскопках не выпускать самостоятельных сообщений и в особенности фотографий. Таким образом упрек в чрезмерной скупости сообщений, оставаясь в силе, падает не на Картера, но на создавшиеся условия раскопок. До известной степени этот пробел был пополнен докладом Картера в Royal Institution of Great Britain в 1925 году, в котором он остановился преимущественно на результатах второго и третьего сезона работ; доклад этот затем был опубликован со всеми фотографическими снимками. Дальнейшее наше изложение строится главным образом на этой лекции Картера, на данных официальных сообщений и на появившемся в 1927 г. втором томе книги Картера и Мейса.

Приступая к описанию своих работ, Картер останавливается в самых беглых чертах на первом впечатлении от кладовой, вскрытой им еще совместно с лордом Карнарвоном: пестрое нагромождение разнообразнейших предметов напоминало театральную бутафорскую кладовую, а процесс извлечения отдельных предметов из нее сильно походил на игру в гигантские бирюльки.

Американец Мейс взял на себя руководство лабораторией, где на очереди стояли реставрация и консервирование великолепных колесниц и парадных лож. Одновременно Картер, в сотрудничестве с Каллендером, приступил к вскрытию саркофагов. Пришлось, во-первых, с огромными предосторожностями удалить стену, отделяющую первую кладовую от комнаты с саркофагом, потому что ограниченное пространство и удушливая жара тесного помещения делали невозможной работу. Затем приступили к разборке огромного сооружения над саркофагом, имевшего форму ящика с дверцами на восточной стороне и заполнявшего почти всю комнату. Отдельные части этого навеса были сделаны из дубовых досок, покрытых слоем позолоченного левкаса. Каждая такая отдельная деревянная панель весила около тонны (вес увеличивался фаянсовыми инкрустациями); от долгого пребывания в сухом и жарком воздухе дерево ссохлось, между ним и левкасом образовались пустоты, что могло вызвать осы-

нание левкаса с позолотой. Задача разнимания отдельных частей этого первого сооружения усложнялась еще тем, что деревянные панели были скреплены между собою деревянными же шипами, скрытыми, однако, в толще дерева. Слегка раздвинув щели соединений, удалось разнять их и, введя тонкую пилку, распилить деревянные шпеньки. Внутри этого первого сооружения оказалось второе, также из дерева, великолепно вызолоченное, украшенное изображением окрыленного солнечного диска и, на дверцах, рельефными изображениями юного царя, предстоящего перед Осирисом и солнечным божеством. Дверцы были закрыты бронзовым засовом, перевязаны тщательно веревкой и запечатаны царской печатью. И это второе сооружение пришлось разнять на части, чтобы получить возможность вынести его из тесного помещения склепа. Это оказалось еще более трудным, потому что между стенками первого и второго сооружения было найдено значительное количество вещей большой ценности, которые требовали осторожного удаления. Затрудняла работу также деревянная надстройка над вторым саркофагом, на которую был накинут огромный полотняный покров, вышитый бронзовыми позолоченными розетками, прикрепленными к деревянной основе. Под тяжестью розеток передняя часть тяжелого покрова оторвалась и свалилась в узкое пространство между саркофагами. Необходимость сохранить покров по возможности неповрежденным заставила принять ряд предосторожностей сперва для его удаления, а затем для его реставрирования и консервирования, задача, которую взял на себя один из крупных английских египтологов, профессор Ньюберри.

Обнаружилось и еще одно затруднение: скрепы отдельных частей были здесь не деревянные, а бронзовые, снабженные картушами с царскими именами, что делало совершенно невозможной распилку их без повреждения надписей.

В общей сложности пришлось удалить последовательно четыре таких внешних саркофага, замечательной работы, с золочеными рельефными украшениями. Все они оказались не тронутыми грабителями, на всех были целы печати. Под ними оказался великолепный каменный саркофаг из желтого кристаллического песчаника, имевший 2,75 метра в длину, 1,47 метров в ширину и столько же в вышину. По четырем углам саркофага были рельефом изображены четыре богини — покровительницы усопших: Исида и Нефтида, Нейт и Селькис, которые широко распростертыми крыльями обнимали саркофаг, ограждая тело царя

от всякого зла. По верхнему краю гроба шла иероглифическая надпись — обычная заупокойная формула, знакомая нам уже по другим саркофагам. Некоторое недоумение исследователей вызвала крышка. Она была не из песчаника, как саркофаг, но из гранита, при чем при помощи окраски, очевидно, постарались сделать ее более грубый материал похожим на твердый, желтый кристаллический песчаник — кварцит. Посредине шла трещина, несколько осложнившая поднятие этой каменной глыбы, весящей около полуторы тонны. Относительно причин, заставивших употребить для крышки саркофага материал, отличный от того, из которого был сделан самый гроб, можно высказывать только одни предположения.

В общей сложности работы этого сезона заняли полных восемьдесят четыре дня, после чего они были опять приостановлены впредь до следующей осени. Это являлось тем более необходимым, что в промежутках между стеной и первым навесом — саркофагом и между стенками остальных надстроек над каменным гробом было найдено большое количество вещей значительной художественной и археологической ценности, которые требовали, конечно, тщательной обработки в лаборатории, изучения, фотографирования, перевозки и размещения в Каирском музее. Эта сложная работа была выполнена к концу третьего сезона работ. Понятно вполне напряженное и нетерпеливое ожидание исследователей и всех интересующихся гробницей того момента, когда снова можно будет приступить к ознакомлению с содержимым каменного саркофага. Насколько возможно было установить, гроб или гробы, в которых по предположению еще покоилась мумия юного царя, был прикрыт покровом. Незадолго до нового приостановления работ на время ветров и наводнения каменная крышка саркофага была снята в торжественной обстановке, в присутствии представителей египетского департамента древностей и правительственных чиновников, удалены были покровы из полотна, и под ними был обнаружен великолепный человекообразный гроб, деревянный, сплошь покрытый золотым листом с чеканными рельефом рисунками; лицо и руки были сделаны здесь из массивного драгоценного металла, очевидно, со значительной примесью серебра, потому что они отличались по цвету от остальной позолоченной поверхности гроба. Этот антропоидный саркофаг покоился на золоченом ложе, очень схожем с теми, которые были найдены в первой кла-

довой; его изголовье было украшено скульптурными головами львов.

Остановимся вкратце на обзоре главнейших памятников искусства, найденных между стенками внешних четырех саркофагов. Все они, так же как и инвентарь первой кладовой, распадаются на вещи культового назначения и на личное имущество царя, употреблявшееся им при жизни. Особенного упоминания заслуживают великолепные вазы для притираний из прозрачного восточного алебастра. Одна из них, тройная, изображала три цветка лотоса, соединенные стеблями воедино, — может быть, символическое изображение фиванской триады. Между стеной и первым внешним ящиком был найден другой великолепный сосуд, тоже из прозрачного алебастра (табл. XVII). Ручки его изображали фигуры коленопреклоненного бога многолетия Хеха, поддерживающего картуши с царскими именами и знаки АНХ. Сосуд был сделан двойным, то-есть в первую вазу, несколько больших размеров, была опущена вторая, имевшая на стенке цветной рисунок, изображающий юную царскую чету. Рисунок в обычных условиях не был заметен и проступал цветным сквозящим орнаментом лишь когда внутри зажигали фитиль. Очевидно, эта великолепная лампада была внесена в усыпальницу горящей: фитиль и следы масла, в котором он плавал, еще сохранились. Чрезвычайно яркое представление о характере прикладного искусства этого времени дает еще один сосуд, также алебастровый, все детали которого исполнены из золота и слоновой кости. Самый сосуд изображает иероглифический знак соединения обоих Египтов. Символические изображения Верхнего и Нижнего Египта в форме цветов лилии и метелок папируса переплетаются по сторонам, образуя ручки сосуда и узлом охватывая его горлышко. За ними, как бы придерживая их стебли, стоят две муже-женские фигурки бога Хапи — Нила и две растительные колонки, увенчанные уреями (змеями) в коронах Нижнего и Верхнего Египта (табл. XVIII и XIX). На горлышке вазы — богиня, коршун с распростертыми крыльями. На теле вазы врезаны имена царя и царицы, на подставке — царские картуши, поддерживаемые копчиками. К сожалению, горлышко вазы дало трещину, может быть, благодаря тому, что душистое вещество, содержавшееся в ней, забродило. Очень хорош небольшой цилиндрический сосуд для притираний, ножками которого служат головы азиатов и негров — эмблемы власти царя, простирающейся и на страны этих народов. Стенки этой вазы украшены отличным

рисунком, врезанным в камень и раскрашенным. Рисунок изображает сцены жизни в пустыне: львов, терзающих быков, и собак, нападающих на газелей. По бокам вазы еще изображены растительные колонки, увенчанные головками Беса. На крышке лежит скульптурная фигурка льва с высунутым красным языком. Самое интересное в этом сосуде — его содержимое, притирание для лица, вполне сохранившееся и все еще благоухающее. Анализ его в настоящее время производится д-ром Скоттом, и таким образом мы скоро сможем пополнить нашу коллекцию египетских косметических рецептов. Кроме этих высокохудожественных сосудов были найдены простые глиняные, остродонные, для вина и меда, с надписью: «Год пятый, мед (вино) дома Тутанхамона».

Из тех же промежутков между стенками внешних саркофагов были извлечены весла для плавания покойного в потустороннем мире. Попутно нелишнее будет указать, что в кладовой было найдено много ладей, отличной отделки, разнообразной оснастки, с отлично сохранившимися парусами.

В большом количестве были найдены посохи и жезлы царя. Особенное внимание обращают на себя два жезла, серебряный и золотой, совершенно одинаковые по форме. Они представляют собой полый стержень около 1,25 метра длины, на котором укреплена массивная статуэтка молодого царя, отличной работы, около 8 сантиметров вышиною. Картер считает их церемониальными жезлами, в роде тех, которые и по настоящее время употребляются при английском дворе. Любопытен простой тростниковый посох, обвитый золотой проволокой, украшенный золотыми перехватами.

Некоторый интерес представляет собою небольшое деревянное изображение гуся черного цвета, очевидно, стоящее в связи с религиозными представлениями и являющееся эмблемой божества.

Найдены также две эмблемы бога Анубиса в форме шкуры, висящей на шесте с лотосообразной капителью. Золотые эмблемы воткнуты в алебастровые вазы.

Чрезвычайно любопытна серебряная военная труба, судя по надписи посвященная трем царским полкам имени Амона, Ра и Птаха. В трубу было вставлено деревянное ядро в виде цветка лотоса на длинном стебле, назначение которого было предохранять трубу от возможной порчи при перевозке. Картер

испробовал звук ее и нашел, что она звучит попрежнему громко и чисто, как когда-то, более трех тысяч лет тому назад. Деление египетской армии на корпусы имени Амона, Ра и Птаха до сих пор было известно по памятникам эпохи Рамсеса II. Находка Картера позволяет отнести его ко времени еще XVIII династии.

На ряду с этой серебряной трубой, так удачно заполняющей для нас пробелы в знакомстве с египетской музыкой, между третьим и четвертым саркофагом — надстройкой была найдена пара великолепных опахал, формы, до сих пор употребляемой в Ватикане папами. Одно из этих опахал лежало в головах внутреннего саркофага, другое — вдоль его южной стенки. Одно из них сделано из золота и черного дерева, инкрустировано бирюзой, ляпис-лазурью и стеклом цвета сердолика, в длину имеет около 1,52 метра, надпись на нем содержит имя царя. Еще более интересно второе опахало, длиною (со стержнем) около 1,22 метра. Оно сделано из чеканного золотого листа. На лицевой стороне изображен молодой царь на колеснице, охотящийся на страусов. Позади царя изображено опахало совершенно такого же типа, как и найденные. На оборотной стороне изображен царь, возвращающийся с охоты, с охапкой перьев под мышкой. Спереди царские слуги тащат мертвых страусов. Надпись на ручке гласит, что охота происходит в «пустыне восточной, Гелиопольской».

Одним из наиболее ценных памятников с точки зрения истории египетского искусства является небольшой золотой ларец с рельефными изображениями, выдержанными совершенно в стиле Телль-Амарнской школы: царь сидит на складном стуле и стреляет из лука уток, вспархивающих из тростниковых зарослей; юная царица, сидя у его ног, одной рукой подает ему стрелу, другой указывает на утку. У ножки стула стоит ручной львенок. Другое изображение дает также интимную сцену, — царь, держа в одной руке букет, льет благовония в руку царицы, сидящей у его ног.

Большое внимание Картер уделяет во втором томе своего труда описанию росписей на стенах комнаты с саркофагами, действительно представляющих большой интерес с исторической точки зрения, — художественная ценность этих росписей не так высока, как можно было бы ожидать от царской гробницы.

Стены оказались поросшими мелким коричневым грибком, споры которого могли быть случайно занесены и которые нашли

благоприятную среду — влажный штук росписей и высокую температуру. Однако, грибки давно отмерли, как мертвы были и все найденные насекомые, жучки, питающиеся органическими остатками, мелкие пауки, кстати сказать, пород, обитающих и в наши дни в Нильской долине. Стены и дальние углы комнаты саркофагов были немедленно по вскрытии ее вытерты стерилизованными тряпками; исследование их в лаборатории показало полное отсутствие микроорганизмов. Картер особенно подчеркивает это в опровержение нелепых слухов, ходивших одно время о возможности заражения Карнарвона во время работ в могиле.

Стиль росписей очень напоминает росписи гробницы фараона Эйе; он является продолжением не фиванской, а Телль-Амарнской традиции. Очевидно, роспись нашей гробницы была сделана после погребения царя, ибо стена между первой кладовой и комнатой саркофага была выложена только после внесения в гробницу этого последнего; а роспись этой стены является дальнейшим развитием сцен на других трех стенах и по характеру ничем от них не отличается.

На восточной стене мы видим погребальную процессию.

Саркофаг на львином ложе стоит в ладье, которую тянут на санях придворные. Надпись гласит: «вельможи царского дома отправляются с Осирисом — царем Тутанхамоном к западу. Они восклицают: «о царь, гряди в мире! О, бог! защитник всей страны!» Исторический интерес представляет восточный угол северной стены, — Эйе, наследник, а может быть и соправитель Тутанхамона, украшенный царскими инсигниями и шкурой жреца «сем», отверзает уста Осирису-Тутанхамону.

Минуя чрезвычайно детальное и ценное для специалистов описание конструкции и орнаментировки найденных в гробнице колесниц, переходим к вопросу о вскрытии и исследовании трех внутренних, человекообразных гробов (табл. XX). Этой работе решено было посвятить зиму 1925/26 г. и, в виду ее огромной ответственности и сложности, приступить к вскрытию несколько раньше обычного времени. Уже 10-го октября Картер снова распечатал гробницу. Опасения его, что в открытый кварцитовый саркофаг могла проникнуть пыль, не оправдались, благодаря тому, что на него было наложено вместо крышки стекло. Под покровом из холста и под цветочными гирляндами, на ложе, украшенном львиными головами, покоился гроб царя

в форме спеленутой мумии. Под ложем, в ногах были найдены стружки с остатками позолоты. Оказалось, что в ногах гроб был чересчур высок и не позволял плотно закрыть крышку кварцитового саркофага. Поэтому, его тут же, на месте, обтесали снизу, плотно пригнав к размерам саркофага и облив в месте повреждения душистыми смолами, чтобы сделать их незаметными. Тут же были найдены куски ткани, остатки цветочных гирлянд, деревянный рычаг, при помощи которого производили установку гробов, а также великолепный сосуд для благовоний в форме царского картуша из золота и серебра.

Этот первый, внешний саркофаг (табл. XXб), имел в длину 2,25 *м.* Орнамент его, изображающий богинь Исиду и Нефтиду, охвативших покойного распростертыми руками и широко раскинутыми крыльями, характерен для 17-й династии. При 18-ой династии она была вытеснена формой, достаточно известной по большому количеству саркофагов чиновников, жрецов и др., эпохи нового царства, хранящихся во всех европейских музеях. Однако в царских погребениях она, очевидно, бывала еще в употреблении.

Руки и лицо этого первого саркофага (табл. XXI) из массивного золота сделаны круглой пластикой, брови и орбиты инкрустированы синей стеклянной пастой, глаза — аррагонитом и обсидианом. Жезл и плеть Осириса в руках царя украшены темно-голубым фаянсом, при чем самая плеть снизана из бус цвета бирюзы, ляпис-лазули и сердолика. Головной убор спереди украшен священной змеей и головой коршуна — эмблемами богинь Верхнего и Нижнего Египта, Нехебт и Буто. На них висел маленький веночек из сшитых между собою лепестков голубого лотоса, сохранивших еще и цвет свой и форму. Весьма вероятно, что Картер прав, высказывая предположение, что это последний дар юной вдовы царя, Анхеспаатон, дочери еретика Эхнатона. Как бы там ни было, но этот крошечный детский веночек, повешенный в последнюю минуту на голову золотого изображения усопшего, вносит опять нотку интимности, так характерной вообще для эпохи эль-Амарны, любившей подчеркивать в «божественных» владыках Египта их человеческую сущность.

Огромная ценность этого гроба заставила исследователей поторопиться с доставкой его в безопасное место — уже в первых числах января 1926 года он прибыл в Каирский музей и выставлен там для обозрения публики.

В первом гробу находился второй, плотно вставленный в него, тоже антропоидный, подобно первому покрытый золотым чеканным листом, с руками и лицом из массивного золота (табл. XXб). Как и первый гроб, он был покрыт покровом и имел на груди гирлянду из листьев ивы и оливы, из васильков и голубых лотосов. Покров был осторожно удален, поверхность гроба очищена от пыли веков, и крышка его была приподнята при помощи системы блоков. Третий и последний из гробов (табл. XXIIа) длиною около 1,85 метра и весом около $4^1/_2$ центнеров чистого золота, представлял собою, судя по словам очевидцев, настоящее чудо ювелирного искусства. К сожалению, фотография не может дать полного впечатления в виду большой трудности съемки: поверхность металла отсвечивает, и получающиеся блики мешают точной передаче всего великолепия подлинника. Общая ценность одного только золота этого единственного в своем роде саркофага определяется в 50 000 фунтов стерлингов (около 500 000 рублей золотом). Саркофаг изображает царя в качестве Осириса. Руки его, скрещенные на груди, охватывают своими крыльями богини Верхнего и Нижнего Египта — Нехебт и Буто; ноги его обнимают Исида и Нефтида. Работа отличается необычайно высокой техникой. Это — типично египетская перегородчатая эмаль (cloisonné), или то, что мы привыкли называть египетской эмалью, не делая разницы между техникой инкрустирования в золотые перегородки крошечных осколков камня и стекла, то-есть так называемым холодным способом работы, и собственно эмалью, получаемой путем плавления в огне разноцветных стеклянных смальт. В качестве материалов для инкрустации употреблены бирюза, ляпис-лазули и сердолик, излюбленные египетским искусством камни. Лицо и плечи мумии были покрыты еще массивной золотой маской, кованной, инкрустированной ляпис-лазули, сердоликом, алебастром, обсидианом, зеленым шпатом и цветным стеклом. Маска эта является точным портретным воспроизведением лица юного царя, а богатая цветная инкрустация сообщает ей большую жизненность. Ценность ее также чрезвычайно велика, не говоря уже об огромном художественном значении. По подсчету Картера, один материал ее стоит 5000 фунтов стерлингов (около 50 000 рублей). (Табл. XXIIб.)

Одной из наиболее захватывающих глав второго тома книги Картера является описание способов, которыми они извлекали один из другого золотые саркофаги. Работа осложнялась с одной

стороны сознанием своей ответственности перед наукой, с другой — своей необычайностью. Приходилось изобретать на месте, работая все время в температуре от 28° до 36° Реомюра, поднимая огромные тяжести (последний золотой саркофаг восемь человек могли с трудом приподнять), топчась все время в узком помещении, рискуя ежеминутно повредить неловким движением бесценные памятники древней культуры. Картер с юмористическим удовлетворением отмечает, что во всяком случае им удалось нанести драгоценным саркофагам меньше увечий, чем они их нанесли себе. Все возрастающий интерес к работе и необходимость вести ее спешно, чтобы успеть закончить обследование и саркофагов и мумии в один сезон, заставляли Картера с его помощниками напрягать все свои силы, и немудрено, что в лихорадочной спешке регистрации инвентаря царской гробницы в опись имущества фараона случайно попало несколько вещей, принадлежавших лично Картеру и его помощникам, как он отмечает в той же главе.

Вынуть первый золотой гроб из каменного было сравнительно наименее трудно. На крышке его имелись серебряные ручки по две с каждой стороны. Крышка была укреплена массивными шипами, впущенными в углубления в нижней части гроба и укрепленными в ней при помощи толстых серебряных гвоздей с золотыми шляпками. Шипы вынули, в углубления их в нижней части гроба впустили железные гвозди, воротом подняли его и поставили на подведенные доски.

Крышка второго гроба ручек не имела. Укреплена она была на нижней части такими же штифтами из серебра с золотыми головками. Задача осложнялась чрезвычайной тяжестью гроба и тем, что он очень плотно входил в первый. Решено было вытащить слегка серебряные гвозди, за них зацепить толстую медную проволоку. Внешний саркофаг зацепили за пропущенные в отверстия от шипов петли из толстой медной проволоки и опустили вниз, поддерживая второй саркофаг некоторое время на весу, пока под него не были снова подведены доски.

Огромные затруднения представило извлечение третьего саркофага. По подсчету Картера, не менее двух ведер благовонных веществ было вылито на него. В тех местах, где уровень их был невысок, они превратились в твердое, хрупкое, темное вещество, в глубоких местах они представляли собою вязкую массу,

при разогревании издававшую очень сильное, приятное благоухание. Анализ, произведенный Лукасом, установил, что в состав этой массы входили жиры и смолы. Золотой гроб так слипся со вторым, что вынуть его не представлялось никакой возможности прежним способом. Прибегли к несколько рискованному и совершенно необычному в археологической практике приему. Золотой гроб выложили оловянным листом, плавящимся лишь при 520° Цельсия. Затем оба гроба перевернули, положили на леса и внешний, деревянный, обложили мокрыми тряпками во избежание перегревания. Под саркофаги поставили парафиновые лампы. Лишь через несколько часов душистые смолы настолько размягчились, что стало возможным снять нижнюю часть второго, деревянного саркофага с золотого. Затем смолистая масса была удалена обмыванием уксусным спиртом, после чего золотой саркофаг был открыт и с мумии была снята золотая маска, путем опять того-же осторожного подогревания смолистых благовоний, вылитых обильно и на самую мумию.

Чрезвычайная обстоятельность и сложность заупокойного ритуала, необходимость сооружать над антропоидными саркофагами с телом царя золоченые, ящикообразные футляры в узком, подземном помещении делают вероятным, что гробница после погребения долгое время стояла открытой и что ценные приношения покойному фараону были внесены значительно позже самого погребения, непосредственно перед замуровыванием могилы.

К моменту вскрытия самой мумии в «Долине царей» собрались профессор Лако, профессор Дуглас Дерри, который именно и должен был производить вскрытие и исследование мумии Тутанхамона, доктор Салех-бей-Хамди и представители египетского правительства. К вскрытию было приступлено 11-го ноября (табл. XXIII).

Внешние пелены ее состояли из большого куска холста, трижды перехваченного бинтом вдоль и четырежды поперек. Поверх пелен и бинтов были прикреплены руки из полированного золота. Пелены были обвиты золотой лентой. Сверху лежало изображение души в форме птицы с человеческой головой (ба). Плеть и жезл, обычные для изображения Осириса, рассыпались при прикосновении к ним. Пелены были насквозь пропитаны благовониями, которые, разлагаясь, развили значительную теплоту, от которой пелены обуглились. Мумия, как и золотая маска, прикрывавшая ее лицо, как было выше упомянуто уже,

приклеились ко дну саркофага и, если маску удалось отделить подогреванием, мумия потребовала долгой работы, пока не удалось освободить и ее.

На золотых, массивных полосах, лентами опоясывавших мумию, шли надписи. Приводим их на основании немецкого перевода книги Картера (к сожалению иероглифический текст в книге не приведен и проверить точность перевода нам не удалось): в центре идет надпись «Богиня неба, Нут, матерь всех богов, говорит: «Я — мать твоя, сотворившая красоту твою о Осирис, царь, владыка всех земель, Неб-хепру-Ра; душа твоя жива, жилы твои сильны. Ты вдыхаешь воздух и выходишь в качестве бога, выходя как Атум, о Осирис — Тутанхамон. Ты выходишь и входишь с Ра... бог земли, князь богов».

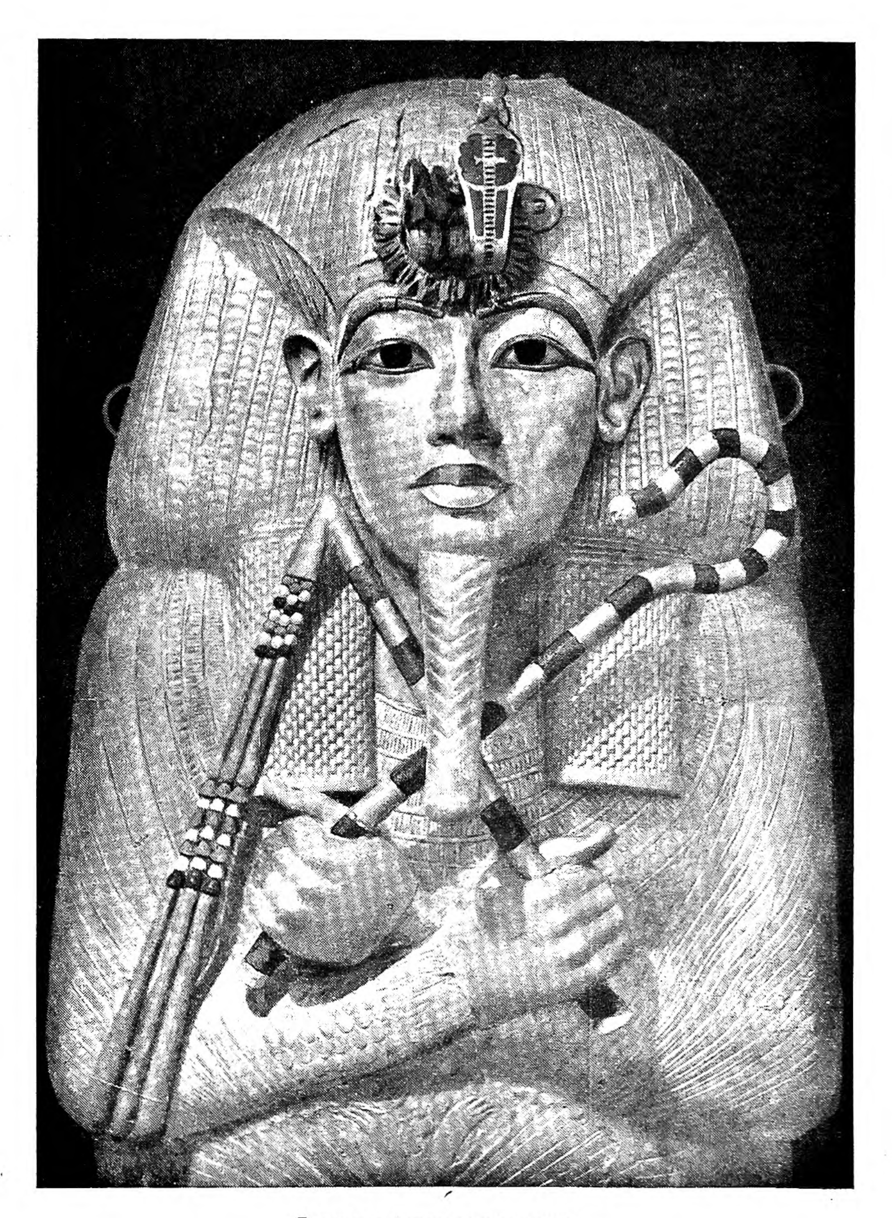
Геб говорит: «мой возлюбленный сын, наследник трона Осириса, царь Неб-хепру-Ра, как отлично достоинство твое, как могуществен трон твой царский; имя твое на устах всех рехит (людей, подданных царя), бесконечность твоя на устах живущих, о Осирис, царь Тутанхамон. Сердце твое в теле твоем во веки веков. Он во главе живущих, подобно тому, как Ра пребывает в небе».

На боковых лентах надпись гласит: «почтен Амсетом, Хапи, Кебехсенуфом и Дуамутефом (четырьмя сынами Гора, покровителями покойного), н «оправдан пред Осирисом».

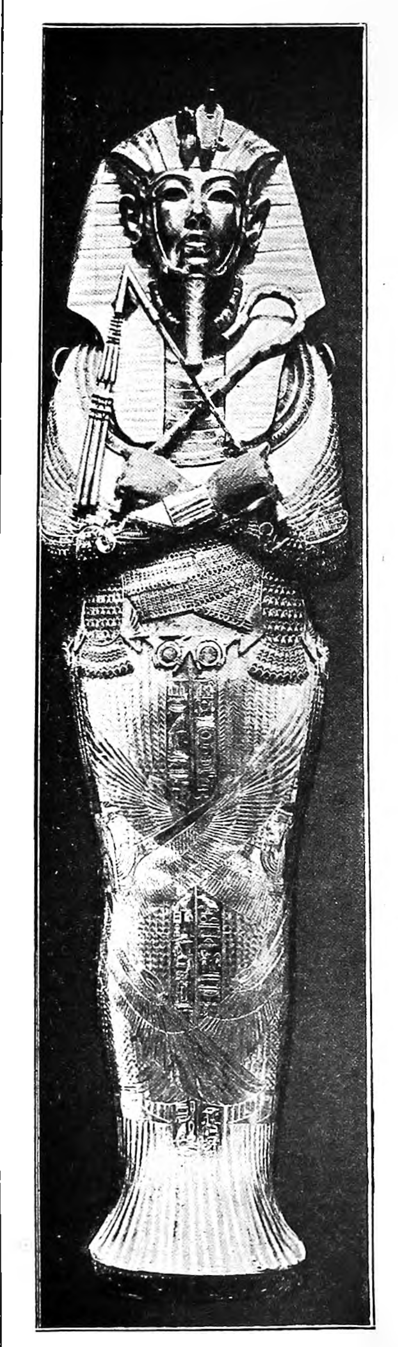
По сторонам мумии фестонами идут ленты, состоящие из мелких, инкрустированных золотых пластинок, соединенных бусами. Пластинки имели форму знаков Осириса и Исиды, солнечного диска и картуша. На обороте некоторых из них была дана «глава сердца». Книги мертвых с поминанием имени не Тутанхамона, а его предшественника на царском престоле, Сакара, или правильнее Сменкара. Имя Сменкара несколько раз стерто и заменено именем владельца гробницы. Трудно окончательно сказать, как эти золотые звенья попали в погребение Тутанхамона, во всяком случае самый факт любопытен в историческом отношении.

Мумия лежала слегка на боку. Душистые эссенции очевидно были налиты в гроб предварительно, потому что уровень их поднялся неравномерно кругом мумии, по счастью мало коснувшись ног и особенно головы.

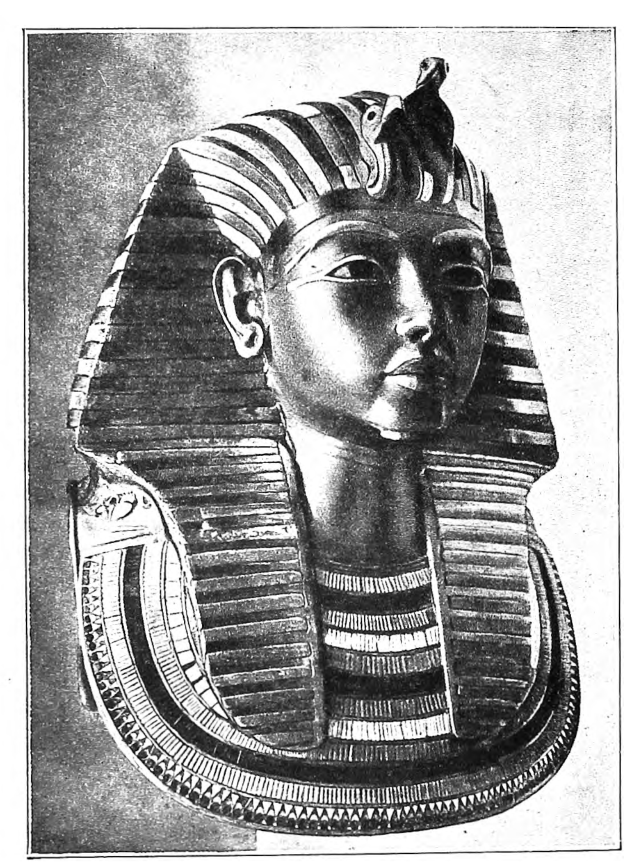
Обугленные бинты покрывали слоем горячего параффина, и после его остывания проф. Дерри срезал их и удалял крупными

Деталь второго саркофага.

Внутренний саркофаг из массивного золота.

Золотая маска Тутанхамона.

кусками, так как желательно было сохранить их по возможности в полной сохранности, хотя бы таким способом, если пришлось отказаться от сматывания их. В способе бандажирования ничего нового найдено не было. Материал бинтов — чрезвычайно тонкое полотно, в роде современного батиста. Следует отметить попутно, что мумия не была подвергнута рентгенизации, как об этом ошибочно сообщалось в нашей прессе. Поразительно было огромное количество амулетов и ценных украшений, которыми мумия была буквально с ног до головы покрыта.

На голове был одет странный убор в форме короны Осириса (атеф), только без обычных перьев по бокам. Назначение его неясно, но в виду того, что он сделан из холста, можно высказать предположение, что он служил своего рода подушкой, поддерживавшей массивную золотую маску и предохранявшей лицо от ее давления. Под головой помещался небольшой амулет в форме подголовника (урес) обычной формы, но в противуположность известным нам подголовникам из других погребений, изготовляемым из гематита, амулет Тутанхамона был из чистого железа, факт очень примечательный, потому что обычно считалось, что железо начинает широко проникать в Египет с XIX дин., т. е. с Рамсеса II.

На голове, под повязкой в форме жгута из растительных волокон, была одета диадема — повязка из золота и сердолика. Царские диадемы такой формы нам были знакомы главным образом по росписям. Символы обоих Египтов, коршун-Нехебт и змея-Буто, были сняты с диадемы и оказались в ногах, при чем были тщательно уложены таким образом, чтобы змея, символ Нижнего Египта, приходилась к северу, а коршун Верхнего Египта — к югу. Под диадемой на лбу шла широкая золотая полоса с прорезями для тесемки по концам ее. Эта полоса обрамляла и сдерживала царский головной платок, истлевший от времени, за исключением его конца, свернутого жгутом на затылке. Под золотой полосой шли опять пелены, а под ними снова золотая, кованая лента, обрамлявшая чепец из тонкого полотна, плотно прилегавший к голове и вышитый золотом и фаянсовыми бусами, образующими форму царского урея. Любопытно, что на чепце было вышито имя Атона, солнечного диска, от культа которого Тутанхамон официально отказался. Снять чепец не удалось, — его покрыли слоем параффина, чтобы предохранить от разрушения. Затем с лица царя мягкой кистью удалили послед-

нюю, тонкую пелену, рассыпавшуюся в прах при первом прикосновении, и Тутанхамон предстал пред Картером и его сотрудниками. Но о самой мумии будет сказано ниже, после того как мы хотя бы в кратких словах ознакомимся с данными обследования тела фараона.

На шею Тутанхамому было возложено несколько широких ожерелий в форме нагрудника и двадцать амулетов, расположенных шестью рядами, при чем каждый последующий ряд от предыдущего отделялся слоем бинтов. На груди лежало около 35 амулетов, среди них четыре великолепные ожерелья.

Утомительно перечислять отдельные предметы, тем более, что никакое описание не даст ясного представления о них. Поэтому ограничусь только упоминанием, что на теле фараона было найдено в общей сложности 143 предмета, сгруппированных очевидно по определенному принципу. Вещи распадаются на два рода, — заупокойный инвентарь и вещи, употреблявшиеся царем при жизни. Как наиболее интересные, отмечу только некоторые.

Любопытен золотой браслет, украшенный символическим оком Гора (уджа) из железа. Чрезвычайно характерно для доказательства сравнительной редкости и ценности железа, что этот металл употребляется как ювелирный материал. Далее для характеристики ювелирной техники Египта интересны две подвески, — одна изображает сокола с солнечным диском на голове, другая — скарабея, с лунным диском в лапах. Солнечный диск сделан из золота, легированного с медью, а лунный диск сделан из золота же, но легированного с серебром, чтобы ярче подчеркнуть разницу между горячим, ярко-золотым светом солнца и между бледным, отраженным светом луны. Интересен своей необычной формой амулет из золотой жести в форме буквы Т, лежавший слева, на животе мумии. Роскошны по отделке два кинжала, найденных на теле молодого фараона, при том именно в том положении, как они действительно носились при жизни. Один из них, засунутый за пояс, лежал рукояткой направо, концом к левому бедру. Рукоятка его украшена чередующимися полосами зерни и вставок из цветного стекла и полудрагоценных камней. Клинок имеет посредине три желобка, вверху украшенные «лилейной пальметкой». Хотя он золотой, так же как и рукоятка, очевидно он не служил только декоративно-бутафорским целям, потому что золото его достаточно твердо для более серьезного назначения, — вероятно он служил царю на охоте, судя по охот-

ничьим сценам на его ножнах. Надпись на кинжале: «добрый бог, владыка силы, Неб-хепру-Ра» и работа—типично египетские, но влияние средиземноморского искусства сказывается и в изображении охотничьих сцен и в украшении зернью на ручке кинжала.

Еще более интересен второй кинжал, лежавший справа на золотых пластинах, образующих центральную часть царского передника. В орнаментации его те же характерные черты, которые были отмечены для предыдущего, чрезвычайно важно, однако, отметить, что клинок его железный, и что железо совершенно не окислилось. Форма обоих кинжалов напоминает аналогичные кинжалы Камеса и Аахотеп. Рукоятка их зажималась между вторым и третьим пальцем, и они употреблялись для нанесения колотых ран.

На золотом поясе еще была укреплена золотая же трубочка, в которую вставлялся хвост, этот неотъемлемый признак царского орната. Тут же найдены были четыре хвоста, но они сильно пострадали, так как их пришлось высекать из затвердевшей смолы. Один из них был снизан из бус.

На ногах были золотые, кованые сандалии, на пальцах ног и рук — золотые футляры.

Таковы в самых основных чертах сокровища, найденные на теле Тутанхамона. Особенно новых откровений в смысле форм они нам не принесли, лишний раз подтвердив только, что египтяне были изумительными мастерами-ювелирами. Достаточно сказать, что золото в гробнице Тутанхамона имеет различную окраску, — блестящее и матовое, желтое, зеленоватое, красное, различных оттенков, оно выдает отличное знакомство с различными способами легировать с золотом медь, серебро и железо. По сравнению с общеизвестными ювелирными работами эпохи XII дин., в вещах Тутанхамона чувствуется определенно чужеземное влияние (впрочем характерное и для XII д.), некоторая изнеженность и упадочность.

Вместе с амулетами на мумии были найдены фрагменты чрезвычайно ветхого папируса с каким-то ритуалом.

Разобрать его впоследствии вероятно удастся, в настоящее время мы можем только предположительно сказать, что может быть мы здесь имеем формулы, сопровождающие амулеты. Поминаются имена Исиды и Осириса, — больше пока трудно сказать.

Обследование мумии, как было помянуто выше, было поручено профессору анатомии египетского университета, Дугласу Дерри. Картер и Дерри считают необходимым оправдать свое «святотатственное» деяние указанием на то, что рано или поздно она попала бы в руки воров и торговцев древностями, и была бы растащена по частям.

В кратком протоколе вскрытия, приложенном к книге Картера, проф. Дерри устанавливает, что способ бальзамировки и завертывания тела Тутанхамона совершенно тот же, который был классическим для 18-ой династии. Самые внешние покровы мумии, также как самые внутренние, были из тончайшего батиста, средние — из более грубого холста. На теле спереди лежали большие платки. Обычай употреблять большое количество тканей при положении мумии в саркофаг развивается с эпохи XII дин. Проф. Дерри нашел на мумии одного вельможи простыню длиной в 19,25 *м*, шириной в $1^1/_2$ *м*, сложенную в восемь раз.

Голова мумии была обрита. Ноздри заткнуты, глаза прикрыты кусками тканей, пропитанных смолами. Ресницы молодого царя чрезвычайно длинны, верхняя губа слегка вздернута кверху, крупные резцы. Уши малы, хорошо сформированы, мочки проткнуты. На левой стороне, около мочки, как-будто следы ранки, окруженной бесцветной кожей. Установить ближе характер и причины этого пятна не удалось. Череп широкий, имеет очень выпуклую затылочную часть. По внешнему виду череп чрезвычайно напоминает череп Эхнатона. Проф. Дерри категорически отвергает попытки искать в такой странной деформации черепа признаков водянки. Водяночные черепа, по его словам, дают характерное выпячивание в области лба, но никак не в области затылка. Измерение также подтвердило сходство черепов обоих фараонов (если только условиться считать приписываемый Эхнатону череп действительно принадлежащим ему), Эллиот Смис считает ширину черепа в 154 *мм*, у Эхнатона необычной для египетской головы. Измерение головы Тутанхамона дало ширину в 155,5 *мм*. Факт чрезвычайно интересный по двум причинам: во-первых, потому, что он выдвигает на первый план вопрос о возможности кровного родства между Эхнатоном и Тутанхамоном, во-вторых, потому, что он делает возможной старую догадку о не вполне египетском происхождении Эхнатона, а следовательно и Тутанхамона.

Зубы мудрости справа уже прорезались сквозь десну, слева они менее заметны. Наличность, или, наоборот, отсутствие обрезания не удалось установить. Тутанхамон был очевидно очень худощав и не достиг еще полного роста. Мумия в длину равняется 1,64 *м* или немного больше. Этот же рост установлен и для найденных в первой кладовой статуй царя. На основании признаков сочленений конечностей проф. Д е р р и установил, что в момент смерти молодому царю было около 18 лет. На основании венков и гирлянд в гробнице проф. Ньюберри удалось установить довольно точно, что смерть Тутанхамона последовала между серединой марта и концом апреля, так как васильки в Египте цветут как раз в это время, а голубой лотос, цветущий собственно в июле, являлся настолько излюбленным цветком, что искусные египетские садоводы могли выгонять его и в неурочное время для потребностей двора и вельмож.

Таковы в общих чертах конкретные результаты розысканий в гробнице Тутанхамона. Работы в настоящее время закончены, поскольку вопрос касался извлечения вещей из боковой кладовой рядом с первой, открытой Картером еще совместно с Карнарвоном, и из последней комнаты, рядом с помещением саркофага. К сожалению исчерпывающего описания добытого материала мы не имеем, поэтому можем указать только на великолепный ларец для каноп со внутренностями царя, обшитый золотым листом с рельефными украшениями и четырьмя золотыми статуэтками богинь, стоящими в позе охраняющих ларец, с распростертыми руками, с головой, повернутой через плечо по направлению к зрителю. Судя по описаниям и по снимкам, дошедшим до нас, ларец этот представляет настоящее чудо ювелирного и скульптурного искусства.

Но если на месте, в «Долине царей», работы пришли к благополучному концу, открывается новый, внешне менее блестящий, внутренно более содержательный период — изучение собранного материала, введение его в научный обиход, извлечение из него исторически-важных указаний. Уже и теперь можно еще раз подчеркнуть, что в лице этой гробницы мы имеем первое и единственное неразрозненное, почти нетронутое грабителями, царское погребение. Даже если бы до нас дошли в целости несомненно неизмеримо более великолепные погребения Рамессидов или Тутмосидов, эта сравнительно скромная, второстепенная

по богатству могила сохранила бы значение отличного комплекса памятников искусства эпохи Тутанхамона.

Прежде чем закончить наше дополнение к увлекательной книге Картера, хотелось бы совсем вкратце остановиться еще на одном вопросе, вытекающем непосредственно из добытого археологического материала. Картер говорит о мастерской передаче портретного сходства юного царя на его антропоидных саркофагах, особенно на маске, покрывавшей его лицо. И одновременно он указывает на разительные черты сходства его с Эхнатоном (и с дочерьми Эхнатона, добавим) и пожалуй еще больше с деревянной головкой Тии, описанной и отлично изданной Борхардтом. Вопроса об этом сходстве мне пришлось в свое время коснуться в своей статье в «Анналах» (т. IV стр. 194 след.), при чем тогда мною высказывалось предположение, что мы имеем здесь дело отнюдь не с одним стилистическим сходством, но вне всякого сомнения также и с фамильным сходством. Это мнение в настоящее время получает некоторое подтверждение в результате сравнительного измерения черепа Тутанхамона и предполагаемого черепа Эхнатона.

Одновременно мне в той же статье пришлось напомнить об одном памятнике Тутанхамона, изданном Лоре в XI т. «Recueil d. travaux» (стр. 212), о каменном льве с горы Баркала в Нубии, с надписью, гласящей, что «царь Верхнего и Нижнего Египта, Неб-хепру-Ра, сын Ра, владыка сияний, Тутанхамон, владыка Фив, возобновил памятники отца своего, царя Верхнего и Нижнего Египта, Неб-маат-Ра, сына Ра, Аменхотепа (III), владыки Фив». Вполне возможно, что молодой царь Аменхотепа III называет отцом чисто условно, считая себя просто продолжателем его дела, но догадка Лоре о возможности и прямого родства между ними была поддержана и Масперо, ссылавшимся на разительное сходство изображений Тутанхамона с изображениями членов семьи Эхнатона. Даже одинаковые черты болезненности в лицах и фигурах обоих фараонов подтверждали по мнению Масперо их родство. Домыслы французских ученых клонились в сторону возможности происхождения Тутанхамона от Аменхотепа III через брак его с неизвестной нам женщиной.

Однако против такой возможности говорит большая продолжительность царствования Эхнатона, не позволяющая ни при каком расчете отнести год рождения Тутанхамона хотя бы даже к самому последнему году правления Аменхотепа III. Ведь

в момент смерти Эхнатона молодому царю было никак не больше 12 лет, следовательно, год его рождения падает как раз на средние годы царствования Эхнатона.

В настоящее время Картер выдвигает другую возможность, не лишенную очень большой доли вероятия. Говоря о сходстве молодого царя с Эхнатоном и с матерью последнего, царицей Тией, он одновременно указывает на полное отсутствие сходства у него с Тутмосидами и их линией. Далее он приводит письмо Тушратты, царя, Митанни к Эхнатону,[1] где Тушратта, передавая поклоны жене царя, своей дочери, шлет поклон также «другим женам Эхнатона». О наличности гарема у Эхнатона мы знаем между прочим по словам американского ученого Уайтмора, недавно посетившего нас, которому мы обязаны рядом чрезвычайно ценных указаний, тем более важных, что Уайтмор является очевидцем и участником раскопок Телль-Амарны и имел возможность непосредственного ознакомления с «Долиной царей» и ее сокровищами. Вилла Эхнатона в Телль-Амарне имеет ряд небольших, тесных и мало удобных помещений, выходивших в сад с неизбежным в Египте прудом; эти помещения были отведены женам Эхнатона, не игравшим такой доминирующей роли, как Нефертити. Весьма возможно, что Картер вполне прав, полагая, что Тутанхамон (а может-быть и Сменкара, царствовавший всего около года по смерти Эхнатона) был родным сыном Эхнатона от другой жены и что он, в полном согласии с древним египетским обычаем, вступил в брак со своей сводной сестрой Анхеспаатон. Уже на Эхнатоне ясно сказывается, что некогда сильный род клонится в его лице к полному вырождению, — его сын (если считать Тутанхамона таковым) является, так сказать, последним слабым побегом славной 18-ой династии, захиревшим и сошедшим в могилу, едва выйдя из отроческого возраста.

Относительно роли его сводной сестры и жены Анхеспаатон после его смерти мы ничего не знаем.

Считать ли ее той египетской царицей, письма которой к хеттскому царю были упомянуты Грозным в 1915 г.[2] и недавно опубликованы Циммерном[3] в транскрипции, с пе-

---

[1] Knudtzon «El-Amarna-Tafeln». S. 241 № 28.

[2] Mit d. Deutschen Orient-Gesellschaft, 1915, № 56, стр. 35—37.

[3] Zeitschrift f. Assyr. 1923 I Heft.

реводом и комментарием, или автором их была ее мать, вдова Эхнатона, сказать окончательно пока невозможно. Во всяком случае нет в истории Египта эпохи, которая была бы так обильна «человеческими документами», не только письменными, но и вещественными, и, конечно, одно из главных мест в их ряду займет гробница Тутанхамона.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
От издательства	3
Предисловие. *Г. Картер*	5
Введение. Египет до Тутанхамона. *Г. Штейндорф*	11
Глава I. «Долина царей» и гробница	22
Глава II. «Долина» в новое время	32
Глава III. Наши подготовительные работы в Фивах	41
Глава IV. Мы находим гробницу	49
Глава V. Предварительное обследование	57
Глава VI. Обозрение передней комнаты	67
Глава VII. Перенесение вещей из передней комнаты	76
Глава VIII. Работа в лаборатории	90
Глава IX. Вскрытие запечатанной двери	109
Дальнейшее обследование гробницы. *Н. Флиттнер*	116

2 руб.

Переплет 75 к.